

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 9 2021 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 24.09.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

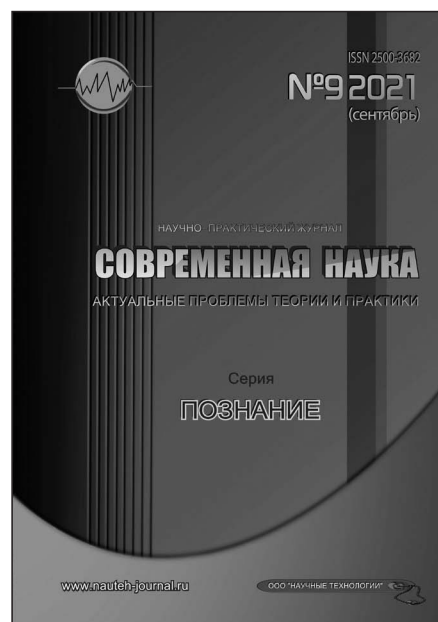
Серия: Познание №9 (сентябрь) 2021 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Каландаришвили З.Н., Гезенко Д.П. – К вопросу об основных подходах к типологии культур
Kalandarishvili Z., Gezenko D. – To the question about the basic approaches to the typology of cultures... 5

Раитина М.Ю. – Интерпретация творчества в культурно-исторической трансформации
Raitina M. – Interpretation of creativity in cultural and historical transformation 8

Психология

Альвади Марьям Неамах Джудех, Чибисова М.Ю. – Влияние детских песен на социально-психологическую адаптацию обучающихся начальных классов Республики Ирак
Alawadi Maryam Neamah Joudah, Chibisova M. – The influence of children's songs on the socio-psychological adaptation of students in primary classes in the Republic of Iraq 11

Бакаева Е.Ю., Пилишвили Т.С. – Особенности тревожности личности у детей с различным пищевым поведением
Bakaeva E., Pilishvili T. – Peculiarities of personal anxiety in children with various eating behavior ... 15

Жакупова Я.Т., Атаманов А.А., Мокина Я.В. – Особенности когнитивных нарушений у пациентов с отдалёнными последствиями черепно-мозговых травм
Zhakupova Ya., Atamanov A., Mokina Ya. – The characteristics of cognitive impairments in patients with remote effects of craniocerebral traumas 20

Ким Э Сун – Адаптация опросника по самолидерству
Kim E Sun – Adaptation of the self-leadership questionnaire..... 26

Коваленко М.А. – Социально-психологические детерминанты наблюдательности профайлера от личности к имиджу
Kovalenko M. – The model of socio-psychological determinants of profilers observation ability 36

Маркман Е.В. – Обзор научных исследований по специфике переживания перинатальных утрат
Markman E. – Review of scientific research on the specifics of experiencing perinatal loss 40

Маст С.В. – Особенности развития копинг-стратегий у подростков с разным уровнем склонности к аддиктивному поведению
Mast S. – Features of the development of coping strategies in adolescents with different levels of propensity for addictive behavior 44

Наличаева С.А., Ткаченко А.А., Борисенко З.В., Терентьев Б.И., Лукина Е.М. – Эмпирическое исследование компонентов и факторов жизнеспособности жителей Севастополя
Nalichaeva S., Tkachenko A., Borisenko Z., Terentyev B., Lukina E. – Empirical study of components and factors of resilience of Sevastopol residents 48

Потапова Е.В., Калиновская К.С., Моисеенко А.Н., Кембель В.Р. – Связь конкордантных целей и субъективного благополучия в период ранней взрослости
Potapova E., Kalinovskaya K., Moiseenko A., Kembel V. – The relationship between concordant goals and subjective well-being in early adulthood..... 55

Стоянова Е.И., Живаева Ю.В., Казакова Т.В., Кембель В.Р. – Изменение коммуникативной толерантности студентов психологов в период обучения в вузе
Stoyanova E., Zhivaeva Yu., Kazakova T., Kembel V. – Changes in the communicative tolerance of psychology students during the period of study at the university..... 61

Философия

Багаева О.Н. – Концепция общения в субъект-объектном разделении бытийственности и ее актуальность в современной коммуникативной действительности (на материалах трудов Павла Александровича Флоренского и Карла Ясперса)
Bagayeva O. – The concept of communication in the subject-object division of beingness and its relevance in modern communicative reality (based on the works of Pavel Alexandrovich Florensky and Karl Jaspers). 66

Григорьев А.В. – Экзистенциальное измерение самоосуществления
Grigoriev A. – The existential dimension of self-fulfillment 71

Скопа В.А. – Феномен виртуальной реальности в философском дискурсе
Skopa V. – The phenomenon of virtual reality in philosophical discourse 74

Фетисова Е.Н. – Влияние музыки на экзистенциальный опыт индивида
Fetisova E. – The influence of music on the existential experience of the individual 78

Юрасов А.А. – Аргумент последствий как модификация ленивого софизма
Yurasov A. – The consequence argument as a modification of the lazy reason 82

Информация

Наши авторы. Our Authors. 85

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 86

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ К ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР¹

Каландаришвили Зураб Нодарович

К.ю.н., к.п.н., профессор, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Гезенко Дарья Павловна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
billy_92@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE BASIC APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF CULTURES

**Z. Kalandarishvili
D. Gezenko**

Summary: In this research, the authors discuss the problem associated with the main approaches to the typology of cultures. Culture acts as a criterion in determining the quality side of the legal reality of people's lives. According to the authors of the article, the variety of different approaches to the typology of cultures testifies to the complexity and ambiguity of this problem. On this issue, researchers are looking for new directions and new approaches.

Keywords: law, society, culture, typology of cultures, civilizational approach, formational approach, semiotic approach.

Аннотация: В своем исследовании авторы рассуждают о проблеме, связанной с основными подходами к типологии культур. Культура выступает критерием в определении качественной стороны правовой реальности жизни людей. По мнению авторов статьи, многообразие различных подходов к типологии культур свидетельствует о сложности и неоднозначности этой проблемы. По данному вопросу исследователями ставится поиск новых направлений и новых подходов.

Ключевые слова: право, общество, культура, типология культур, цивилизационный подход, формационный подход, семиотический подход.

Рассмотрим наиболее распространенные в современной научной мысли подходы к типологии культур. Стоит отметить, что наиболее распространенными являются цивилизационный и формационный подходы, которые дополняют друг друга и помогают создавать многомерную, объемную картину действительности и, в том числе, картину развития, так как народы и культуры любой эпохи в прошлом, настоящем и будущем не могут существовать вне конкретных цивилизаций, возникая, развиваясь и иногда умирая в пределах того или иного автономного пространства, в пределах той или иной культурной общности людей, имеющих общую историю, религиозные, социально-психологические, иные духовные, поведенческие и прочие традиции и стереотипы, сходные экономические основания, политико-правовое устройство и т.д. В пределах любой формации существуют различные цивилизации, последние, развиваясь, переходят, как правило, из одной формации в другую, либо погибают, исчезают, либо, наконец, некоторые цивилизации застывают в своем развитии, оставаясь в пределах одной формации.

В свое время П.А. Сорокин построил типологию культур на основе ценностного критерия, примененного диахронно. Ученый выделил идеациональную, чувственную и идеалистическую культуры и соответствующие им

правовые культуры. Предложенная ученым типология культур позволяет выявить влияние ценностей на специфику коммуникаций в рамках каждой из культур и соответственно уяснить существующие между ними различия.

Идеациональная культура характеризуется следующими основными чертами: 1) реальность понимается как нематериальное, непреходящее, вечное Бытие; 2) цели и потребности общества, в основном, духовные; 3) степень их удовлетворения – максимальная и на высочайшем уровне; 4) способом их удовлетворения является добровольная минимизация большинства физических потребностей [1, с.18].

Таким образом, идеациональная культура – это религиозная культура, в которой главной целью является Бог.

На основе вариаций четвертого пункта П.А. Сорокин выделяет два основных подвида идеациональной ментальности: аскетический идеационализм и активный идеационализм. Первый ищет удовлетворения потребностей и реализации целей путем чрезмерной минимизации плотских потребностей и даже отказа от них, что сопровождается полной отрешенностью от чувственного мира и собственного тела, рассматриваемых как не-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №20-011-00794А «Государственно-правовые системы современного мира»

что нереальное, как иллюзия.

Второй ищет «удовлетворения потребностей и реализации целей не только путем минимизации телесных потребностей индивидов, но также путем преобразования чувственно воспринимаемого социокультурного мира в направлении духовной реальности и целей, избранных в качестве основных ценностей». Носители активного идеационализма не бегут от мира, как иллюзии, но стремятся приблизить его к Богу, спасти не только свои души, но и души других людей [5, с.496].

В чувственной культуре реально считается только то, что воспринимается органами чувств. В такой культуре отсутствует вера в сверхчувственную реальность, находящуюся за пределами чувственных ощущений. Потребности и стремления носителя чувственной ментальности – в основном физические, и все делается для того, чтобы эти потребности были максимально удовлетворены. При этом способ их реализации заключается не в преобразовании духовного мира человека, а в преобразовании и эксплуатации внешнего мира. Таким образом, чувственная культура – это светская культура, главная ценность которой – человек с набором нуждающихся в удовлетворении разнообразных, прежде всего, чувственных потребностей. Примером чувственной культуры является для П.А. Сорокина современная западная культура, главный принцип которой состоит в обслуживании физических потребностей индивидуума.

В системе социального регулирования при чувственной культуре отсутствует апелляция к сверхчувственным ценностям. Личные и имущественные отношения людей управляются с точки зрения их целесообразности, полезности либо для общества в целом, либо для правящей элиты. Идеациональные ценности не играют никакой роли в ограничении или контроле этих утилитарных побуждений. Система регулирования определяется исключительно чувственными побуждениями. Соответственно все отношения – либо договорные (на основе совместного соглашения сторон), либо общеобязательные (навязываемые сильными слабым) и санкционированы законом.

Идеалистическая культура, согласно П.А. Сорокину, представляет собой смешанный, «логически интегрированный» вид культуры. В количественном отношении идеалистическая культура есть более или менее сбалансированное соединение идеациональных и чувственных элементов с преобладанием, однако, элементов идеациональных. В качественном отношении она синтезирует посылки обоих типов в одно внутренне согласованное и гармоничное единство. Реальность для нее многогранна, имеет аспекты и непреходящего Бытия, и вечно изменяющегося Становления – духовного и материального. Его потребности и цели – духовные

и материальные, однако материальные не подчинены духовным. Способы их реализации заключается и в самосовершенствовании, и в преобразовании внешнего чувственно воспринимаемого мира: другими словами, эта ментальность и идеациональному, и чувственному воздает *sum cuique* (каждому свое). Соответственно, такой гармоничный характер имеет и идеалистическая правовая культура. Историческим примером такой культуры является для П.А. Сорокина европейская культура XIII-XIV вв., когда произошло органическое слияние двух культурных принципов – приходящего в упадок принципа идеациональной культуры и нового принципа зарождающейся чувственной культуры. Таким образом, западная культура, полагает П.А. Сорокин, прошла в своем развитии три стадии – идеациональную (V-XII вв.), идеалистическую (XIII-XIV вв.) и чувственную (с XVI в. и по настоящее время). Такие стадии можно выделить в рамках любой культуры.

Сторонник семиотического подхода Ю.М. Лотман выделяет зависимость типа культуры от типа (средств) коммуникации. Ученый понимает коммуникацию как передачу информации при помощи определенных средств. Смена типа коммуникации влечет за собой изменение глобальных культурных типов в истории. Так, первая смена происходит в связи с переходом от бесписьменных культур к письменным, вторая – в связи с появлением печатного станка и возникновением «книжной» культуры, третья – основана на распространении новых средств массовой информации. Четвертый тип – это тот тип культуры, к которому относят современные общества: тип новейших информационных технологий. Информационным обществам соответствует сетевой тип культуры, теория которого активно разрабатывается в западной социологической и политико-правовой мысли. В данном типе культуры оказываются максимально востребованными коммуникативные способности человека, создающего вокруг себя «сеть» коммуникаций, что позволяет сделать более эффективным процесс обмена идеями, информацией и ресурсами [2, с.104].

Из интересных научных работ последних лет, где объектом изучения являлась бы проблема типологии культуры, следует учесть исследования А.П. Семитко. Типология культур по концепции ученого должна базироваться на учете особенностей и черт всех основных сфер человеческой жизнедеятельности и культуры. Однако этот учет не должен подменять собой анализ собственно духовной сферы жизни общества [3, с.24].

Центральным положением в работе А.П. Семитко является предположение и обоснование новой «двучленной» типологии культуры. В развитии последней выделяются два исторических типа: социоцентрический и персоноцентрический типы культуры. Основанием выделения названных типов является положение личности

в социуме и уровень обеспечиваемой правом свободы человека. Как полагает А.П. Семитко, в настоящее время развитие личности в целом идет от социоцентристского к персонцентристскому типу культуры.

В социоцентристском типе культуры приоритетными и основополагающими являются идея и интересы общего целого, общины, государства и общества, отдельных их представителей (правители, правящая элита, немногочисленный господствующий класс и т.д.). Не персона, не личность, а социальность, социум находятся здесь в центре социальной защиты, в центре культуры, отсюда – социоцентризм. Этот тип культуры характеризуется не только указанными фундаментальными, базовыми ценностями, но и своими особыми, специфическими правовыми средствами: запретами, императивами, разветвленными и многочисленными санкциями, подчеркнутым публично-правовым характером и т.д. В центре персонцентрического типа культуры находится персона, личность, ее права и свободы, законные интересы и достоинство. Персонцентрический тип культуры базируется, прежде всего, на дозволениях, утверждаются принципы договорных отношений и т.д. В то же время для

персонцентрического типа культуры характерно принципиально новое, более высокое и серьезное отношение общества и личности к соблюдению обязанностей. Оба типа культуры направлены на защиту интересов, как общества, так и личности, только в принципиально различном, противоположном отношении, в одном случае при возникновении между ними коллизий приоритет отдается социальным интересам в ущерб интересам личности (социоцентризм), в другом случае – делается попытка согласовать интересы общества и личности и лишь при недостижении консенсуса приоритет отдается личности, ее правам и свободам (персонцентризм). Эти закономерности в чем-то аналогичны соотношению дозволений и запретов в разрешительном и общедозволенном типах регулирования (главное – что лежит в основе), являются их продолжением на другом философско-культурологическом уровне анализа [4, с.35].

Таким образом, многообразие различных подходов к типологии культур свидетельствует о сложности и неоднозначности этой проблемы, что ставит перед исследователями поиск новых направлений и новых подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучумова Е.В. Формирование правового дискурса в российской культуре конца 20 века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - СПб., 2003. - С.18.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи: Семиотика культуры. Том 1 – Таллинн, 1992. – С. 104-105.
3. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии). Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Екатеринбург, 1996. - С. 23-24.
4. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. - Екатеринбург, 1996. - С. 34-35.
5. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 495-497.

© Каландаришвили Зураб Нодарович (zurab.kalandarishvili@yandex.ru), Гезенко Дарья Павловна (billy_92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Раитина Маргарита Юрьевна

*К.ф.н., доцент, Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
raitina@mail.ru*

INTERPRETATION OF CREATIVITY IN CULTURAL AND HISTORICAL TRANSFORMATION

M. Raitina

Summary: The article deals with the peculiarities of understanding creativity in the horizon of cultural and historical transformation. It is noted that the interpretation of the interpretation of creativity is associated with the constitution of a person's cultural world, which determines his existential space. An analysis of the philosophical systems of thinkers belonging to a certain historical era reveals a connection with their personal meanings and values, which are directly determined by the socio-cultural context. An overview of the concepts of creativity from antiquity to modern philosophical tendencies is given. It is concluded that the nature of creativity, creative processes is set by the corresponding turn in philosophy and can be investigated on the basis of an interdisciplinary approach.

Keywords: creativity, man, culture, society, values.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности понимания творчества в горизонте культурно-исторической трансформации. Отмечено, что интерпретация трактовки творчества связана с конституированием культурного мира человека, определяющим его экзистенциальное пространство. Анализ философских систем мыслителей, принадлежащих к определенной исторической эпохе, обнаруживает связь с их личностными смыслами и ценностями, которые напрямую детерминированы социокультурным контекстом. Приведен обзор концепций творчества от античности до современных философских тенденций. Сделан вывод, что природа творчества, творческих процессов задана соответствующим поворотом в философии и может быть исследована на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: творчество, человек, культура, общество, ценности.

Современная культурная ситуация обуславливает необходимость развитие творческого потенциала человека, креативных способностей, позволяющих соответствовать новым реалиям мира. Соответственно постижение творчества как одного из культурных оснований действительности является актуальным и было заложено на самых ранних этапах культурно-исторического развития общества. Исследование творчества с позиции его природы и сущности занимались многие авторы, начиная с Платона, а далее Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон, Н.А. Бердяев, Г.С. Батищев, А.Ф. Лосев, О.Б. Афанасьев. Общефилософским вопросам творчества и креативности посвящены работы А.И. Субетто, В.Н. Николко, М.А. Кузнецовой, В.А. Лекторского, И.А. Бесковой, Д.Н. Боровинской, А.И. Столетова и др.

Социокультурная трансформация трактовки творчества связана с конституированием культурного мира человека, определяющего его экзистенциальное пространство, что соотносится с личностными смыслами и ценностями эпохи и детерминировано культурно-историческим контекстом.

Так, в контексте античной социокультурной реальности творчество начинает рассматриваться как процесс создания ранее не существующего, усматривая стремление человека к совершенству и созиданию. Наиболее отчетливо проблема творчества была поставлена Платоном. Согласно Платону, творчество представляет собой искусство созидания, существуя в двух ипостасях. Во-первых, в качестве сущностного аспекта эйдоса, или первообраза, модели творения. Во-вторых, в виде творческого акта, в процессе которого план творения превращается в сотворенное. Для названия последнего Платон и употребляет понятия демиурга, творца, создателя [8].

Несколько иную интерпретацию творчества можно обнаружить в учении Аристотеля. Аристотель рассматривает понятие «перводвигатель», как принцип творчества, усматривая в нем субстанцию, а следовательно, источник изменения и появления нового, в то время как человеческий ум потенциален в становлении всего [1]. Последнее определяет творчество как атрибут человеческого бытия.

С точки зрения западноевропейской средневековой

1 Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

философии, которая исходит из доминантной категории – понятия Бога, творчество понимается как имманентное бытию (Августин, Ф. Аквинский). В свою очередь дух, проявленный в человеке, есть его высшая сущностная основа, сообщающая возможность творчества человеку. Таким образом, Бог становится объективностью, определяющей и направление, и содержание творческой деятельности человека.

Социокультурная аура эпохи Возрождения, а далее Нового времени задает совершенно новые реалии, направленные на возвеличивание человека, его потенциала и творческих возможностей, передавая от Бога к человеку способность творить и воплощать творения в реальность. Рационалистическая философская традиция определяет творчество, прежде всего, с позиции разума человека и его разумной деятельности, нацеленной на изменение мира силой разума, равного по мощи Разуму Бога. Начиная с Р. Декарта, *cogito* постулируется в качестве основы бытия, что задает возможность творчества [6]. При этом реконструкции творчества, как деятельности «чистого разума», напрямую связаны с успехами в естествознании, признанием апогея научного познания и получением наукой самостоятельного статуса.

Философия рубежа XIX–XX веков развивалась под воздействием противоречивых культурно-исторических событий, радикального пересмотра научных оснований, что, по сути, обозначило конфликт разумного и неразумного в деятельности человека. Как следствие в культуре наряду с рациональным пониманием мира актуализировались тенденции иррационализма, когда на место разума ставились иные проявления духовного (воля, интуиция, бессознательное) и акцент в понимании творчества был смещен в область иррационалистических интерпретаций. Так, Н. Бердяев считает основным смыслом творчества «самораскрытие сил бытия», творчество – это одно из основных выражений свободы [2].

Решение проблем творчества через призму человеческой иррациональности, а именно такого ее глубинного слоя как бессознательное, объединяет многие концепции и концептуализации, которые в качестве исходного методологического принципа используют то или иное положение классиков фрейдизма, неофрейдизма. Д. Деннет исходным посылом творчества считал инстинкт познания истины, инстинкт, который вторичен

по отношению к глубинной жажде выживания [7]. Ему вторит С. Гусев, отмечающий, что творчество обусловлено инстинктивной реакцией на вызовы среды, которые и генерируют творческое созидание способов и механизмов адаптации [5].

Вторая половина XX века привносит смену исследовательской парадигмы и актуализирует новые тенденции в рассмотрении творчества (постмодернизм, синергетика, универсальный эволюционизм, прагматизм и т.п.). Как следствие, формирование человека экономического, во многом нацеленного на утилитаризм, но в то же время способного к многозадачности в быстро меняющемся мире, диктует необходимость развития творческих способностей [3, 4]. Так, Р. Флорида вводит понятие креативного класса как самого влиятельного в современном обществе [9]. Данная интенция генерируется представлением о современной эпохе как веке проектной культуры, что находит отражение в концептуализациях инновационного университета, где отличительной чертой образования становится обучение проектному мышлению. Последнее достигается, в частности, и путем внедрения в процесс обучения проектно-ориентированных образовательных технологий. Тем самым подчеркивается, что специалист должен обладать инновационным мышлением, интенцией на творческое созидание, а это достигается за счет обучения проектированию, понимания характера проектных процессов как творческих по своей сущности.

Вышеобозначенный теоретический обзор позволяет сделать вывод о том, что представление о творчестве менялось в соответствии со спецификой соответствующего поворота в философии (антропологический, коммуникативный, прагматический и др.), а также культурно-историческим контекстом эпохи. Целостный анализ творчества, позволяющий отразить его современное видение, возможен на основе методологии комплексности и междисциплинарности.

Таким образом, заключим, что осмысление творчества сегодня возможно, во-первых, как характеристики, имманентно присущей человеку, человеческой деятельности; во-вторых, как обобщенной проявленности универсальной креативности бытия, которая обеспечивает самообновление и развитие мира сущего и культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1976–1984.
2. Бердяев Н. Смысл творчества / Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. С. 137.
3. Боровинская Д.Н. Проблема креативности в образовательной перспективе: монография / Д.Н. Боровинская. – Томск: Издательский дом Том. гос. ун-та, 2019. – 220 с.

4. Боровинская Д.Н. Экономические и культурные основания креативности // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – №388. DOI: 10.17223/15617793/388/8
5. Гусев С.С. Смысл возможного. – СПб.: Алетейя, 2002. – 384 с.
6. Декарт, Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
7. Деннет Д. Постмодернизм и истина текст // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 93–100.
8. Раитина М.Ю. Реконструирование творчества в контексте античного объективизма // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 7. С. 150.
9. Florida R. The Rise of Creative Class. – Hachette UK, 2019. – 512 p.

© Раитина Маргарита Юрьевна (raitina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКИХ ПЕСЕН НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ РЕСПУБЛИКИ ИРАК

THE INFLUENCE OF CHILDREN'S SONGS ON THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS IN PRIMARY CLASSES IN THE REPUBLIC OF IRAQ

*Alawadi Maryam Neamah Joudah
M. Chibisova*

Summary: The article is devoted to the description of the influence of music lessons (in particular, children's songs) on the socio-psychological adaptation of primary school students in the Republic of Iraq. The aim of this work is to analyze the influence of children's songs on the adaptive capabilities of persons with disabilities. The scientific novelty of the work is the field of application - primary schools of the Republic of Iraq. The author summarizes the activities of teachers of special education with different categories of children with disabilities and comes to the conclusion that it is necessary to include music lessons in the curriculum of secondary schools in the Republic of Iraq.

Keywords: children's songs, social and psychological adaptation, special classes of elementary school, the Republic of Iraq, special education teacher.

Альвади Марьям Неамах Джудах

Аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва

Mrmr.Mrmr.Mrmr.Mrmr@mail.ru

Чибисова Марина Юрьевна

К.псх.н., доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва

marina_jurievna@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию влияния музыкальных занятий (в частности детских песен) на социально-психологическую адаптацию учеников начальных классов Республики Ирак. Целью данной работы является анализ влияния детских песен на адаптационные возможности лиц с ОВЗ. Научной новизной работы является область применения – начальные школы Республики Ирак. Автор обобщает деятельность учителей специального образования с разными категориями детей с ОВЗ и приходит к выводу о необходимости включения музыкальных занятий в программу общеобразовательных школ Республики Ирак.

Ключевые слова: детские песни, социально-психологическая адаптация, специальные классы начальной школы, Республика Ирак, учитель специального образования.

Обучение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в условиях общеобразовательной школы является одной из актуальных проблем современного общества. Большое внимание уделяется проблемам социально-психологической адаптации, интеграции и социализации детей с ОВЗ. У детей, имеющих нарушение слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата, умственную отсталость, задержку психического развития, а также комплексные нарушения психофизического развития, возникают сложности в процессе обучения, связанные с возможностью адекватного реагирования и возникновением трудностей в достижении поставленных целей [1, с. 19].

Ребенок с особыми образовательными потребностями нуждается в профессиональной помощи учителя специального образования, деятельность которого направлена на оказание помощи в интеграции и социальной адаптации лицам с ОВЗ [3, с. 14].

Целью данной работы является анализ влияния детских песен на адаптационные возможности лиц с ОВЗ. Научной новизной работы является область примене-

ния – начальные школы Республики Ирак.

Практическая ценность данной статьи заключается в том, что результаты данной работы могут быть интересны педагогам дополнительного образования, учителям специального образования, учителям начальных классов, а также родителям детей, имеющих ОВЗ.

Социально-психологической адаптации детей с ОВЗ посвящены статьи современных исследователей А.Э. Симановского и С.Н. Воронина (2014), И.В. Андрусевой и В.Э. Болдырева (2020), авторов коллективной монографии О.А. Апуневич, И.А. Букиной, И.Н. Берниковой, посвященные инклюзивному образованию детей с ОВЗ, их психолого-педагогической и социальной реабилитации и адаптации. Необходимо отметить работы М.Н.Д. Альвади (2021), М.Н.Д. Альвади и М.Ю. Чибисовой (2021), в которых интеграция детей с ОВЗ в Республике Ирак.

В государственных школах Республики Ирак существуют специальные классы, в которых обучаются дети с ОВЗ с первого по четвертый класс. К ним относятся «Школа мученика Наима», «Школа Аль-Атмар», «Школа

Деятельность учителя специального образования для достижения социально-психологической адаптации детей с ОВЗ

Категория детей с ОВЗ	Влияние детских песен на социально-психологическую адаптацию	Деятельность учителя специального образования, направленная на достижение социально-психологической адаптации
Дети с нарушениями слуха (слабослышащие, позднооглохшие)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие моторной и двигательной сфер у слабослышащих детей. 2. Упорядочение хаотичных движений. 3. Облегчает преодоление барьеров при вхождении в социум. 	Мониторинг развития речи, мышления, зрительного и тактильно-двигательного восприятия с использованием методик Э.И. Леонгарда, Е.Г. Самсоновой, Е.А. Стребелевой, И.В. Королевой, О.В. Зонтовой в форме тестов, корректурных проб, бесед и диагностических игр.
Дети с нарушениями зрения (слабовидящие)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Достижение состояния уверенности в себе, ощущения собственного эмоционального благополучия и своей значимости в коллективе. 2. Умение владеть своим телом, согласовывать свои движения с музыкой. 3. Умение согласовывать свои движения с действиями других детей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изучение образовательных потребностей слабовидящих детей. 2. Выявление адаптивных возможностей учеников и уровня социализации. 3. Изучение потребностей слабовидящих детей с интеллектуальной недостаточностью и развитие сенсорных, моторных и психических функций.
Дети с нарушениями речи (логопаты)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Помогает воспитывать уверенность в себе, поддержку и волевые черты характера. 2. Достижение ситуации успеха, самореализации, гармоничного развития. 3. Помогает в развитии координации движения, формирует двигательные навыки. 4. Способствует развитию ловкости, силы и выносливости. 	<p>Особое внимание необходимо уделять специфическому развитию познавательных интересов. При этом следует учитывать отставание в познавательной активности, которое порождается влиянием речевого дефекта, сужению социальных контактов, неправильными приемами семейного воспитания.</p> <p>Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание доброжелательной обстановки. 2. Укрепление у ребенка веры в себя и свои силы. 3. Формирование интереса к учебе и снятию отрицательных переживаний.
Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата	<ol style="list-style-type: none"> 1. Способствует гармоничному развитию личности ребенка. 2. Способствует формированию и развитию внимания и памяти. 3. Использование средств ИКТ развивает наглядно-действенное и наглядно-образное мышление. 4. Ритмика способствует формированию ловкости и выносливости. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Способствовать снижению эмоционального дискомфорта у детей. 2. Способствовать повышению активности и самостоятельности детей. 3. Коррекция самооценки и уровня самосознания. 4. Использование тактических и технических приемов психологической коррекции, направленных на устранение имеющегося дефекта с учетом индивидуально-психологических факторов.
Дети с умственной отсталостью	<p>Способствует познанию окружающего мира, постижению сложных законов человеческого бытия, расширению кругозора, умственному развитию и воспитанию ребенка.</p> <p>В процессе музыкальных занятий развиваются и корректируются сенсорные, моторные, речевые и мыслительные способности.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Работа по развитию зрительного, слухового, тактильного и обонятельного восприятия. 2. Оценка индивидуальных способностей ребенка. 3. Одобрение или стимуляция дальнейших действий, использование подсказок и наводящих вопросов. 4. Определение уровня актуального развития в соответствии с возрастной нормой.
Дети с задержкой психического развития	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие навыков коммуникации. 2. Способствует развитию координации движений и мелкой моторики. 3. Способствует развитию чувства ритма. 4. Направлено на развитие слухового внимания. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оценка познавательных способностей и социальных возможностей. 2. Способствует повышению познавательной активности детей. 3. Способствует формированию психологической основы для полноценного развития личности.

Аль-Мундхир», «Школа Саид Аль-Шухада» и «Школа Аль-Талиа» [2, с. 8]. Как отмечает Джасим Рана Абдальссатар Джассим, детям с различными нарушениями нравственного, физического и психического здоровья для достижения социальной адаптации требуется системная организация двигательной активности для развития сохранных анализаторов [5, с. 4523].

В школах Республики Ирак для детей с ОВЗ проводятся музыкальные занятия, которые способствуют формированию речевой функции и интонационной стороны устной речи у детей с нарушением слуха, а также развитию голосового аппарата у детей с нарушением речи, ЗПР и умственной отсталостью [4, с. 22].

Рассмотрим влияние музыкальных композиций на адаптацию детей с различными категориями детей с ОВЗ и работу учителя специального образования для достижения успешной социально-психологической адаптации в табл. 1.

На основании теоретических данных нами было проведено социологическое исследование, посвященное анализу влияния детских песен на социально-психологическую адаптацию детей с ОВЗ. Объектом исследования является музыкальное занятие, проведенное для детей с ОВЗ. Предмет исследования – социально-психологическая адаптация детей. Целью исследования является изучение влияния детских песен на адаптацию детей с ОВЗ в социальной группе. Метод исследования – наблюдение. В социологическом исследовании принимали участие 40 детей с ОВЗ. Продолжительность исследования – 1 месяц. В течение месяца дети с ОВЗ 2 раза в неделю занимались с музыкальным руководителем и учителем специального образования. В таблице 2. представлена общая характеристика валидной выборки.

В ходе социологического исследования нами были выявлены положительное влияние детских песен на детей с ОВЗ (диаграмма 1).

Таблица 2.

Участники социологического эксперимента

Категория детей с ОВЗ	Количество детей с ОВЗ
Дети с нарушениями слуха (слабослышащие, позднооглохшие)	8
Дети с нарушениями зрения (слабовидящие)	5
Дети с нарушениями речи (логопаты)	7
Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата	6
Дети с умственной отсталостью	6
Дети с задержкой психического развития	8

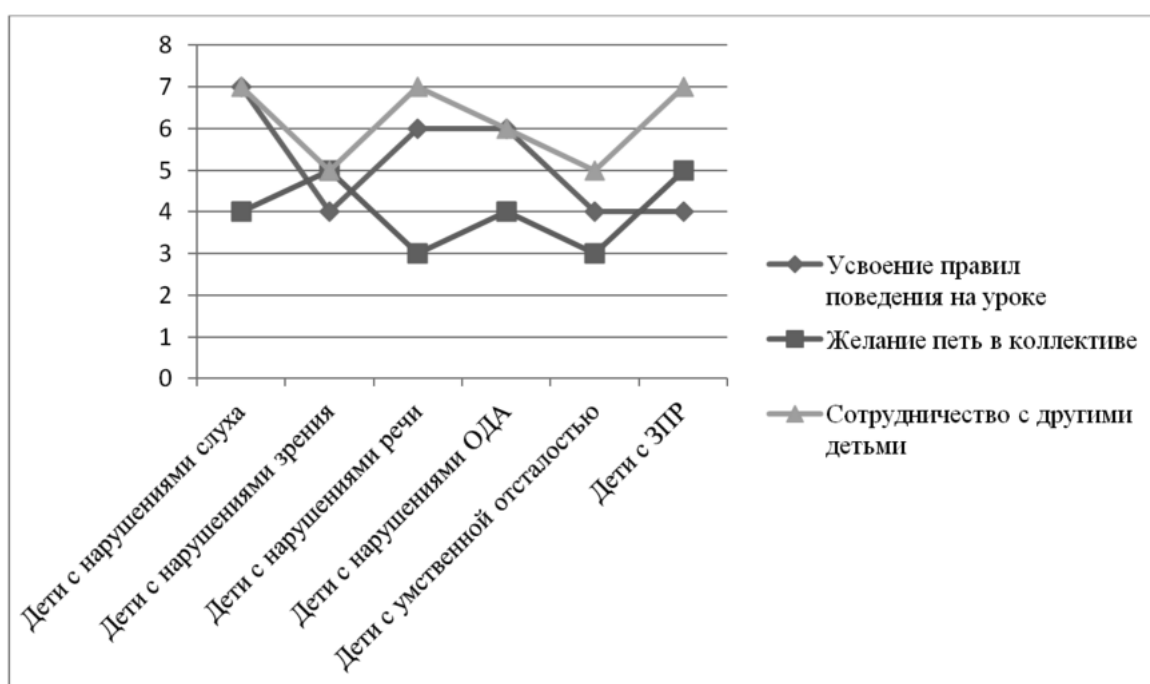

Диаграмма 1.

Нами было выделено три главных показателя социально-психологической адаптации: 1) усвоение норм и правил в обществе (поведение на уроке); 2) желание сотрудничать со сверстниками; 3) желание петь в коллективе – осуществлять общее дело с другими детьми. Высокие показатели этих трех компонентов будут свидетельствовать об успешном влиянии детских песен на социально-психологическую адаптацию детей с ОВЗ.

В ходе социологического наблюдения и исследования поведения детей на музыкальных занятиях мы пришли к следующим результатам:

1. На музыкальных занятиях с использованием детских песен 92,5% детей активно сотрудничали с другими детьми, объединялись в пары, общались после занятий, отвечали на вопросы музыкального руководителя и принимали участие в беседе.
2. Показатель «желание петь в коллективе» является значимым, поскольку дети с ОВЗ испытывают трудности, связанные с вступлением в коммуникативный контакт, ощущением непредсказуемости со стороны партнера-коммуниканта. Однако детские песни на музыкальных занятиях положительно повлияли на желание детей петь в коллективе – 60% детей с ОВЗ успешно пели вместе с учителем музыки.
3. Отметим, что 92,5% детей с ОВЗ успешно освоили правила поведения на уроке, поднимали руку, когда хотели ответить на вопрос учителя.

Проанализировав влияние музыкальных занятий, и, в

частности, детских песен, на развитие социально-психологической адаптации детей с ОВЗ мы пришли к следующим выводам:

1. Изучение детских песен на музыкальных занятиях в Республике Ирак с детьми, имеющими ОВЗ, способствует развитию интеллектуальных, речевых, моторно-двигательных и иных навыков, способствующих развитию кругозора, умственному развитию и уверенности в себе, что, в свою очередь, помогает успешной социальной адаптации в детском коллективе. В ходе социологического наблюдения мы отметили, что дети с ОВЗ при изучении детских песен способны активно усваивать правила поведения на уроке (92,5%), охотно вступают в контакт со сверстниками (92,5%), а также принимают участие в коллективном пении (60%). Эти показатели свидетельствуют о положительном влиянии детских песен на социально-психологическую адаптацию детей с ОВЗ.
2. В Республике Ирак созданы условия для работы с детьми, имеющими ОВЗ: в школах работают психологи, учителя специального образования, деятельность которых направлена на снижение эмоционального дискомфорта у детей, а также повышению уровня социальной адаптации.
3. Изучение детских песен в классах начальной школы облегчают преодоление социальных барьеров у детей с разной категорией ОВЗ. Это свидетельствует о необходимости включения музыкальных занятий в программу общеобразовательных школ Республики Ирак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владельщикова Д.Н. Проблема социально-психологической адаптации детей-инвалидов / Д.Н. Владельщикова, О.А. Обухова // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2016. – № 1 (12). – С. 19-22.
2. Деманова, С.В. Образование в Республике Ирак: правовые и социальные аспекты / С.В. Деманова // Тенденции развития науки и образования. – 2017. – № 29 (1). – С. 8-13.
3. Комплексная коррекционно-реабилитационная работа с детьми в условиях инклюзивной образовательной среды: монография / И.А. Кувшинова, Е.А. Овсянникова, В.А. Чернобровкин [и др.]. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. – 141 с.
4. Музыкальное воспитание детей с проблемами в развитии и коррекционная ритмика / Е.А. Медведева, Л.Н. Комиссарова, Г.Р. Шашкина, О.Л. Сергеева; под ред. Е.А. Медведевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 224 с.
5. Фадель, Саад Аббас. Особенности здоровьесбережения в образовательном пространстве Республики Ирак / Саад Аббас Фадель // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (Ч. 20). – С. 4522-4527.

© Альвади Марьям Неамах Джудак (Mrmr.Mrmr.Mrmr.Mrmr@mail.ru), Чибисова Марина Юрьевна (marina_jurievna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ ПИЩЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

PECULIARITIES OF PERSONAL ANXIETY IN CHILDREN WITH VARIOUS EATING BEHAVIOR

**E. Bakayeva
T. Pilishvili**

Summary: This work is devoted to the study of the characteristics of personality anxiety in adolescent girls with different eating behaviors and the causes of eating disorders in adolescents. Referring to the scientific works of various authors in relation to the problem of eating disorders, one can find a lot of information, but since this topic has not been fully studied, there is no single view that could reflect the full deep picture of personal experiences and the reasons for their formation in adolescents.

Keywords: eating disorder, eating disorder, eating disorder, deviant eating behavior, eating behavior, causes of eating disorder, peculiarities of personality anxiety in eating disorder.

Бакаева Елена Юрьевна

Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва
bakayeva_yelena@inbox.ru

Пилишвили Татьяна Сергеевна

К.псх.н., доцент, Российский Университет Дружбы
Народов, г. Москва
pilishvili-ts@rudn.ru

Аннотация: Настоящая работа посвящена исследованию особенностей тревожности личности у девочек пубертатного возраста с различным пищевым поведением и причинам возникновения нарушения пищевого поведения у подростков. Обращаясь к научным работам различных авторов в отношении проблемы расстройства питания, можно найти множество информации, но ввиду того, что данная тема до конца так и не изучена, нет единого взгляда, который смог бы отразить полную глубинную картину личностных переживаний и причин их формирования у подростков.

Ключевые слова: нарушение пищевого поведения, нарушение питания, расстройство пищевого поведения, девиантное пищевое поведение, пищевое поведение, причины расстройства пищевого поведения, особенности тревожности личности при нарушении пищевого поведения.

В последнее время проблема нарушений пищевого поведения становится всё более актуальной. Особенно важны вопросы пищевого поведения в подростковом возрасте, когда активно формируется отношение к себе и своему телу, происходит включение в мир межличностных отношений и повышение значимости внимания со стороны противоположного пола. Именно на этот возрастной период приходится основная масса нарушений пищевого поведения, которые, при отсутствии адекватной коррекции, влияют на дальнейшее развитие личности.

Такие особенности, как неудовлетворенность собой, негативные установки по отношению к окружающим и выраженный перфекционизм, характерные для лиц с нарушениями пищевого поведения, оказывают существенное влияние на эмоциональную сферу детей с нарушениями пищевого поведения, в частности, способствуя повышению тревоги, которая закрепляется и становится стабильной чертой личности. В связи с этим является актуальным выявление взаимосвязей характеристик тревожности и особенностей эмоционально-личностной сферы у девочек пубертатного возраста с нарушениями пищевого поведения.

Пубертатный возраст обычно описывают как особенно эмоциональный период, подростки становятся легко возбудимыми, ранимыми, отмечается частая смена настроения. Это возраст глубоких и ярких переживаний,

аффективных реакций, страхов насмешек и шаткой самооценки.

А.М. Прихожан в своей работе описала причины и проявления тревожности у детей различных возрастов. Ею приведены данные эксперимента реагирования детей подросткового возраста в условиях экзамена. Было отмечено ряд феноменов:

1. Поведенческие реакции – двигательная активность (теребит предметы в руках, крутит волосы, трет пальцы, кончик носа, грызет карандаш)
2. Вегетативные проявления – учащенный пульс, сдавленность дыхания, потливость, нарушение сна и питания;
3. Эмоциональные реакции – страх неудачи, провала, желание убежать, испариться, чувство одиночества и беспомощности, стыда и вины, неполноценности. (А.М. Прихожан, 2000, с.71)

3. Фрейд, рассматривая феномен тревоги, привел характерные ситуации риска, актуальные в развитии ребенка:

- утрата объекта любви (матери, опекуна, значимого взрослого);
- страх телесного наказания (кастрации);
- страх быть покинутым (брошенным).

Базальной потребностью пубертатного возраста является понимание. Чтобы подросток был откровенен и

открыт, необходимо удовлетворение его потребностей в течение более ранних периодов формирования его личности. (Е.Л. Солдатова, Г.Н. Лаврова, с.161)

В противном случае ребенок становится замкнутым, скрытым и, как следствие, одиноким. Он остается один на один со своими тревогами и страхами, которые при выраженных их формах способны найти свое отражение в нарушениях пищевого поведения.

Под пищевым поведением понимают совокупность следующих факторов:

- сформированную привычку, связанную с процессом питания;
- место еды и процесса приема пищи в системе ценностей человека;
- формирование своего тела, а также восприятие и отношение к его образу.

Различают гармоничное и девиантное пищевое поведение.

В качестве основных нарушений пищевого поведения выделяют 3 основных типа:

- экстернальное;
- эмоциогенное;
- ограничительное. (Малкина-Пых, 2007).

Учитывая, что человек имеет биологическую, психологическую и социальную природу, рассмотрим потребности в питании индивида с точки зрения следующих биопсихосоциальной модели:

1. Человек – биологический организм, который имеет физиологические потребности. В рамках данного фактора пищевое поведение можно рассмотреть, как стратегии удовлетворения голода с целью поглощения энергии, реализации химических процессов в организме и достижения гомеостаза, фактически речь идет о поддержании жизни.
- Врачи, рассматривая феномен расстройства питания, отмечают метаболические нарушения, а также ссылаются на сходства с точки зрения генетического кода – наличие у пациентов с ограничительным пищевым поведением определенного гена (HTR2A-ген серотонинового рецептора 5-HT2A и ген мозгового нейротрофического фактора (BDNF) (А.О. Кибитов, Г.Э. Мазо, 2016);
2. Человек – организм, имеющий психику. С точки зрения этого аспекта, пищевое поведение можно рассмотреть со стороны психологического процесса. Потребность в безопасности и потребность в удовлетворении тонко дополняют друг друга. Быть накормленным, быть любимым, быть в безопасности – тождественные понятия. Жадность, ревность, зависть – желание обладать,

поглощать, вызывают бессознательные агрессивные импульсы, подавление которых приводит к возникновению чувства вины и нужды в наказании.

Следовательно, прием пищи или отказ от него может быть реакцией на радость или тревогу, наградой или наказанием, желанием жить или умереть.

3. Человек – социальное существо. В данном контексте прием пищи является частью общения, формирования межличностных отношений, менталитета индивида, а также отражением религиозных взглядов. Прием пищи или отказ от него отражает стремление к или уход от коммуникации, контактов, отношений.

Большинство современных ученых считают, что только совокупность всех трех факторов приводит к нарушению питания.

В отношении психологических причин формирования девиантных форм пищевого поведения можно выделить следующие явления:

1. чувство непереносимой вины и агрессии;
2. стремление к чувству власти и контроля;
3. крик о помощи;
4. уход от женственности и отказ от взросления;
5. выстраивание своих границ;
6. протестное поведение;
7. страх разрыва симбиотической связи с матерью;
8. амбивалентное отношение к половой роли;
9. страх половых отношений и беременности;
10. уход от контактов.

Нами было проведено исследование, целью которого является изучение особенностей тревожности личности у девочек пубертатного возраста с различным пищевым поведением.

Данная работа базируется на предположении, что особенности тревожности и эмоционально-личностной сферы различаются у девочек пубертатного возраста с различным пищевым поведением. Также мы предположили, что существуют взаимосвязи тревожности и характеристик эмоционально-личностной сферы, специфичные для девочек пубертатного возраста с различным пищевым поведением.

В исследовании приняли участие 3 группы респондентов:

- 21 человек – девочки пубертатного возраста с ограничительным пищевым поведением (диагностирована нервная анорексия), $ИМТ \leq 17,5$;
- 20 человек – девочки пубертатного возраста с экстернальным и эмоциогенным типом пищевого поведения, $20,5 \leq ИМТ \leq 32$;
- 20 человек – девочки с гармоничным типом пище-

вого поведения, $18,5 \leq \text{ИМТ} \leq 25$.

В работе были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Шкала Ч. Спилбергера - Ю. Ханина для диагностики тревожности;
2. Торонтская шкала алекситимии TAS-26 (Г.Тейлор, адаптация НИИ Бехтерева);
3. Опросник способов совладающего поведения (копинг-стратегии) Р. Лазаруса, С. Фолкман (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой);
4. Шкала ригидности Г. Айзенка;
5. Шкала самоотношения В. Столина-С. Панталева;
6. Шкала депрессии А. Бека;
7. Шкала перфекционизма Н. Гаранян и А. Холмогоровой.

А также методы математико-статистической обработки данных (сравнительный анализ – U-критерий Манна Уитни, H Критерий Крускала-Уоллиса, корреляционный анализ – коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Были выявлены следующие особенности:

- Девочки с ограничительным пищевым поведением имеют высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, что характеризует актуальное эмоциональное состояние как переживание напряжения и психологического дискомфорта, а также отражает склонность личности реагировать тревогой на различные жизненные ситуации.

У этой группы подростков был выявлен средний уровень алекситимии, что говорит о наличии сложностей при распознавании и выражении своих переживаний.

Отмечается преобладание стратегий бегства, самоконтроля, что демонстрирует стремление к избеганию проблем и контролю своих эмоций и поведения.

В сравнении с другими группами детей, для них в наибольшей степени характерны копинг-стратегии принятия ответственности и бегства. Вероятно, данный факт можно связать со склонностью к самообвинению, сформированному как реакция на несоответствие определенным идеалам, они могут возлагать всю вину за проблему на себя, не осознавая вклада в неё других людей или обстоятельств.

У этой группы респондентов, в сравнении с другими двумя группами подростков, отмечается наиболее выраженная ригидность, на основании чего можно предположить, что психическая ригидность является одной из основ для формирования нарушений пищевого поведения – предпочтение определенных пищевых привычек

закрепляется и не поддается коррекции на фоне высокой ригидности.

Стоит отметить высокий уровень депрессии, в частности ее соматическую симптоматику, что можно связать с состоянием истощения у данной группы подростков.

Были выявлены проблемы с отношением к себе, проявляющиеся в неадекватной самооценке – заниженной ее форме.

У девочек в данной группе наблюдается выраженное стремление к достижению совершенства в деятельности, во многих случаях доходящее до патологического.

Также нами было отмечено, что у девочек с ограничительным пищевым поведением ситуативная тревога положительно коррелирует с копинг-стратегией положительной переоценки ($r_s=0,528, p \leq 0,014$) и отрицательно – с самоинтересом ($r_s=-0,540, p \leq 0,012$).

Вероятно, это связано с тем, что актуальная ситуация психологического исследования вызывает стремление показать себя с наилучшей стороны в большей степени у тех девочек, которые направлены на личностный рост и оценивают трудности положительно.

Усматривается взаимосвязь, чем выше у девочек с ограничительным пищевым поведением ситуативная тревога, тем меньше у них проявляется интерес по отношению к себе, своим мыслям и переживаниям. Вероятно, в случае высокой актуальной тревоги, активность девочек направляется на предотвращение возможных неудач, т.е. во внешний мир, в то время как своему субъективному состоянию внимание не уделяется.

Личностная тревожность у девочек этой группы положительно коррелирует со стратегиями самоконтроля ($r_s=0,496, p \leq 0,022$) и принятия ответственности ($r_s=0,525, p \leq 0,014$), и отрицательно – с самообвинением

($r_s=-0,475, p \leq 0,030$).

Усматривается взаимосвязь - чем больше у подростков этой группы выражена личностная предрасположенность к реакциям тревоги, тем более они склонны к высокому контролю эмоций и поведения в сложной ситуации. Вероятно, девочки с высокой тревожностью чрезмерно контролируют себя, т.к. боятся возможных неудач, которые воспринимаются как угроза образу «Я».

Также нами было отмечено, что девочки с выраженной личностной тревожностью склонны в сложных ситуациях к переоценке своей роли в их возникновении и самообвинению. Можно предположить, что девочки с высокой личностной тревожностью отличаются повы-

шенным чувством личной ответственности и интернальным локусом контроля, в результате чего все неудачи они предписывают исключительно себе.

Кроме того, личностная тревожность у подростков данной группы сочетается с низким самообвинением. Вероятно, самообвинение представляет собой критичное отношение к себе, подразумевающее низкую самооценку, в результате чего меньше ощущается внешняя угроза образу «Я», которая, как правило, и является причиной тревожности.

- Девочки с эмоциогенным и экстернальным пищевым поведением имеют высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, что дает основания охарактеризовать актуальный эмоциональный фон насыщением переживанием напряжения и психологического дискомфорта, а также склонность личности к тревожным реакциям.

Высокий уровень алекситимии говорит о наличии существенных затруднений в распознавании и выражении своих чувств.

В данной группе респондентов преобладают стратегии бегства и самоконтроля. Следовательно, в сложных ситуациях они склонны избегать решения проблем и чрезмерно контролировать свои эмоции и поведение, в то время как преодоление проблемы через снижение её значимости им не характерно.

Стоит также отметить, что эта группа подростков чаще других использует копинг-стратегию конфронтации. Данный факт можно связать с тем, что у девочек с эмоциогенным типом пищевого поведения конфронтация обусловлена высокой импульсивностью, которая наблюдается при выраженной эмоциональной реактивности на события внешнего мира.

У этой группы детей более всего выражена тревожность, алекситимия, депрессия и её когнитивно-аффективная симптоматика, а также перфекционизм.

В этой группе так же преобладают девочки, имеющие негативные особенности самоотношения – завышенную самооценку.

Большинство исследованных в этой группе имеют в значительной степени выраженные симптомы, характерные для депрессивных расстройств. Можно предположить, что именно негативные эмоции стимулируют переживание у этих детей.

Также отмечается средний уровень перфекционизма, что характеризует этих подростков как людей с высоким уровнем стремления к достижению высоких результатов

в деятельности.

Нами было отмечено, что у девочек с эмоциогенным и экстернальным пищевым поведением ситуативная тревога положительно взаимосвязана с самообвинением ($r_s=0,481$, $p \leq 0,032$), а личностная тревожность отрицательно коррелирует с конфронтацией ($r_s=-0,445$, $p \leq 0,049$).

Усматривается взаимосвязь - чем выше у девочек данной группы уровень актуальной тревоги, тем больше у них выражено самообвинение. Вероятно, самообвинение у этих детей является демонстративной реакцией, возникающей в социальных ситуациях и направленной на поиск поддержки от окружающих, и за этой реакцией скрывается неуверенность в себе, чувствительность к критике и высокая тревога.

Можно предположить, что у девочек этой группы высокая личностная тревожность сочетается с низкой склонностью к конфронтации в стрессовых ситуациях. Вероятно, эта группа детей при высокой тревожности отличается чрезмерным самоконтролем своего поведения, который не позволяет им активно действовать в ситуациях стресса, стимулируя пассивную позицию в сложных ситуациях.

- Девочки с гармоничным пищевым поведением имеют низкий уровень ситуативной и умеренный уровень личностной тревожности. Следовательно, актуальное эмоциональное состояние не характеризуется как тревожное, а текущая ситуация воспринимается безопасной. Им характерен средний уровень личностной предрасположенности к реакциям тревоги.

Низкий уровень алекситимии говорит о высокой способности распознавать и выражать свои переживания.

Было установлено преобладание стратегий планирования решения проблемы и самоконтроля, что свидетельствует о том, что в сложных ситуациях они стремятся найти реальный выход из положения и контролировать свои эмоции, при этом может наблюдаться недооценка своего вклада в возникновение проблемы.

Стоит отметить, что им характерно неадекватное отношение к себе, заключающееся в неадекватно завышенной оценке своих качеств и способностей.

У большинства девочек с гармоничным пищевым поведением не выявлено депрессивных симптомов.

Данная группа подростков отличается средним уровнем перфекционизма, что указывает на наличие у них стремление к достижению наивысших результатов дея-

тельности, не доходящего до патологии.

Эта группа детей имеет наименьшую выраженность алекситимии, тревоги, депрессии, перфекционизма, ригидности и наиболее позитивное самоотношение, они чаще других используют стратегии дистанцирования, планирования решения проблемы и позитивной переоценки.

Нами было отмечено, что у девочек с гармоничным пищевым поведением ситуативная тревога отрицательно коррелирует с самопринятием ($r_s = -0,573$, $p \leq 0,008$), а личностная тревога положительно взаимосвязана с высокими стандартами в деятельности ($r_s = 0,515$, $p \leq 0,020$) и отрицательно – с самопринятием ($r_s = -0,550$, $p \leq 0,012$).

Следовательно, при высокой тревожности девочки с гармоничным пищевым поведением отличаются меньшим самопринятием. Вероятно, они осознают свою чрезмерную тревожность и интерпретируют её как негативное качество, с которым стремятся бороться. Тем самым тревожность выступает в качестве возможного фактора, снижающего самопринятие в этой группе дево-

чек.

Усматривается взаимосвязь - чем больше у детей этой группы проявляется личностная тревожность, тем более высокими стандартами они задаются в своей деятельности. Вероятно, именно высокая личностная тревожность приводит к неадекватной оценке себя, что заставляет девочек ставить себе чрезмерно сложные цели, компенсируя таким образом чувство внутренней несостоятельности, обусловленное тревожностью.

Выводы

Представленное в настоящей работе эмпирическое исследование позволило выявить специфические особенности тревожности и эмоционально-личностной сферы у девочек пубертатного возраста с нарушением пищевого поведения. В процессе проведения исследования были выявлены различия особенностей тревожности личности у девочек с отклоняющимся и гармоничным пищевым поведением, а также установлены значимые корреляционные связи между особенностями тревожности и эмоционально-личностной сферой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. — 304 с.
2. Е.Л. Солдатова, Г.Н. Лаврова Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез / Серия «Высшее образование». — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 384 с.
3. Кибитов А.О., Мазо Г.Э. Генетические исследования нарушений пищевого поведения: выход из замкнутого круга нозологической систематики // Социальная и клиническая психология - 2016.
4. Музыченко Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы / Г.Ф. Музыченко. — СПб.: Речь, 2013. — 556 с.
5. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения / И.Г. Малкина-Пых. — М.: Эксмо, 2007. — 1040 с. — (Справочник практического психолога).

© Бакаева Елена Юрьевна (bakayeva_yelena@inbox.ru), Пилишвили Татьяна Сергеевна (pilishvili-ts@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ У ПАЦИЕНТОВ С ОТДАЛЁННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫХ ТРАВМ

THE CHARACTERISTICS OF COGNITIVE IMPAIRMENTS IN PATIENTS WITH REMOTE EFFECTS OF CRANIOCEREBRAL TRAUMAS

Ya. Zhakupova
A. Atamanov
Ya. Mokina

Summary: The article presents the results of pathopsychological cognitive impairment diagnostics in patients with long-term effects of craniocerebral traumata. The performed data analysis indicates accentuated long-term decrease in cognitive performance (exhaustion of nervous processes and prominent fatigue, difficulties in vigilance refocusing and the reproduction of information, stiff and rigid thinking) after a craniocerebral trauma, which leads to social adaptation disorders and statement of patients' disability.

Keywords: psychoorganic syndrome, cognitive impairments, craniocerebral trauma, pathopsychology.

Жакупова Яна Тураровна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский
государственный медицинский университет»*

*Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Челябинск*

ps-gold@yandex.ru

Атаманов Алексей Анатольевич

*Д.м.н., доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский
государственный медицинский университет»*

*Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Челябинск*

atamanov_psy@mail.ru

Мокина Яна Валерьевна

*Заведующая отделением, врач-психиатр, Челябинская
областная клиническая специализированная*

психоневрологическая больница №1, г. Челябинск

vale1205@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты патопсихологической диагностики когнитивных нарушений у больных с отдаленными последствиями черепно-мозговых травм. Проведенный анализ данных свидетельствует о выраженном снижении когнитивной продуктивности в отдаленном периоде черепно-мозговой травмы (истощаемости нервных процессов и выраженной утомляемости, затруднений в переключении активного внимания и воспроизведении информации, вязкости и тугоподвижности мышления), что приводит к нарушению социальной адаптации и инвалидизации больных.

Ключевые слова: психоорганический синдром, когнитивные нарушения, черепно-мозговая травма, патопсихология.

Проблема нарушения когнитивных функций, возникающих вследствие органических заболеваний центральной нервной системы, в последнее десятилетие все больше привлекает внимание клиницистов, нейропсихологов, нейрофизиологов, клинических психологов. Среди большого количества разнообразных причин, приводящих к повреждению головного мозга, наиболее частыми являются черепно-мозговые травмы (далее ЧМТ). При этом последствия перенесенной травмы головного мозга могут послужить причиной развития грубых психических нарушений, приводящих к инвалидизации.

В настоящее время выделяют острый, промежуточный и отдаленный периоды ЧМТ, все они имеют вегетативное сопровождение. В нейропсихологических исследованиях последних лет получены важные сведения о механизмах возникновения когнитивных нарушений в различные периоды после ЧМТ [3, 6, 7]. В большинстве

случаев больные жалуются на нарушения управляющих функций (рабочую память, планирование и регуляцию), скорость переработки информации, внимание, мнестическую и речевую деятельность [6]. И если в остром периоде зачастую больные с легкой ЧМТ не обнаруживают выраженных когнитивных нарушений, то в большинстве случаев неврологическая и когнитивная симптоматика может со временем прогрессировать в 30% и привести к инвалидизации в 20%.

Указанные нарушения в большинстве случаев являются стабильными и в последующем приводят к формированию устойчивой совокупности симптомов в виде психоорганического синдрома, сопровождающегося изменениями личности и поведения, нарушением социальной адаптации и инвалидизацией больных [7, с. 230].

Проблема предупреждения и коррекции последствий ЧМТ с целью повышения качества жизни трудо-

способного населения является одной из приоритетных как для медицины, так и для клинической психологии. Только на основе точных данных патопсихологического синдромного анализа ранних и отдаленных последствий травм головного мозга возможно создание комплексной программы реабилитационных мероприятий, проводимых на всех этапах оказания медицинской и психологической помощи.

Обратимся к анализу исследований, посвященных проблеме изучения больных с психоорганическим синдромом в периоде отдаленных последствий экзогенно-органических расстройств.

Термин «психоорганический синдром» (далее ПОС) имеет неоднозначное смысловое наполнение в работах разных авторов. Одним из первых ученых описавших симптомы ПОС был швейцарский психиатр Э. Блейлер (1886), выявивший серьезные мнестические нарушения у больных, страдающих от последствий повреждения головного мозга и возникшей вследствие этого диффузной корковой атрофией [по 8].

В дальнейших многочисленных исследованиях середины XX века под данным названием стали описываться различные проявления органической патологии. Так, ряд авторов (Т.А. Бан, В.А. Копытов и др.) относят к ПОС расстройства, отражающие только грубое поражение головного мозга в виде деменции [по 8]. А.В. Снежневский, А.А. Портнов расширяют характеристику синдрома признаками снижения памяти, внимания, интеллектуальной продуктивности, а также различными аффективными нарушениями [10, 14]. В работах Н.М. Жарикова, В.С. Чудновского, Н.Ф. Чистякова понятие «психоорганического синдрома» имеет расширенное толкование, включая в себя многочисленные продуктивные синдромы, общие для органических поражений головного мозга, эндогенных психозов и неврозов [по 8].

Рассуждая о существующих разночтениях в трактовке психоорганического синдрома и сложности этиопатогенеза экзогенно-органической патологии Б.Н. Пивень предлагает воспользоваться выбором наиболее существенных критериев, встречающихся в работах многих исследователей при характеристике данного состояния [9]. К этим признакам он относит нарушения памяти, восприятия и мышления; расстройства эмоциональной сферы, истощаемость психических процессов, снижение критики и соматовегетативные расстройства [8]. В данном контексте психоорганический синдром рассматривается автором именно с патопсихологической точки зрения. Не менее важным при этом является анализ симптоматики ПОС с точки зрения ее общности при различных нозологических формах.

Таким образом клинико-патопсихологические харак-

теристики данного синдрома сформировались в представлении о ПОС, как жесткой структуре, определяемой так называемой триадой Н. Walter-Buel – состоянием общей психической беспомощности с нарушениями памяти, интеллектуальным снижением и выраженным эмоциональным недержанием [12, с. 95].

В исследованиях В.Н. Краснова изучены отдельные симптомокомплексы, входящие в ПОС (астенический, психовегетативный, гипотимический и симптомокомплекс когнитивных нарушений), среди которых наибольший интерес для нас представляет последний, представленный снижением уровня активного и пассивного внимания, затруднениями воспроизведения информации, замедлением и лексическим обеднением речи, чрезмерной конкретностью суждений, трудностью обобщения [5, с. 38].

Заболевания головного мозга травматического генеза входят в группу нозологий, составляющих основу патопсихологического экзогенно-органического синдрома, где степень когнитивных нарушений зависит от степени травматизации больного [17]. Так состояние легкого когнитивного расстройства характеризуется начальными признаками снижения когнитивной продуктивности (сужением объема внимания, снижением его концентрации и устойчивости; возникновением постоянной забывчивости, нарушением продуктивности оперативной памяти, селективности, целенаправленности и категориальности мышления), а также появлением психической истощаемости. При более глубоком уровне нарушений названные расстройства приобретают характер грубых расстройств интеллектуальной деятельности, что приводит к значительному ухудшению в социальной и профессиональной деятельности и частичной либо полной потере сохранности повседневных видов активности.

В клинической психологии когнитивное снижение при патопсихологическом органическом синдроме, как правило, выявляется при помощи комплекса следующих методов: клинико-психологического с использованием элементов клинической беседы, наблюдения, изучения анамнеза; психобиографического, предполагающего анализ жизненного пути больного, изучение социальной и психологической среды обитания; а также экспериментально-психологического, включающего использование традиционных патопсихологических методик для исследования внимания, памяти и операционной стороны мышления [2,15]. Отличие же патопсихологического исследования от процедур общепсихологической диагностики заключается в тщательном анализе экспериментатором всех компонентов поведения испытуемого: реакции на инструкцию к выполнению и содержание предлагаемых заданий; трудности, возникающие в процессе их выполнения, динамику протекания психиче-

ской деятельности и т.п.

Целью настоящего исследования явилось определение клинико-психологических особенностей когнитивных нарушений у больных с признаками патопсихологического экзогенно-органического синдрома в сравнении с когнитивными нарушениями больных аналогичной патологией, сформировавшейся вследствие длительного злоупотребления алкоголем, а также больных с синдромом иной этиологии.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 102 пациента ГБУЗ «Областная клиническая специализированная психоневрологическая больница №1» в возрасте от 31 до 56 (M = 42,17) лет, мужчины. Первую группу испытуемых составили пациенты с последствиями ЧМТ, диагнозом «органический галлюциноз» (F 06.0) – 36 человек; вторая группа испытуемых – пациенты с хроническим алкоголизмом, диагнозом «органическое, бредовое расстройство» (F 06.2) – 36 человек; третья группа – пациенты с «органическим расстройством личности вследствие эпилепсии» (F 07.0) – 30 человек.

При отборе больных в экспериментальные группы соблюдался принцип сопоставимости по основным социально-демографическим характеристикам. Все пациенты оказались частично трудоспособными, имели 2-ю и 3-ю группы инвалидности, были не женаты. Состояние устойчивой лекарственной ремиссии, стабильное психическое состояние, купирование актуальной психотической симптоматики также явились основными критериями отбора испытуемых.

В качестве методов исследования нами применялись традиционные патопсихологические методики. При исследовании процессов памяти (запоминания, сохранения, воспроизведения вербального материала) использовалась методика А.Р. Лурия «Запоминание 10 слов»; субтест «Повторение цифр» (Векслер); характеристик произвольного внимания (переключаемость, устойчивость и истощаемость) – с помощью таблиц Шульте. Определение изменений мышления по органическому типу (снижение уровня обобщения, сравнения и абстрагирования) проводилось с использованием методики «Толкование метафор и пословиц» С.Я. Рубинштейн и методики «Исключение понятий» С.Х. Сафоновой. Результаты выполнения психодиагностических методик разными группами пациентов анализировались при помощи количественных и качественных методов исследования. Для выявления различий в уровне исследуемых признаков нами были использованы t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты и обсуждение

Мнестическая деятельность больных оценивались и анализировались в сопоставлении с нормативными данными. Показатели процессов запоминания, сохранения и воспроизведения информации, объема кратковременной механической памяти у большинства испытуемых всех групп вышли за рамки нормативных показателей (4-5 стимулов при норме 7-10). Так, например, после первого воспроизведения стимулов в группе больных с хроническим алкоголизмом результаты, близкие к норме показали 41,7%, ниже среднего – 58, 3%; в группе больных эпилепсией 70% и 30% соответственно; в группе больных с ЧМТ 22,2% и 77, 8% соответственно.

После третьей попытки воспроизведения ни в одной из групп результаты функционирования мнестической деятельности не вошли в показатели нормы. При этом очень низкий уровень кратковременной памяти был зафиксирован у 36, 1% больных с хроническим алкоголизмом, у 50% больных с эпилепсией и 63,9% больных с ЧМТ.

Мы видим, что для пациентов, страдающих отдаленными последствиями ЧМТ оказались характерны более выраженные нарушения мнестической деятельности (3-4 стимула при норме 7-10), они сильнее других были чувствительны к внешним помехам, достоверно хуже справлялись с предложенным заданием ($p \leq 0,01$), а в некоторых случаях и вовсе отказывались его выполнять (таблицы 1-2).

Проводя диагностику особенностей внимания, мы учитывали, что последнее служит фактором обеспечения селективности и избирательности протекания любых когнитивных процессов и не рассматривается в психологии в качестве самостоятельного психического процесса [16].

Результаты оценки произвольного внимания выявили более выраженные нарушения у больных, страдающих отдаленными последствиями ЧМТ по сравнению с другими группами испытуемых (таблицы 3-4). Так, устойчивость внимания была выявлена у 63,3% испытуемых в группе больных эпилепсией, 50% – в группе больных с хроническим алкоголизмом и 22,2 % в группе больных с ЧМТ. Истощаемость внимания более свойственна больным с ЧМТ (83,3%); у больных с эпилепсией и хроническим алкоголизмом этот показатель был одинаковым (66,6% и 61,1% соответственно).

У пациентов всех групп наблюдались неравномерность темпа психической деятельности, общая заторможенность и утомляемость, однако в группе больных с ЧМТ зафиксировано более выраженное снижение работоспособности и общей психической истощаемости, что

отразилось в увеличении времени на выполнение заданий методики Шульте (более 180 секунд в сравнении с 120-150 сек., затраченными на выполнение заданий группой больных эпилепсией и хроническим алкоголизмом).

Для выявления различий в уровне исследуемого признака нами был использован U-критерий Манна-Уитни.

Значение индексов вработываемости и психологической устойчивости были одинаковыми в группах больных эпилепсией и хроническим алкоголизмом, их значение чуть выше единицы говорит о необходимости длительной подготовки к выполнению задания быстрому утомлению в процессе работы. У больных же с ЧМТ этот показатель значительно превышает данные других сравниваемых групп, что свидетельствует о серьезных

Таблица 1.

Сравнительный анализ показателей мнестических процессов у больных с отдаленными последствиями ЧМТ и хроническим алкоголизмом

Параметры выполнения методик	Средние значения		$t_{\text{эмп.}}$	$p \leq$
	ЧМТ	Хронический алкоголизм		
1 воспроизведение	3,78	4,33	3,4**	0,01
2 воспроизведение	3,94	4,58	4,9**	0,01
3 воспроизведение	2,28	3,0	4,5**	0,01
4 воспроизведение	2,06	2,33	1,4	—
5 воспроизведение (через час)	1,5	1,67	1,1	—
повторение цифр	4,0	4,22	2,4*	0,05
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

Таблица 2.

Сравнительный анализ показателей мнестических процессов у больных с отдаленными последствиями ЧМТ и эпилепсией

Параметры выполнения методики	Средние значения		$t_{\text{эмп.}}$	$p \leq$
	ЧМТ	Эпилепсия		
1 воспроизведение	3,78	4,8	5,7**	0,01
2 воспроизведение	3,94	4,6	3,7**	0,01
3 воспроизведение	2,28	3,1	3,4**	0,01
4 воспроизведение	2,06	2,2	0,6	—
5 воспроизведение (через час)	1,5	1,4	0,6	—
повторение цифр	4,0	4,3	2,0*	0,05
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

Таблица 3.

Сравнительный анализ показателей внимания у больных с последствиями ЧМТ и хроническим алкоголизмом

Параметры выполнения методики «Корректурная проба» Бурдона	Средние значения		$U_{\text{эмп.}}$	$p \leq$
	ЧМТ	Хронический алкоголизм		
Эффективность работы	1,9	2,67	57**	0,01
Степень вработываемости	1,46	1,01	366**	0,01
Психическая устойчивость	1,52	1,04	175**	0,01
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

Таблица 4.

Сравнительный анализ показателей внимания процессов у больных с отдаленными последствиями ЧМТ и эпилепсией

Параметры выполнения методик	Средние значения		U _{эмл.}	p ≤
	ЧМТ	Эпилепсия		
Эффективность работы	1,9	2,28	81**	0,01
Степень вработываемости	1,46	1,02	318**	0,01
Психическая устойчивость	1,52	1,02	151**	0,01
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

Таблица 5.

Сравнительный анализ показателей мыслительной деятельности у больных с отдаленными последствиями ЧМТ и хроническим алкоголизмом

Параметры выполнения методик	Средние значения		t _{эмл.}	p ≤
	ЧМТ	Хронический алкоголизм		
обобщение и сравнение	1,39	2,08	6,3**	0,01
абстрагирование	2,28	3,5	7,2**	0,01
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

Таблица 6.

Сравнительный анализ показателей мыслительной деятельности у больных с отдаленными последствиями ЧМТ и эпилепсией

Параметры выполнения методик	Средние значения		t _{эмл.}	p ≤
	ЧМТ	Эпилепсия		
обобщение и сравнение	1,39	2,7	8,5**	0,01
абстрагирование	2,28	3,3	4,7**	0,01
*уровень значимости $p \leq 0,05$ **уровень значимости $p \leq 0,01$				

нарушениях подвижности психических процессов.

При исследовании особенностей мыслительной деятельности у испытуемых всех групп диагностированы умеренные и выраженные нарушения, однако у больных с ЧМТ операциональный и динамический компоненты мыслительных процессов оказались нарушены в большей степени (44,4% от числа больных с хронической алкоголизмом, 56,6% – с эпилепсией, и 94,4% – с ЧМТ).

При выявлении изменений в уровне обобщения и сравнения (методика «Исключение понятий» С.Х. Сафоновой) было зафиксировано снижение уровня обобщения в группах с больными эпилепсией и хроническим алкоголизмом, и искажение процесса обобщения в группе пациентов с последствиями ЧМТ. Больные с хроническим алкоголизмом и эпилепсией в своих рассуждениях демонстрировали относительно устойчивые существенные связи с редким выходом за пределы единичных слу-

чаев, в то время как у больных с отдаленными последствиями ЧМТ обнаруживалось искажение суждений, проявляющееся в отражении лишь случайной стороны явлений. При выполнении заданий они отмечали только частные признаки и свойства явлений, не отражающие смысловые отношения между ними.

При оперировании абстрактным стимульным материалом (трактовки пословиц и поговорок), характер его понимания сводился либо к буквальному истолкованию предлагаемых стимулов, либо объяснению при помощи репродукции примеров из собственного жизненного опыта. В процессе выполнения заданий отмечалась обстоятельность и застреваемость на деталях, вязкость и инертность мыслительной деятельности. В речи, чаще чем у испытуемых других групп встречались персеверации.

В процессе статистической обработки результатов

исследования мышления были выявлены статистически значимые различия между сравниваемыми группами пациентов (таблицы 5-6).

Необходимо отметить, что утверждение о снижении указанных операций вполне правомерно, так как до первых клинических проявлений ПОС их сформированность соответствовала возрасту, полученному образованию и социальному статусу, что было указано в анамнезе больных.

Выводы

К патопсихологическим особенностям нарушения

когнитивной сферы больных с отдалёнными последствиями ЧМТ относятся: истощаемость нервных процессов и выраженная утомляемость, сужение и затруднение переключения активного внимания, затруднения в воспроизведении информации, вязкость и тугоподвижность мышления.

На основании качественного анализа эмпирических данных результаты вышеназванных показателей имели достоверные отличия от результатов пациентов других сравниваемых групп – больных эпилепсией и больных хроническим алкоголизмом, что указывает на более серьёзный характер когнитивных нарушений больных с ЧМТ в общей структуре психоорганического синдрома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жариков Н.М. Эпидемиологические исследования в психиатрии. М.: Медицина, 1977. 168 с.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд. МГУ, 1976. 238 с.
3. Казаков В.Е. Факторы риска возникновения психических нарушений в отдаленном периоде черепно-мозговой травмы // Международный неврологический журнал. 2013. №7 (61). С. 169–172.
4. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1979. 607 с.
5. Краснов В.Н. Психоорганический синдром как предмет нейропсихиатрии // Доктор Ру. № 4 (63), 2011. С. 34–42.
6. Меликян З.А., Микадзе Ю.В., Потапов А.А. и др. Оценка нарушений когнитивных функций в разные периоды после черепно-мозговой травмы // Журнал неврологии и психиатрии. 2011. № 7. С. 88–94.
7. Осадший Ю.Ю., Оруджев Н.Я., Сентябрев Н.Н., Тараканова Е.А. Медико-социальная характеристика больных с психоорганическим синдромом в периоде отдаленных последствий экзогенно-органических расстройств // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 229–230.
8. Пивень Б.Н. Психоорганический синдром: дефиниции и смысловое наполнение // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2015 №3 (21). С. 122–129.
9. Пивень Б.Н. Экзогенно-органические заболевания головного мозга – парадоксальная проблема клинической психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии. 2017. № 3. С. 113–116.
10. Портнов А.А., Федотов Д.Д. Психиатрия. М.: Медицина, 1971. 471 с.
11. Саковская В.Г. Патопсихологическое исследование когнитивных процессов при органических поражениях головного мозга с психоорганическим синдромом // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 109. С. 185–189.
12. Самедова Э.Ф. Легкое когнитивное расстройство в структуре психоорганического синдрома // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. №2. С. 95–102.
13. Смычек В.Б., Пономарева Е.Н. Диагностика черепно-мозговых травм // Медицинские новости. 2013. № 4 (223). С. 19–27.
14. Снежневский А.В. Руководство по психиатрии в 2 томах // под ред. А.В. Снежневского. М.: Медицина, 1983. Т.1. 478 с.
15. Соловьева, С.Л., Саковская В.Г., Милютин С.М. и др. Проблема комплексной патопсихологической, нейропсихологической и клинической диагностики когнитивных расстройств // Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы / отв. ред. Незнанов Н.Г. 2015. С. 329.
16. Хомская Е.Д. Нейропсихология. СПб: Питер, 2005. 496 с.
17. Чудновский В.С., Чистяков Н.Ф. Основы психиатрии. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 448 с.

© Жакупова Яна Тураровна (ps-gold@yandex.ru), Атаманов Алексей Анатольевич (atamanov_psy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА ПО САМОЛИДЕРСТВУ

Ким Э Сун

Соискатель, Тихоокеанский государственный
университет (г. Хабаровск)
info@kimlilia.ruADAPTATION OF THE SELF-LEADERSHIP
QUESTIONNAIRE

Kim E Sun

Summary: This article presents the linguistic and cultural adaptation of the test for determining the level of self-leadership (J. Anderson, G. Prussia) on a Russian-speaking sample (n=584). The psychometric properties of the Russian adapted version of the test were evaluated, the internal consistency of the scales of the methodology and retest reliability were proved. The structure of the methodology was also confirmed using exploratory and confirmatory factor analysis, as well as constructive, convergent and predictive validity was proved using correlation analysis.

Keywords: self-leadership, exploratory and confirmatory factor analysis, constructive, convergent and predictive validity.

Аннотация: В данной статье представлена языковая и культурная адаптация теста на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G. Prussia) на русскоязычной выборке (n=584). Произведена оценка психометрических свойств русской адаптированной версии теста, доказана внутренняя согласованность шкал методики и ретестовая надежность. Также подтверждена структура методики с помощью эксплораторного и подтверждающего факторного анализа, а также доказана конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность с помощью корреляционного анализа.

Ключевые слова: самолидерство, эксплораторный и подтверждающий факторный анализ, конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность.

Самолидерство включает в себя влияние, которое люди оказывают на самих себя для достижения самомотивации и самонаправления, необходимое для реализации поведения целесообразным способом [10]. Конкретные формы поведения и мыслительные процессы характеризуют самолидерство и, как предполагается, положительно влияют на результаты деятельности. Были выдвинуты гипотезы о трех различных, но взаимодополняющих категориях самолидерства:

- стратегии, ориентированные на поведение;
- стратегии естественного вознаграждения;
- стратегии конструктивного мышления.

Стратегии самолидерства, ориентированные на поведение, относятся к специфическому поведению, которое фокусируется на самооценке, вознаграждении за себя и самодисциплине. Эти модели поведения направлены на управление поведением в сложных, необходимых, но, возможно, неприятных задачах. Выделяют 5 основных групп поведенческих стратегий, способствующие повышению самоконтроля: самонаблюдение, постановка собственных целей, самопоощрение, самонаказание, и репетиция. В целом, основой этой стратегии является сосредоточение внимания на самосознании, понимании того, почему мы ведем себя тем или иным образом, и сосредоточение на использовании стратегий для управления этим процессом (Manz, 1992b). Утверждается, что использование этих стратегий, ориентированных на поведение, поощряет успешное поведение.

Стратегии естественного вознаграждения самолидерства фокусируются на позитивном восприятии задач, которые необходимо выполнить. Это включает в себя

приверженность работе, веру в нее и получение удовольствия от работы ради ее собственной ценности [9, 10]. Стратегии естественного вознаграждения включают в себя поиск приятной и приятной работы. В целом стратегии в этой категории включают в себя усиление внимания к приятным, а не неприятным аспектам работы.

Стратегии конструктивного мышления сосредоточены на создании и изменении шаблонов мышления желательными способами. Для изменения моделей мышления и повышения самолидерства можно использовать четыре конкретные стратегии: (1) самоанализ и совершенствование систем убеждений; (2) мысленные образы, ориентированные на позитивную производительность; (3) позитивный разговор с самим собой для мотивации и облегчения работы; и (4) использование позитивных и эффективных сценариев.

Конструкт «самолидерство» выходит за рамки наиболее часто используемого термина «самоуправление», «самоменеджмент». Анализ литературы показал, что самолидерство имеет некоторые сходные компоненты с самоуправлением, однако самоуправление, как правило, сосредоточено в первую очередь на поведении, направленном на уменьшение расхождений с часто навязываемыми извне стандартами [10]. В то время как самоуправление обычно используется в отношении самодисциплинированной деятельности, ориентированной на выполнение необходимых, но обычно не мотивирующих действий [7], самолидерство – это более глобальная концепция, которая также включает дополнительные когнитивные и внутренние мотивационные аспекты.

В целом, использование индивидами поведенческих, когнитивных и перцептивных навыков самолидерства теоретизируется для формирования представлений о контроле и ответственности, которые жизненно важны для работы сотрудников в расширяющих возможности организациях.

В связи с выявленной актуальностью исследования самолидерства с целью дальнейшего ее развития для повышения эффективности работы сотрудников компаний, нами был адаптирован опросник самолидерства J. Anderson, G. Prussia.

Тест на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G. Prussia) [11] состоит из 50 пунктов, изучающих поведенчески ориентированную стратегию, стратегию вознаграждения и стратегию конструктивного мышления. Стратегии самолидерства оценивали с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта с градацией: 1 – абсолютно не верно; 2 – отчасти верно; 3 – немного верно; 4 – верно; 5 – абсолютно верно.

Устойчивая 10-ти факторная структура была установлена с помощью эксплораторного факторного анализа при использовании метода главных компонент и в дальнейшем подтверждена конфирматорным факторным анализом. Выявленная структура теста объясняет 60% общей дисперсии, что указывает на достаточно высокое качество факторной структуры.

Конвергентная, дивергентная и дискриминантная валидность теста были установлены путем оценки корреляций каждого из 10 установленных факторов с методиками, оценивающими особенности самодетерминации, прокрастинации, личностные особенности, эмоционального интеллекта и совладающего поведения.

Методика и процедура исследования

Цель настоящей работы – адаптация теста на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G. Prussia) на русскоязычной выборке. Адаптация теста проводилась в несколько этапов. На первом этапе проводилась процедура последовательного перевода теста согласно международным стандартам, в которые входят проведение нескольких независимых прямых переводов, процедуры согласования и создания предварительной версии опросника, проведения нескольких независимых обратных переводов, а также экспертизы с участием специалистов по русскому и английскому языкам, специалиста в области психологии, и создание тестовой версии опросника.

Ниже будут приведены результаты пилотажного и основного этапов исследования, в которое входили:

проверка факторной структуры опросника, внутренней согласованности шкал, тест-ретестовой надежности; будет описано исследование, направленное на проверку валидности опросника. Структура оригинальной версии теста на определение уровня самолидерства состоит из 50 вопросов и содержит 10 психометрически независимых шкал.

Пункты данного опросника группируются в 10 шкал: целеполагание (7 вопросов), самоощущение (3 вопроса), самонаказание (4 вопроса), самонаблюдение (5 вопросов), самоконтроль (2 вопроса), самоограничение (2 вопроса), фокусировка мыслей на естественной награде (4 вопроса), визуализация успешного выполнения (8 вопросов), диалог с самим собой (5 вопросов), самооценка (5 вопросов). Также все шкалы опросника группируются в общую шкалы самолидерства (50 вопросов).

Экспериментальная выборка состоит из 584 добровольцев в возрасте 16-60 лет (139 мужчин и 445 женщин).

Процедура адаптации русскоязычной версии теста на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G. Prussia)

Статистическая обработка данных проведена в программе IBM SPSS Statistics 22.0 с применением коэффициента α Кронбаха, корреляционного анализа Пирсона, теста двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана, эксплораторного факторного анализа (ЭФА) с использованием метода главных компонент и вращения вариационных максимумов (КФА).

Тестирование проводилось в комплексе из 6 опросников:

1. Личностный опросник «Big Five».
2. Опросник «Шкала прокрастинации».
3. Тест на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G. Prussia).
4. Шкала «Самодетерминация личности» К. Шелдона, модифицированная Е.Н. Осиным.
5. Тест на определение уровня совладающего поведения [Р. Лазарус].
6. Тест на определение уровня эмоционального интеллекта (Н. Холл).

Для доказательства конвергентной, дивергентной и дискриминантной валидности были оценены коэффициенты корреляции баллов по шкалам теста на определение самолидерства с показателями по шкалам перечисленных опросников, выбрав эти методики в соответствии с анализом литературных источников и данных, полученных разработчиками данного теста (J. Anderson, G. Prussia).

Результаты и их обсуждение

Оценка согласованности пунктов опросника, а также пунктов, входящих в состав каждой шкалы, производилась путем расчета коэффициента α Кронбаха. Согласованность для всех пунктов русскоязычной версии теста, что соответствует общему показателю самолидерства, составила $\alpha = 0,92$, что является очень хорошим результатом. Результаты оценки согласованности пунктов опросника, входящих в состав каждой шкалы, в том числе в сравнении с данными J. Anderson и G.Prussia, представлены в таблице 1.

В результате проверки шкал на согласованность, было получено, что α Кронбаха всех 10 исследуемых шкал превысила 0,70, что соответствует высокой согласованности пунктов опросника, входящих в состав этих шкал.

Затем для доказательства схожести структуры российской версии опросника самолидерства с оригинальным опросником J. Anderson и G. Prussia был проведен ЭФА с использованием метода главных компонент и способом вращения варимакс.

Стоит отметить, что в оригинальном тесте на определение самолидерства было выделено 10 факторов, при этом 5 вопросов из опросника были исключены и не вошли не в один фактор:

Вопрос 25. Я пытаюсь выразить словами или записать свои убеждения о трудных ситуациях, с которыми я сталкиваюсь, и оценить, являются ли они обоснованными.

Вопрос 34. После того, как я хорошо выполняю какое-либо задание, я чувствую себя хорошо.

Вопрос 42. Я иногда использую мысленные приемы

(например, формирование слова из инициалов задачи), чтобы помочь мне вспомнить, что мне нужно сделать.

Вопрос 43. Я мысленно поздравляю себя с успехом.

Вопрос 50. Мне нравится действовать, чтобы решать проблемы самостоятельно.

В связи с этим, нами также была проверена структура теста, состоящего из 10 шкал, в которые вошли 45 вопросов из 50, при этом в общий уровень самолидерства вошли все 50 вопросов

Анализ структуры опросника с использованием всех пунктов 10 извлеченных факторов описывают 60% дисперсии. Также были получены факторные нагрузки, которые представлены в таблице 2.

В результате проведенного анализа ЭФА, выявлено, что первый фактор описывает 22,5% общей дисперсии, что является доминирующим процентом, при этом можно его интерпретировать данный фактор, как «Целеполагание». Далее опишем все остальные выделенные факторы:

- второй фактор описывает 8,8% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Визуализация успешного выполнения»;
- третий фактор описывает 5,4% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самонаказание»;
- четвертый фактор описывает 4,2% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Диалог с самим собой»;
- пятый фактор описывает 3,7% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самоощереение»;
- шестой фактор описывает 3,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Само-

Таблица 1.

Показатели согласованности шкал теста на определение самолидерства

Шкалы	N элементов	α Кронбаха (для российской версии)	α Кронбаха (для оригинального опросника)
Целеполагание	7	0,85	0,85
Самоощереение	3	0,83	0,91
Самонаказание	4	0,88	0,75
Самонаблюдение	5	0,72	0,73
Самоконтроль	2	0,77	0,82
Самоограничение	2	0,83	0,76
Фокусировка мыслей	4	0,70	0,69
Визуализация успешного выполнения	8	0,79	0,85
Диалог с самим собой	5	0,80	0,84
Самооценка	5	0,76	0,79

Таблица 2.

Результаты факторного анализа первоначального варианта опросника и модифицированной версии

	Факторные нагрузки									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Фактор 1. Целеполагание										
2. Я пишу конкретные цели для своей собственной деятельности	0,67	0,18	-0,03	-0,12	0,04	0,05	-0,02	0,13	-0,06	-0,02
10. Я работаю над достижением конкретных целей, которые поставил перед собой.	0,76	0,18	-0,03	0,01	0,01	0,04	-0,05	0,13	0,02	0,04
20. Я устанавливаю конкретные цели для своей собственной деятельности	0,79	0,23	-0,02	-0,06	0,01	0,11	-0,01	0,20	0,02	0,05
28. Я думаю о целях, которых намерен достичь в будущем.	0,63	0,23	-0,07	-0,06	0,05	0,13	0,14	0,01	-0,04	0,07
32. Я сознательно ставлю перед собой цели в своей работе.	0,60	0,13	0,03	-0,04	0,06	0,27	-0,03	0,22	0,21	0,05
33. Я использую мысленные напоминания, чтобы помочь себе вспомнить, что мне нужно сделать.	0,65	0,09	0,20	-0,03	-0,08	0,24	0,07	0,20	0,28	0,04
41. Я ставлю перед собой конкретные цели для своих непосредственных задач.	0,64	0,10	-0,01	-0,13	0,01	0,26	-0,03	0,29	0,26	0,18
Фактор 2. Визуализация успешного выполнения										
6. Я ищу и стараюсь расширять деятельность в своей работе, которая мне нравится.	0,19	0,66	0,21	0,08	0,08	-0,06	0,21	0,08	-0,03	0,13
7. Я формулирую (озвучиваю) свои образы того, как я вижу себя успешно выполняющим задачу.	0,24	0,59	0,08	0,13	0,24	-0,06	0,17	0,10	0,05	0,09
14. Я часто физически репетирую, как я планирую справиться с проблемой, прежде чем я действительно столкнусь с проблемой.	0,15	0,60	0,16	0,16	0,17	0,10	0,02	0,11	-0,06	-0,14
24. Я стараюсь включать в свою работу те виды деятельности, которые мне нравятся.	0,07	0,70	-0,08	0,06	0,10	0,16	0,19	-0,08	-0,02	0,03
30. Иногда я представляю в своем воображении успешное выступление, прежде чем я действительно выполню задание.	0,33	0,61	0,20	0,08	0,14	0,18	0,12	0,00	0,10	-0,15
36. Я стараюсь отдавать себе отчет в том, какие виды деятельности в моей работе мне особенно нравятся.	0,11	0,69	0,03	-0,06	0,04	0,24	0,23	0,11	0,25	0,10
37. Я целенаправленно представляю себя преодолевающим трудности, с которыми сталкиваюсь.	0,18	0,70	0,05	0,07	0,06	0,26	0,09	0,00	0,13	0,05
46. Я использую свое воображение, чтобы представить себя хорошо выполняющим важные задачи.	0,10	0,70	0,02	0,16	0,15	0,26	0,14	-0,05	0,11	0,15
Фактор 3. Самонаказание										
13. Я иногда открыто выражаю свое недовольство собой, когда у меня что-то не получается.	0,04	0,09	0,67	0,20	0,07	-0,02	0,18	-0,04	-0,03	-0,11
29. Я чувствую вину, когда плохо выполняю задание.	-0,01	0,06	0,85	0,07	-0,04	0,13	0,01	-0,02	0,03	0,03
35. Я склонен мысленно опускаться до самого себя, когда плохо выполняю свою работу.	-0,04	0,11	0,88	0,07	-0,05	0,09	0,04	0,03	0,11	0,04
44. Я склонен быть жестким к себе в своих мыслях, когда я плохо справляюсь с какой-либо задачей.	-0,07	0,06	0,86	0,07	0,00	0,12	-0,01	0,01	0,15	0,06
Фактор 4. Диалог с самим собой										
8. Иногда я разговариваю вслух сам с собой, чтобы справиться с трудной ситуацией.	-0,02	0,24	0,12	0,79	0,16	-0,03	0,09	0,10	0,11	0,10
16. Я иногда пытаюсь описать вслух свои мысленные образы успешного выполнения заданий.	0,24	0,28	0,16	0,60	0,08	-0,01	0,09	0,09	-0,02	0,03
18. Иногда я обнаруживаю, что говорю вслух сам с собой, чтобы помочь себе справиться с трудными проблемами, с которыми я сталкиваюсь.	-0,02	0,11	0,14	0,88	0,08	0,10	0,05	0,03	-0,01	0,04
26. Когда я нахожусь в трудных ситуациях, я иногда говорю вслух сам с собой, чтобы помочь мне пройти через это.	-0,04	0,18	0,12	0,86	0,10	0,15	0,06	0,05	0,02	-0,01
49. Я даю себе ободряющие речи, чтобы убедить себя, что я могу это сделать.	0,26	0,34	-0,04	0,55	0,05	0,18	0,06	-0,04	0,27	0,25

	Факторные нагрузки									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Фактор 5. Самопоощрение										
4. Когда я делаю что-то хорошо, я вознаграждаю себя особым событием, таким как хороший ужин, кино, поход по магазинам и т.д.	0,11	0,23	-0,05	0,09	0,84	0,03	0,04	0,11	0,17	0,00
12. Когда я успешно выполняю задание, я часто вознаграждаю себя тем, что мне нравится.	0,15	0,24	-0,03	0,12	0,83	0,03	0,09	0,12	0,14	0,02
22. Когда я выполняю задание, мне особенно нравится побаловать себя чем-то или деятельностью, которая мне особенно нравится	-0,04	0,04	0,01	0,14	0,68	0,17	0,29	0,02	-0,04	0,02
Фактор 6. Самооценка (оценка убеждений и предположений)										
17. Я открыто формулирую и оцениваю свои собственные предположения, когда у меня возникают разногласия с кем-то другим.	0,46	-0,01	-0,10	0,17	0,06	0,52	0,18	-0,17	0,14	0,17
31. Я думаю о своих собственных убеждениях и предположениях всякий раз, когда сталкиваюсь с трудной ситуацией.	0,19	0,03	0,24	0,09	0,12	0,60	0,31	0,00	0,04	-0,06
38. Я пытаюсь мысленно оценить правильность моих собственных представлений о ситуациях, с которыми у меня возникают проблемы.	0,24	0,26	0,11	0,09	-0,01	0,66	0,09	0,06	0,08	0,02
39. Я намеренно стараюсь думать о том, что говорю себе.	0,15	0,32	0,05	0,15	0,02	0,51	-0,01	0,04	0,34	0,09
47. Я думаю и оцениваю убеждения и предположения, которых придерживаюсь.	0,31	0,17	0,07	0,00	0,13	0,72	0,11	-0,03	0,10	0,12
Фактор 7. Фокусировка мыслей (на естественной награде)										
15. Когда у меня есть выбор. Я стараюсь выполнять свою работу так, чтобы мне это нравилось, а не просто пытаюсь покончить с этим.	0,06	0,07	0,10	0,07	-0,04	-0,01	0,51	0,09	0,21	0,09
21. Я стараюсь окружить себя предметами и людьми, которые демонстрируют мое желаемое поведение.	0,02	0,08	0,06	0,07	0,19	0,13	0,50	0,08	0,14	-0,04
45. Я сосредотачиваю свое мышление на приятных, а не на неприятных чувствах, которые я испытываю по поводу своей работы (учебы).	0,15	0,37	-0,14	-0,07	-0,07	0,06	0,74	0,13	0,23	0,15
48. Я ищу альтернативы действиям, которые предоставляют возможности, а не останавливаюсь на потенциальных препятствиях.	0,16	0,02	-0,12	-0,07	-0,03	0,13	0,65	0,00	0,20	0,14
Фактор 8. Самоконтроль										
3. Я использую письменные заметки, чтобы напомнить себе о том, что мне нужно сделать.	0,13	0,04	-0,03	0,09	0,08	0,02	0,07	0,82	0,05	-0,03
11. Я использую конкретные напоминания (например, заметки, списки), чтобы помочь мне сосредоточиться на том, что мне нужно сделать.	0,18	0,03	0,01	0,16	0,11	0,04	0,11	0,76	0,07	0,02
Фактор 9. Самонаблюдение										
1. Я стараюсь следить за тем, насколько хорошо я справляюсь на работе (в школе).	0,41	0,01	0,17	-0,05	0,03	-0,04	0,22	0,15	0,64	0,02
9. Я отслеживаю свой прогресс в проектах, над которыми работаю.	0,20	0,10	0,06	0,07	0,09	0,09	0,17	0,04	0,72	0,05
19. Я веду учет своего прогресса в выполнении заданий.	0,33	0,19	-0,01	0,12	0,10	0,11	0,14	0,03	0,62	0,04
27. Я обычно осознаю, насколько хорошо я справляюсь с выполнением какой-либо деятельности.	0,45	-0,01	-0,08	0,11	0,00	0,05	0,15	-0,23	0,58	0,14
40. Я обращаю внимание на то, насколько хорошо я справляюсь со своей работой.	0,28	0,12	0,06	-0,04	0,16	0,30	0,10	0,06	0,46	0,09
Фактор 10. Самоконтроль (Самоограничение)										
5. Когда моя производительность не на должном уровне, я скрываю от себя то, что мне нравится.	0,01	0,18	0,37	0,01	0,22	0,03	0,03	0,01	-0,30	0,50
23. Я сдерживаю себя от того, чтобы делать то, что мне нравится, когда я не удовлетворен своей работой.	0,01	0,26	0,23	0,07	0,13	0,03	0,07	0,06	-0,22	0,64

- оценка (оценка убеждений и предположений)»;
- седьмой фактор описывает 3% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Фокусировка мыслей (на естественной награде)»;
- восьмой фактор описывает 2,6% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самоконтроль»;
- девятый фактор описывает 2,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самонаблюдение»;
- десятый фактор описывает 2,2% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самоконтроль (Самоограничение)».

Далее для доказательства выявленной структуры российской версии опросника был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА). КФА осуществляли с помощью программы IBM Amos 22.0 Windows. Степень соответствия теоретической модели экспериментальным данным оценивали по следующим критериям [3-6]:

- CMIN (df) – χ^2 для заданного числа степеней свободы – на хорошее соответствие модели указывают значения < 2 ;
- CFI (comparative fit index) – сравнительный критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели;
- GFI (the goodness-of-fit-index) – критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели;
- NNFI (the non-normed fit index) – критерий согласия с поправкой на ненормальность распределения – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели;
- IFI (incremental fit index) – инкрементный критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели;
- RMSEA (the root mean-square error of approximation) – квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации – на хорошее соответствие модели указывают значения RMSEA в пределах 0,08-0,05.

Рассмотрим результаты проведенного анализа, представленные в таблице 3.

Полученные результаты конфирматорного фактор-

ного анализа для российской версии опросника самолидерства показали хорошее соответствие модели: CMIN=81,35; df=42; CMIN/DF=1,9; GFI=0,91; NNFI=0,95; IFI=0,88; CFI=0,94. Также критерий RMSEA=0,06 также показал высокое соответствие модели.

Также было установлено, что все суждения методики имеют значимую связь с тем фактором, в который они входят ($p < 0,05$), что указывает на существование гармонии с теорией самолидерства.

Для оценки ретестовой надежности было проведено повторное тестирование 345 респондентов в возрасте от 16 до 60 лет (219 женщин и 126 мужчин) с помощью адаптированного опросника самолидерства. Интервалы между двумя тестированиями составили 2 месяца.

Ретестовая надежность оценивалась с помощью теста двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана, которые являются мерой согласованности пунктов опросника при первичном тестировании и ретесте, при этом матрица результатов разбивается на две половины таким образом, что оценки первого тестирования являются показателями одной половины теста, а оценки ретеста – показателями второй половины теста, а между ними были рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена-Брауна.

Для расчета ретестовой надежности были рассмотрены общий показатель самолидерства и 10 выделенных шкал, доказанных ЭФА и КФА.

В таблице 4 представлены результаты оценки ретестовой надежности адаптированного опросника. Как видно, коэффициента α Кронбаха при расщеплении выборки пополам показывает достаточно хорошую согласованность, коэффициенты корреляции Спирмена-Брауна между оценками первичного тестирования и ретеста находятся в диапазоне от 0,76 до 0,87, а коэффициент надежности Гуттмана находится в диапазоне 0,79-0,91, что указывает на достаточно высокую надежность русифицированного и адаптированного опросника [1].

Далее был проведен анализ на выявление конструктивной, конвергентной и прогностической валидности теста с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

При определении конструктивной валидности рассчитывались корреляции Пирсона между шкалами самоли-

Таблица 3.

Критерии согласия для модели адаптированного опросника по самолидерству

Варианты опросника	CMIN	df	CMIN/DF	GFI	NNFI	IFI	CFI
Российский вариант опросника	81,35	42	1,9	0,91	0,95	0,88	0,94

дерства и уровнем самодетерминации и прокрастинации.

Уровень самодетерминации исследовался с помощью методики «Самодетерминация личности» К. Шелдона, модифицированная Е.Н. Осиным [8], которая содержит три субшкалы: «самотождественность», «самовыражение» и «воспринимаемый выбор», а также их среднее арифметическое представляющее собой «индекс самодетерминации», что позволяет оценить степень того, насколько человек самостоятелен в определении своего жизненного сценария.

Методика диагностики прокрастинации предназначена для определения степени выраженности отклады-

вающего поведения в повседневной жизни.

В ходе проведенного корреляционного анализа Пирсона было доказано, что самотождественность положительно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкалами самолидерства: «Целеполагание» ($r = 0,34$ при $p < 0,01$), «Самоощереение» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Самонаблюдение» ($r = 0,31$ при $p < 0,01$), «Самоконтроль» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Фокусировка мыслей» ($r = 0,29$ при $p < 0,01$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = 0,19$ при $p < 0,01$), «Самооценка» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Самолидерство» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$), а также отрицательно коррелирует со шкалой «Самонаказание» ($r = -0,1$ при $p < 0,05$). Из этого следует, что более развитый уровень

Таблица 4.

Результаты оценки ретестовой надежности опросника самолидерства

Шкалы	α Кронбаха		Коэффициент Спирмена-Брауна	Коэффициент Гуттмана
	Часть 1	Часть 2		
Целеполагание	0,78	0,75	0,79	0,87
Самоощереение	0,93	0,99	0,81	0,79
Самонаказание	0,72	0,91	0,86	0,85
Самонаблюдение	0,71	0,79	0,76	0,95
Самоконтроль	0,97	0,98	0,87	0,89
Самоконтроль (Самоограничение)	0,98	0,99	0,83	0,91
Фокусировка мыслей (на естественной награде)	0,77	0,82	0,79	0,80
Визуализация успешного выполнения	0,72	0,76	0,78	0,87
Диалог с самим собой	0,76	0,82	0,84	0,81
Самооценка (оценка убеждений и предположений)	0,78	0,73	0,78	0,87
Самолидерство	0,86	0,88	0,85	0,85

Таблица 5.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самолидерства и опросниками на уровень самодетерминации и прокрастинации (n=584)

Шкалы	Самотождественность	Самовыражение	Воспринимаемый выбор	Индекс самодетерминации	Прокрастинация
Целеполагание	0,34**	0,46**	0,32**	0,45**	-0,45**
Самоощереение	0,1*	0,11*	0,12**	0,13**	0,01
Самонаказание	-0,1*	-0,07	-0,11*	-0,12**	0,22**
Самонаблюдение	0,31**	0,38**	0,28**	0,39**	-0,37**
Самоконтроль	0,1*	0,14**	0,08	0,12**	-0,11*
Самоограничение	-0,02	0,03	0,01	0,01	0,05
Фокусировка мыслей	0,29**	0,31**	0,33**	0,39**	-0,21**
Визуализация	0,19**	0,24**	0,28**	0,30**	-0,12**
Диалог	0,02	0,12**	0,10*	0,10*	0,04
Самооценка	0,21**	0,19**	0,24**	0,27**	-0,21**
Самолидерство	0,24**	0,32**	0,28**	0,35**	-0,19**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

самолидерства, а именно, целеполагания, самоощере- ния, самонаблюдения, самоконтроля, фокусировки мыс- лей, визуализации успешного выполнения, самооценки, а также более низкие показатели самонаказания, будет сопровождаться высоким уровнем самоощере- ния.

Шкала «Самовыражение» значимо ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) коррелирует практически со всеми шкалами самолидер- ства: «Целеполагание» ($r = 0,46$ при $p < 0,01$), «Самоощере- ние» ($r = 0,11$ при $p < 0,05$), «Самонаблюдение» ($r = 0,38$ при $p < 0,01$), «Самоконтроль» ($r = 0,1$ при $p < 0,01$), «Фо- кусировка мыслей» ($r = 0,31$ при $p < 0,01$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$), «Диалог с самим собой» ($r = 0,12$ при $p < 0,01$), «Самооценка» ($r = 0,19$ при $p < 0,01$), «Самолидерство» ($r = 0,32$ при $p < 0,01$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидер- ства, будет сопровождаться высоким уровнем самовы- ражения.

Шкала «Воспринимаемый выбор» положительно кор- релирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкала- ми самолидерства: «Целеполагание» ($r = 0,32$ при $p < 0,01$), «Самоощере- ние» ($r = 0,12$ при $p < 0,01$), «Самонаблюдение» ($r = 0,28$ при $p < 0,01$), «Фокусировка мыслей» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = 0,28$ при $p < 0,01$), «Диалог с самим собой» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Самооценка» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$), «Самолидер- ство» ($r = 0,28$ при $p < 0,01$), а также отрицательно коррелирует со шкалой «Самонаказание» ($r = -0,11$ при $p < 0,05$), что говорит о том, что более развитый уровень само- лидерства, а именно, целеполагания, самоощере- ния, самонаблюдения, фокусировка мыслей, визуализации успешного выполнения, диалога с самим собой, самоо- ценки, а также более низкие показатели самонаказания, будет сопровождаться высоким уровнем развитого вос- принимаемого выбора.

Шкала «Индекс самодетерминации» положительно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкалами самолидерства: «Целеполагание» ($r = 0,45$ при $p < 0,01$), «Самоощере- ние» ($r = 0,13$ при $p < 0,01$), «Самона- наблюдение» ($r = 0,39$ при $p < 0,01$), «Самоконтроль» ($r = 0,12$ при $p < 0,01$), «Фокусировка мыслей» ($r = 0,39$ при $p < 0,01$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = 0,3$ при $p < 0,01$), «Диалог с самим собой» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Са- моюценка» ($r = 0,27$ при $p < 0,01$), «Самолидерство» ($r = 0,35$ при $p < 0,01$), а также отрицательно коррелирует со шка- лой «Самонаказание» ($r = -0,12$ при $p < 0,01$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидерства, а именно, целеполагания, самоощере- ния, самонаблюдения, самоконтроля, фокусировки мыслей, визуализации успешного выполнения, диалога с самим собой, самоо- ценки, а также более низкие показатели самонаказания, будет сопровождаться высоким уровнем развитого ин- декса самодетерминации.

Шкала «Прокрастинация» отрицательно коррели- рует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкалами самолидерства: «Целеполагание» ($r = -0,45$ при $p < 0,01$), «Самонаблюдение» ($r = -0,37$ при $p < 0,01$), «Самоконтроль» ($r = -0,11$ при $p < 0,05$), «Фокусировка мыслей» ($r = -0,21$ при $p < 0,01$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = -0,12$ при $p < 0,01$), «Самооценка» ($r = -0,21$ при $p < 0,01$), «Само- лидерство» ($r = -0,19$ при $p < 0,01$), а также положительно коррелирует со шкалой «Самонаказание» ($r = 0,22$ при $p < 0,01$), из этого следует, что более развитый уровень самолидерства, а именно, целеполагания, самонаблюдения, самоконтроля, фокусировки мыслей, визуализации успешного выполнения, самооценки, а также более низ- кие показатели самонаказания, будет сопровождаться низким уровнем прокрастинации. Таким образом, полу- ченные результаты логичны и доказывают конструктивную валидность адаптированного опросника самолидер- ства.

Для подтверждения конвергентной валидности был использован опросник «Способы совладающего поведе- ния» Р. Лазаруса в адаптации НИПНИ им. Бехтерева [2], который состоит из 50 утверждений, группируемых в 8 шкал: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения про- блем, положительная переоценка. Методика предна- значена для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психиче- ской деятельности, копинг-стратегий.

Анализируя полученные взаимосвязи шкал само- лидерства и способов совладающего поведения, отра- женные в таблице 6, можно прийти к выводу о том, что самолидерство в основном положительно коррелирует с адаптивными формами совладающего поведения (са- моконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, по- ложительная переоценка) и отрицательно коррелирует с неадаптивными формами совладающего поведения – дистанцирование и бегство-избегание. Что касается кон- фронтационного копинга, который может проявляться и как адаптивный и неадаптивный копинг, то в нашем случае самолидерство, а именно, шкалы «Самоощере- ние» ($r = 0,26$ при $p < 0,01$), «Самонаблюдение» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Самоограничение» ($r = 0,11$ при $p < 0,01$), «Фо- кусировка мыслей» ($r = 0,1$ при $p < 0,05$), «Визуализация успешного выполнения» ($r = 0,26$ при $p < 0,01$), «Диалог с самим собой» ($r = 0,2$ при $p < 0,01$), «Самооценка» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$) и общая шкала «Самолидерство» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$), положительно коррелирует с данным копингом. Несмотря на некоторую неадаптивность конфронтации, все же она обеспечивает способность личности к сопро- тивлению трудностям, энергичность и предприимчи- вость при разрешении проблемных ситуаций, умение отстаивать собственные интересы.

Таблица 6.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самодидерства и опросником «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (n=584)

Переменные	Совладающее поведение							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Целеполагание	0,08	-0,14**	0,10*	0,08	-0,07	-0,26**	0,47**	0,30*
Самоощерение	0,26**	0,01	0,11**	0,21**	0,1*	0,05	0,13**	0,27**
Самонаказание	0,03	0,02	0,14**	0,08	0,04	0,16**	-0,04	0,05
Самонаблюдение	0,1*	-0,1*	0,16**	0,14**	-0,06	-0,20**	0,39**	0,24**
Самоконтроль	0,01	-0,04	0,1*	0,13**	0,02	-0,03	0,20**	0,13**
Самоограничение	0,11**	0,1*	0,12**	0,02	0,19**	0,06	0,09	0,21**
Фокусировка мыслей	0,1*	0,06	0,14**	0,1*	-0,07	-0,10*	0,31**	0,26**
Визуализация	0,26**	0,08	0,26**	0,16**	0,15**	0,07	0,28**	0,36**
Диалог	0,20**	0,07	0,29**	0,14**	0,25**	0,04	0,14**	0,26**
Самооценка	0,24**	-0,04	0,22**	0,18**	0,08	0,01	0,37**	0,34**
Самолидерство	0,24**	0,02	0,28**	0,21**	0,18**	0,02	0,39**	0,41**

Примечание: 1 – конфронтационный копинг; 2 – дистанцирование; 3 – самоконтроль; 4 – поиск социальной поддержки; 5 – принятие ответственности; 6 – бегство-избегание; 7 – планирование решения проблемы; 8 – положительная переоценка; * p<0,05; ** p<0,01.

Таблица 7.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самодидерства и личностным опросником и эмоциональным интеллектом, (n=584)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Целеполагание	0,36**	0,23**	0,41**	-0,3**	0,15**	0,24**	0,39**	0,44**	0,22**	0,34**	0,44**
Самоощерение	0,14**	0,06	-0,03	-0,04	0,2**	0,22**	0,10*	0,15**	0,13**	0,19**	0,21**
Самонаказание	-0,05	0,1*	-0,01	0,32**	0,01	0,1*	-0,24**	-0,12**	0,09	-0,03	-0,06
Самонаблюдение	0,28**	0,19**	0,36**	-0,27**	0,17**	0,28**	0,34**	0,39**	0,28**	0,379**	0,44**
Самоконтроль	0,15**	0,18**	0,22**	-0,04	0,1*	0,19**	0,14**	0,11**	0,11*	0,16**	0,19**
Самоограничение	0,08	0,07	0,08	0,1*	0,03	0,13**	0,06	0,16**	0,09	0,09	0,14**
Фокусировка мыслей	0,25**	0,24**	0,16**	-0,29**	0,22**	0,3**	0,34**	0,4**	0,28**	0,33**	0,43**
Визуализация	0,23**	0,18**	0,18**	-0,1*	0,25**	0,28**	0,23**	0,32**	0,22**	0,29**	0,35**
Диалог	0,19**	0,1*	-0,03	0,08	0,22**	0,16**	0,04	0,13**	0,12**	0,16**	0,15**
Самооценка	0,25**	0,15**	0,22**	-0,13**	0,25**	0,32**	0,22**	0,33**	0,25**	0,28**	0,36**
Самолидерство	0,32**	0,25**	0,26**	-0,11*	0,28**	0,36**	0,26**	0,38**	0,29**	0,36**	0,43**

Примечание: 1 – Экстраверсия - Интроверсия; 2 – Привязанность - Обособленность; 3 – Самоконтроль - Импульсивность; 4 – Эм устойчивость – Эм неустойчивость; 5 – Экспрессивность - Практичность; 6 – Эмоциональная осведомленность; 7 – Управление своими эмоциями; 8 – Самомотивация; 9 – Эмпатия; 10 – Управление эмоциями других людей.

* p<0,05; ** p<0,01.

Таким образом, опросник самолидерства на эмпирическом уровне эффективно различает группы индивидов с различным уровнем стремления к самолидерству, использующих при этом адаптивные или неадаптивные стратегии совладающего поведения.

Для подтверждения прогностической валидности адаптированного опросника самолидерства были использованы личностный опросник «Big Five» и тест на определение уровня эмоционального интеллекта (N. Hall).

Анализируя полученные взаимосвязи шкал самолидерства и личностных особенностей респондентов, а также их уровня эмоционального интеллекта, отраженные в таблице 7, можно прийти к выводу о том, что самолидерство в основном положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как экстраверсия, привязанность, самоконтроль, экспрессивность и отрицательно коррелирует с уровнем эмоциональной неустойчивости, а также уровень самолидерства положительно коррелирует с показателями эмоционального интеллекта, при этом показатель самонаказания отрицательно взаимосвязан с уровнем эмоциональной осведомленности и самомотивации. Таким образом, было доказано, что люди с более высоким уровнем самолидерства будут проявлять более высокий уровень эмоционального интеллекта, к которому относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими, как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей, что делает людей более успешными. При этом люди с более развитым уровнем самолидерства будут проявлять более выраженную склонность к активным социальным контактам, что выражается в коммуникабельности, активной разговорчивости с разными людьми и общительности, более позитивное отношение человека к людям, высокую добросовестность и сознательность, сочетающаяся с хорошим самоконтролем, со стремлением к утверждению общечеловеческих ценностей, бо-

лее развитую самодостаточность, уверенность в своих силах, к тому же данные респонденты легко могут удовлетворять свое любопытство, проявляя интерес к различным сторонам жизни.

Исходя из проведенного корреляционного анализа была доказана конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность адаптированного опросника на выявление уровня самолидерства.

Заключение

В результате процесса адаптации оригинальной версии теста на определение уровня самолидерства (J. Anderson, G.Prussia), нами была доказана достаточно высокая согласованность пунктов российской версии опросника самолидерства, определена структура, которая соответствует структуре оригинальной версии, и доказано соответствие этой структуры теоретическим предпосылкам. Были доказаны ретестовая надежность российской версии опросника самолидерства, ее конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность.

Таким образом, опросник самолидерства предназначен для выявления уровня стремления личности к саморегулированию, самосовершенствованию, личностному росту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко А.П., Домников А.С., Белоус В.В. Тестовый метод контроля качества обучения и критерии качества образовательных тестов. Обзор // Электронный журнал Наука и Образование. – 2011. - №4. - 28 с.
2. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов / Разработчики Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожилова. – СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2009. – 38 с.
3. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. – СПб.: Питер, 2013. – С. 350-351.
4. Bentler P.M., Bonnett D.G. Significance tests and goodness-of-fit in the analysis of covariance structures // Psychological Bulletin. – 1980. – Vol. 88. – P. 588-606.
5. Hoyle R.H., Panter A.T. Writing about structural equation models / in Hoyle, R.H. (Ed.), Structural Equation Modeling: Concepts, Issues, and Applications, Sage, Thousand Oaks. – CA., 1995. – P. 158-76.
6. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. – New York, NY: The Guilford Press, 2011. – 432 p.
7. Latham G., Frayne C. Selfmanagement training for increasing job attendance: A follow-up and replication. Journal of Applied Psychology. – 1989. – 2A. – P. 411-416.
8. Osin E., Boniwell I. Self-determination and well-being. Poster presented at the Self-Determination Conference. – 2010. – Ghent, Belgium.
9. Manz C. Self-leadership, the heart of empowerment. // Journal for Quality and Participation. 1992a. – July/August. – P. 80-85.
10. Manz C. Mastering Self-Leadership: Empowering yourself for personal excellence. Englewood Cliffs, NJ. Prentice Hall. – 1992b.
11. Prussia G.E., Anderson J.S., Manz C.C. Self-leadership and performance outcomes: The mediating influence of self-efficacy // Journal of Organizational Behavior. – 1998. – Vol. 19. – P. 523-538.

© Ким Э Сун (info@kimlilia.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ ПРОФАЙЛЕРА ОТ ЛИЧНОСТИ К ИМИДЖУ

Коваленко Максим Александрович

Директор, Национальная гуманитарная академия
avestamv@mail.ru

THE MODEL OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF PROFILERS OBSERVATION ABILITY

M. Kovalenko

Summary: The article is devoted to the problem of socio-psychological determinants of professional observation of profilers. The essence and content of the concept of observation and its features in the field of profiling are revealed. The profiler's observation ability is considered as a professionally important quality that develops under the influence of socio-psychological factors at the level of the individual, group and society. A set of author's and standardized methods are presented, which made it possible to identify the socio-psychological determinants of profilers' observation. An empirical model of the socio-psychological determinants of profilers' observation is described. The results of the study allowed us to identify the structural and content features of observation, which are manifested at the level of the individual, at the level of the group, at the level of mass consciousness. It is shown that the model of observation at the level of personality includes motivational-target, cognitive and operational components. The personal, group and social determinants of profilers' observation are revealed.

Keywords: observation, observation, social perception, profiling.

Аннотация: Статья посвящена проблеме социально-психологических детерминант профессиональной наблюдательности профайлеров. Раскрыта сущность и содержание понятия наблюдательность и ее особенности в сфере профайлинга. Наблюдательность профайлера рассматривается как профессионально важное качество, которое развивается под влиянием социально-психологических факторов на уровне личности, группы и общества. Представлены комплекс авторских и стандартизированных методик, которые позволили выявить социально-психологические детерминанты наблюдательности профайлеров. Описана эмпирическая модель социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров. Результаты исследования позволили выявить структурно-содержательные особенности наблюдательности, которые проявляются на уровне личности, на уровне группы, на уровне массового сознания. Показано, что модель наблюдательности на уровне личности включает мотивационно-целевой, когнитивный и операционный компоненты. Раскрыты личностные, групповые и общественные детерминанты наблюдательности профайлеров.

Ключевые слова: наблюдательность, наблюдение, социальная перцепция, профайлинг.

В настоящее время актуальным становятся научно-практические исследования в сфере профайлинга. Представляет интерес исследование индивидуально-личностных свойств и качеств профайлеров как субъектов профессиональной деятельности, обуславливающих высокий уровень их профессиональной компетентности, в частности, исследование профессиональной наблюдательности профайлера и лежащих в ее основе социально-психологических детерминант.

В психологической науке профайлинг как технология наблюдения, опроса, оценки и прогнозирования поведения человека на основе показателей вегетативной нервной системы, эмоциональных состояний, вербальных и невербальных проявлений, особенностей внешности и других информативных признаков, является сравнительно новым направлением, появившимся сравнительно недавно и позволяющим получать самую объективную информацию о потенциальной опасности субъекта [5; 8; 10]. Профайлинг, как отмечает А.В. Филатов, является «хорошо структурированной дисциплиной

с собственным инструментарием и технологиями... качество использования которых во многом зависит от двух моментов – наблюдательности и умения делать выводы из собранной информации» [10, с. 9].

В основе понимания сущности психологической наблюдательности как качества личности и психологического наблюдения как процесса лежат теоретические представления отечественной социальной психологии о многофакторной детерминации и взаимосвязанности отношения, образа и процессов социально-психологической интерпретации личности [1]. Психологическое наблюдение является одним из основных психологических навыков в профайлинге, обеспечивающим его успешность, позволяющий считывать невербальные сигналы личности и прогнозировать поведение человека. Взаимосвязь между психическими процессами и свойствами личности отражает взаимосвязь наблюдения как психического процесса и наблюдательности как устойчивого качества личности [7].

Психологическая наблюдательность, которая является многокомпонентным психологическим образованием, определяется учеными с различных позиций. Сущностью психологической наблюдательности, согласно Л.А. Регуш, является ее определение как «психического свойства, базирующегося на ощущении и восприятии и являющегося свойством сенсорной организации» [6, с. 112]. Рассматривая роль психологической наблюдательности в профессиональной деятельности, большинство ученых определяют ее как комплекс личностных качеств и свойств человека, обеспечивающих способность распознавать и прогнозировать поведение других людей [1; 2; 3; 4; 7]. Психологическая наблюдательность выступает основой социально-психологической проницательности человека. Ведущей функцией психологической наблюдательности является формирование адекватного и объективного образа наблюдаемого субъекта [8].

С этих позиций в профессиональной деятельности профайлеров наблюдательность понимается как профессионально важное качество, суть которого заключается в фиксации и интерпретации существенных, характерных и малозаметных, но важных для познания и понимания индивидуальных особенностей объектов наблюдения, которые проявляются через внешние признаки. Как отмечают Д.М. Тарасова, Е.А. Петрова «развитая психологическая наблюдательность у специалистов профайлеров позволит избавиться от стереотипных шаблонов и штампов в восприятии и диагностике индивидуально-личностных черт других людей, эффективнее распознавать характерологические и мотивационно-ценностные черты личности [9, с. 142]. В профессиональной деятельности профайлера психологическая наблюдательность является качеством, обеспечивающим возможности предоставления исчерпывающей информации об объекте наблюдения, которая дает представление о внутреннем мире человека, его чертах характера и привычках, склонностей и способностей, потребностей и интересов, чувств и переживаний, поисков и размышлений, что является основой для выявления и прогнозирования действий и поведения человека.

В связи с этим актуальным представляется описание эмпирической модели социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров как субъектов профессиональной деятельности. Наблюдательность, прежде всего, связана с социальной перцепцией как процессом восприятия (познания) социальных объектов, отдельных лиц, социальных групп и общества в целом [1]. Поэтому наблюдательность профайлера рассматривается нами как профессионально важное качество, развиваемое под влиянием системы социально-психологических факторов – детерминант, которые проявляются на трех уровнях: личности, группы и общества.

Исследование социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров проведено среди профайлеров г. Москвы, общая выборка составила 424 респондента в возрасте от 19 до 53 лет. Для оценки социально-психологических детерминант наблюдательности применялся комплекс авторских и стандартизированных методик, которые позволили выявить социально-психологические детерминанты наблюдательности профайлеров. Для изучения личностных детерминант наблюдательности применялись Калифорнийский психологический опросник, опросник структуры темперамента (ОСТ, STQ) В.М. Русалова (1979); для изучения групповых детерминант наблюдательности, отражающих особенности социально-перцептивной сферы межличностной и групповой коммуникации, а также результативности профессиональной деятельности профайлера, применялись: методика «Адекватность интерпретации невербального поведения» (В.А. Лабунская, 1999), тест эмоционального интеллекта EQ Холла (1999); методика «Социальный интеллект» (СИГ) (Дж. Гилфорд, 1960); авторская анкета самооценки результативности профайлера в профессиональной группе (Е.А. Петрова, М.А. Коваленко, Ю.А. Дорофеева 2018); авторская анкета «Психологическая наблюдательность профайлера» (Е.А. Петрова, М.А. Коваленко (2019); экспертная оценка результативности профессиональной деятельности профайлера. (2019г); для изучения детерминант наблюдательности на уровне массового сознания применялся блок методик: метод свободного семантического описания профессии, методика «Личностный дифференциал» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов, 2002), методика «Трехфакторная модель имиджеологического пространства» (Е.А. Петрова, 2001).

Результаты исследования позволили определить модель социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров, которые проявляются на трех уровнях: на уровне личности, на уровне группы и на уровне массового сознания (Рис. 1).

Модель наблюдательности на уровне личности включает мотивационно-целевой, когнитивный и операционный компоненты, каждый из которых выполняет свою роль в ее функционировании. Мотивационно-целевой компонент отражает совокупность мотивов, целей, интересов и установок на познание и понимание индивидуальных особенностей объектов наблюдения, что соответствует представлению о структурно-содержательной сущности наблюдательности, которая характеризуется мотивационно-целевой составляющей. Когнитивный компонент наблюдательности является ее содержательной основой и отражает совокупность особенностей психических процессов – восприятия, внимания, памяти, мышления, которые фиксируют и интерпретируют вербальные и невербальные проявления

Рис. 1. Модель социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров

индивидуальных особенностей объектов наблюдения. Операционный компонент наблюдательности отражает процессуальный механизм развития наблюдательности в процессе наблюдения как профессиональной деятельности, которая приобретает субъективную значимость под влиянием мотивационно-целевого компонента. В своем единстве эти компоненты – мотивационно-целевой, когнитивный, операционный, составляют основу способности к профессиональной наблюдательности профайлеров. Личностными детерминантами профайлера, согласно полученным результатам, выступают более высокая эмоциональная устойчивость, высокий уровень эмпатии, умение предвосхищать последующие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций в общении, склонность к доминированию, при этом, успех работы профайлера не зависит от умения распознавать невербальные проявления в межличностном общении, более наблюдательны и более ориентированы на социально желательные реакции.

На уровне профессиональной группы психологиче-

ская наблюдательность детерминирована общим уровнем включенности членов группы в профессиональную деятельность, степенью удовлетворенности профессией, степенью адекватности самооценки результатов труда членов группы. На уровне массового сознания социальными детерминантами наблюдательности профайлеров выступают имидж профессии профайлера в массовом сознании. Однако, согласно полученным результатам, имидж профессии профайлера характеризуется низкой сформированностью, знаковых, образных, когнитивных и эмоциональных компонентов, что оказывает влияние на развитие наблюдательности профайлеров как субъектов профессиональной деятельности.

Полученная в ходе эмпирического исследования модель социально-психологических детерминант наблюдательности профайлеров позволяет определить социально-психологические условия ее развития, а также разработать программы по формированию наблюдательности у специалистов профайлинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодалев А.А. Психология общения: избранные психологические труды. – М.: Ин-т практ. Психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 256 с.
2. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
3. Морозова Е.В. Психологическое наблюдение как метод человековедческого познания: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 1995. – 140 с.
4. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. Монография. – М.: Академия имиджологии, 2015. – 322 с.
5. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / В.В. Вахнина, Т.В. Мальцева, Т.В. Михайлова, О.А. Ульянина; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Академия управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 98 с.
6. Регуш Л.А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – СПб.: Питер, 2016. – 174 с.
7. Родионова А.А. Личностные детерминанты психологической наблюдательности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2001. – 173 с.
8. Тарасенко Ю. «Профайлинг: как научиться разбираться в людях» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.psychologies.ru/selfknowledge/profayling-kaknauchitsya-razbiratsya-v-lyudyah/>.
9. Тарасова Д.М. Теоретическая модель социально-психологической технологии развития психологической наблюдательности у профайлеров / Д.М. Тарасова, Е.А. Петрова // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования: сборник статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования». – 2020. – № 2(32). – С. 137-143
10. Филатов А.В. Психодиагностика. Как разбираться в людях и прогнозировать их поведение. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 416 с.

© Коваленко Максим Александрович (avestamv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕРИНАТАЛЬНЫХ УТРАТ

Маркман Елена Валерьевна

Аспирант, ЧОУ «Русская христианская гуманитарная академия»,
lev195197@gmail.com

REVIEW OF SCIENTIFIC RESEARCH ON THE SPECIFICS OF EXPERIENCING PERINATAL LOSS

E. Markman

Summary: The article provides an analysis of scientific research devoted to the consideration of the problem of perinatal loss, the specifics of a woman's emotional experiences during this period. The directions of research in the works of domestic and foreign scientists are concretized. The essence and basic patterns of trauma and perinatal loss experience are revealed. The influence of perinatal loss on the distortion of the image of a woman's physical self has been studied.

Keywords: perinatal period, perinatal loss, the image of a woman's physical self, trauma, stages of grief.

Аннотация: В статье приводится анализ научных исследований, посвященных рассмотрению проблемы перинатальной утраты, специфики эмоциональных переживаний женщины в этот период. Конкретизированы направления исследований в трудах отечественных и зарубежных ученых. Выявлены сущность и основные закономерности протекания травмы переживания перинатальной утраты. Изучено влияние перинатальной потери на искажение образа физического Я женщины.

Ключевые слова: перинатальный период, перинатальная потеря, образ физического Я женщины, травма, стадии проживания горя.

Актуальность исследования заключается в том, что на фоне снижения показателей рождаемости и увеличения числа осложненных родов, проблема изучения закономерностей перинатальных утрат, их последствий встает особенно остро.

Изучение психоэмоционального состояния женщин в период переживания психической травмы - перинатальной потери, является одним из значимых направлений исследований как медицинской, так и психологической науки. В рамках осуществления системы мер защиты репродуктивного здоровья женщин одной из приоритетных задач является снижение материнской и перинатальной смертности.

Цель исследования: проанализировать труды отечественных и зарубежных ученых для выявления специфики переживания перинатальных потерь. Задачи исследования:

1. Конкретизировать понятие «перинатальная потеря (утрата)».
2. Выявить закономерности психоэмоциональных переживаний женщин во время перинатальной потери.
3. Рассмотреть травмирующие факторы перинатальной потери, которые влияют на искажение представлений о себе, в том числе особенности восприятия своего физического и психологического образа Я.

Изучением проблемы переживания перинатальных

потерь занимались как отечественные, так и зарубежные психологи в русле разных психотерапевтических направлений: психоанализа, психологии переживания, когнитивной психотерапии, травматерапии и т.д.

В частности, были исследованы такие аспекты данной проблемы, как:

1. Общие аспекты перинатальной психологии (И.А. Кельмансон).
2. Феномен психологической травмы, который рассматривается также в контексте представлений о кризисах или кризисных состояниях (Е. Мазур, Ф.Е. Василюк, Б. Колодзин, Д. Калшед).
3. Специфика переживаний «бесправного горя» в ситуации перинатальной потери (Е.В. Маркман, К.Дока, Р.Босс.) [6, 12, 13]
4. Психологические аспекты перинатальных утрат (Е.А. Бурина, В.И. Добряков, М.Е. Блох, Н.А. Злакотина и другие).
5. Личностные трансформации женщин в рамках психотравмирующего опыта переживания перинатальных утрат (Е.А. Петражицкая, В.И. Добряков, Д. Пайнз).
6. Психологическое сопровождение женщин после травмы, перинатальной утраты, переживании ее последствий (Л.В. Грабаровская, Н.А. Злакотина, А. Ван Дер Харт и другие).

Для изучения специфических характеристик физического и психологического образа Я женщин, переживших перинатальную утрату, необходимо конкретизи-

зировать суть данного состояния. Под перинатальным периодом мы будем понимать «околородовой» период, который начинается с «22 полных недель внутриутробной жизни плода и заканчивается спустя 7 полных суток после рождения. Перинатальный период включает в себя время до родов – антенатальный, во время родов – интранатальный и после родов – постнатальный периоды». [5, с.8] Перинатальная утрата (потеря) - это случай, приводящий к гибели плода, смерти новорожденного: невынашивание, гибель плода, смерть новорожденного 9 до 28 суток). [10, с.168]

Изучив ключевые характеристики теоретического конструкта «перинатальная утрата», представленные в трудах: И.В. Добрякова, Е.А. Петражицкой, И.В. Султановой [3,8,10], мы выявили основные закономерности данного состояния:

1. Наличие психотравмирующего опыта, связанного с гибелью плода, либо новорожденного.
2. Наличие специфических обстоятельств (как социокультурных, так и психологических), усугубляющих процесс горевания;
3. Тенденции к саморазрушающему поведению у женщин, потерявших ребенка.
4. Наличие в структуре перинатальной утраты как физиологического, так и символического компонента.
5. Особенности эмоционального восприятия женщин, связанные с наличием чувства вины и стыда, самообвинения.
6. Говоря о перинатальной утрате как психической травме, следует отметить ее влияние на изменения в структуре идентичности женщины, в частности на искажение образа ее физического Я. По мнению многих исследователей психоаналитического направления (Х. Дойч, Д. Пайнз и др.) беременность сама по себе является кризисным периодом, сопровождающимся сильными эмоциональными переживаниями и началом индивидуализации женщины. Одной из целей такого кризиса является становление женской идентичности, а задачами в плане «достраивания» образа физического Я: принятие и осознание функций женских органов, подкрепления чувства собственного достоинства, повышение самооценки за счет доказанной фертильности и т.д. Все эти задачи имеют непосредственное влияние на формирование «телесного образа Я» женщины в системе ее Я-концепции в целом. В этот период, по Д. Пайнз во внутриспсихическом пространстве оживают конфликты предыдущих стадий психосексуального развития, и женщина вынуждена решать их внутренне и внешне новым путем. Могут актуализироваться регрессивные тенденции, связанные с травматичным опытом ранних объектных отношений. В частности, противоречивые чувства

к матери, невозможность идентификации с материнским образом, вина и негативные чувства к собственному Я – все это может проецироваться на созревающий плод. И тогда, «незавершенная беременность и отказ от рождения живого ребенка» [7, с.492] могут стать исходом проекции негативных, отвергающих чувств на плод и бессознательным способом разрешения внутриличностного конфликта.

Таким образом, по мнению ряда психоаналитиков одной из причин перинатальных утрат может стать бессознательное использование женщиной своего тела, в том числе в период беременности с целью разрешения внутренних тревог, актуализации «изгоняющих движений матки» для избавления от плохих аспектов собственного Я (бессознательная фантазия о плоде – как плохой части себя). При этом физический образ Я женщины страдает: опыт телесности в период беременности и родов, имеющий целью инициацию в новое Я, приносит боль, отчаяние и непринятие. Таким образом, становится заблокированным открытие женственности через перцепцию ранее недоступных ощущений, принятия функций матки, отказа от маскулинности. Говоря о специфике физического образа Я, следует отметить, что, чем хуже физическое самочувствие после утраты, тем сложнее женщине принимать себя и свое тело. Таким образом, наблюдается снижение самопринятия, женщина не хочет принимать себя такой, какая она есть, считает себя «ненормальной», не способной к вынашиванию плода и т.д.

Учитывая состояние женщины в периоде беременности как кризисном этапе - перинатальную потерю можно рассматривать как «кризис в кризисе, усугубляющий процесс совладания и провоцирующий повторное переживание горя со временем». [8, с.83]

Рассмотрим общее представление о специфике психоэмоционального состояния женщин, переживших перинатальную проблему. Прежде всего, ряд отечественных и зарубежных исследований подтверждают наличие высокого уровня посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у всех женщин изучаемой нами категории.

«ПТСР – психопатологические проявления, формирующиеся в результате воздействия тяжелого стресса, с характерными для них симптомами тревоги, депрессии, а также со злоупотреблением психоактивными веществами». [11,с.78] Психотерапевтическая энциклопедия конкретизирует три группы симптомов при ПТСР: «повторное переживание воспоминаний (реминисценции) в виде навязчивых воспоминаний, снов или кошмаров; симптомы избегания, «оцепененности»; симптомы гипервозбудимости». [9]

Большинство женщин испытывают депрессивные тенденции: сниженный фон настроения, понижение активности, апатию, средний уровень психологического благополучия. Женщины стремятся к высокой автономной позиции, при этом переживают изоляцию, избегая развития отношений с окружающими.

Следовательно, опыт перинатальной потери приводит к нарушению непрерывности жизненного пути, провоцирует появления чувства утраты контроля над своей жизнью и своим организмом, что несет за собой чувство беспомощности. Здесь следует упомянуть о том, что такая травматизация может рассматриваться как «синдром не-реализации», описанный в трудах О. Ван Дер Харта. [1]

При этом женщина испытывает некую травмирующую диссоциацию личности, ключевым аспектом которой является «неспособность к реализации, самоосуществлению, актуализацию множества способов не знать всей правды о пережитой травме». [1, с.189] «Синдром не-реализации» влияет на недостаточную жизнестойкость женщины в установлении новых взаимосвязей между внешним миром и чувством Я, понимание того, как ее эмоции и личные переживания будут отражаться на жизни. Используя такой синдром, женщины препятствуют изменению себя, исцелению своего тела, их дальнейшей адаптации и выздоровлению.

Все это влияет на психическое и физическое Я женщины, которые после пережитой утраты не способны принимать себя «во всей полноте женщины», открываться новому опыту в настоящем, чувствовать свою активность и личностную значимость.

Динамика реконструкции женской идентичности,

осознания своей полноценности как в телесном, так и в духовном измерении будет связана с преодолением «синдрома не-реализации», включающем последовательное осуществление двух процессов: 1) персонификации и 2) презентификации. [1, с.191]

Благодаря первому компоненту реализации личность женщины приобретает чувство личностной соотнесенности, включающее четкое осознание всех компонентов собственного опыта. Это способствует обретению чувства самого себя как активного субъекта, автора собственной жизни. Следует отметить, что по мнению О. Ван Дер Харта, у людей переживших травму, есть трудности в расширенной персонификации. Это значит, что диссоциированная часть личности с трудом находит реализацию. Когда расширенная персонификация достигается, тогда каждая часть личности женщины, в том числе травмированная субличность, «может в итоге сказать и о настоящем, и об истории личности в целом: «это мой опыт, мои чувства, мой опыт, мое тело, моя история». Без такой интеграции и полного осознания невозможно достичь реализации, а значит и полноценного функционирования, как в психологическом, так и в физическом контексте жизни.

Второй компонент - презентификация, под которой понимается «способность присутствовать в настоящем, создавая при этом связи между настоящим, прошлым и будущим, что позволяет быть максимально открытым переживанию реальности и совершать адаптивные действия, исходя из этого переживания». [1, с.192] Осуществляя описанную способность, женщина чувствует полную вовлеченность, участвует в создании текущего момента, повышает адаптивные возможности, демонстрируя рефлексивное и активное отношение к собственной внутренней реальности.

Таблица 1

Стадия проживания горя	Психологические и физические характеристики образа Я женщины
1.Шок и оцепенение (от нескольких часов до 9-14 дней)	Наблюдается отрицание потери, дезорганизация личности, заторможенность мышления и рассеянность внимания. Возможны: состояние истерики, реакции «замирания», плач, крик и т.д. Женщина ощущает себя как бы «вне тела». Сниженные физические ощущения и реакции. Слезливость.
2. Стадия поиска и тоски (от 2 недель до 2-3 месяцев)	Рационализация возможных действий в прошлом, которые могли бы не допустить утраты. Попытки изменить реальность перинатальной потери. Застывание в мыслях, использование замещающих действий. Синдром не-реализации. Повышенная агрессия (как ауто, так и гетероагрессия). В физическом плане: боль в груди, тошнота, нарушение пищевого поведения, проблемы с весом, ухудшение сна. Усиление враждебности к окружающим.
3. Стадия острого горя, депрессии	Потеря смысловых основ жизни, интереса к ней, погружение в себя, тоска, апатия. В физическом плане: сниженная двигательная активность, потеря веса, тахикардия, бессонница.
4.Стадия реорганизации и восстановления	Постепенная адаптация и возвращение к прежнему образу жизни. Восстановление адекватной самооценки, самоуважения и внимания к себе. Нормализация физического и соматического состояния.

Таким образом, психологические и физические характеристики образа Я женщины, которая испытала перинатальную утрату, связаны с «патологическим изменением поля и уровня сознания» со свойственной для этого состояния: недостаточной персонификацией личного опыта, деперсонализацией, выпадением из реальности, с тревожным, часто неподконтрольным и трудно прогнозируемым поведением.

Физический образ Я трансформируется за счет сильного физиологического стресса, следствием которого является «новая гормональная перестройка, меняется обмен веществ, биоэлектрическая активность головного мозга. Также, следует отметить, что психологические и физические характеристики образа Я женщины меняются в зависимости от стадии переживания горя (по И.В. Добрякову, Ф.Е. Василюку) [2, 3] (таблица 1).

Рассмотрев этапы горевания, отметим также, что «проживание горя не имеет определенного фиксированного окончания, стадии могут быть размыты, возвра-

щаться на прежний уровень». [2].

Как следует из анализа исследований, приведенных в статье, женщина, переживающая горе перинатальной утраты, реагирует буквально всем существом: физиологическими и соматическими проявлениями, поведенческими расстройствами, социально-психологическими реакциями и т.д. Динамика восстановления внутриспсихической реальности после перенесенной травмы будет зависеть от ряда факторов, в частности от таких, как:

1. Комплексная система внутренних ресурсов, в особенности способности к саморегуляции женщины. От возможности выразить свое горе, как внешне, так и внутренне.
2. Качество жизненного контекста, в том числе партнерских отношений. Наличия внешних ресурсов, психологической поддержки близких и специалистов;
3. Количество сопутствующих стрессогенных факторов, предыдущего опыта разрешения травмирующих ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван дер Харт О., Нейенхюс Э.Р.С., Стил К. Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2013. – 496 с.
2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1984 – 200 с.
3. Добряков, И.В., Блох М.Е., Фаерберг Л.М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. - 2015. - Т. 64. - №3. - С. 4-10.
4. Злакотина, Н.А. Психологическое сопровождение перинатальных потерь//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук . 2015.- № 2.- С. 142-146.
5. Кельмансон, И.А. Перинатология и перинатальная психология: учебн. пособие. – СПб: СпецЛит, 2018. – 415 с.
6. Маркман, Е.В. Перинатальная потеря: проблема переживания бесправного горя// Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. - 2020. - Т. 34. - № 2. - С. 68-75.
7. Пайнз, Д. Беременность и материнство // Психология и психоанализ беременности. Хрестоматия. - М.: Изд. Дом «Бахрах – М», 2003. - С. 492-545.
8. Петражицкая, Е.А. Будущее в субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери//Право. Экономика. Психология.- 2019. - № 3 (15). - С. 82-87.
9. Психотерапевтическая энциклопедия /Под общей редакцией Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 752 с.
10. Султанова, И.В. Психологические аспекты перинатальных утрат//Вестник современных исследований. 2019.- № 3.11 (30).- С. 168-173.
11. Фастовцов, Г.А., Соколова Е.А. ПТСР и коморбидные психические расстройства // Российский психиатрический журнал. 2012. №3.- С.77-79.
12. Boss, P. (2004). Ambiguous loss research, theory, and practice: Reflections after 9/11. Journal of Marriage and Family, 66(3), pp. 551-566. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00037.x>.
13. Doka, K.J. Disenfranchised grief. //K.J. Doka (Ed.), Disenfranchised grief: Recognizing hidden sorrow. Lexington, MA: Lexington Books, 1989. pp.3-11

© Маркман Елена Валерьевна (lev195197@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Маст Светлана Викторовна

Клинический психолог, аспирант, ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург
Svetlanamast@mail.ru

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF COPING STRATEGIES IN ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF PROPENSITY FOR ADDICTIVE BEHAVIOR

S. Mast

Summary: The article examines the psychological and pedagogical conditions for the development of effective coping strategies in adolescents with different levels of propensity for addictive behavior. Purpose of the study: to study the specifics of adolescent addictive behavior in order to substantiate a complex of preventive and correctional-developmental measures for the development of productive coping strategies. The structural and content characteristics of coping strategies of adolescents with high and low levels of propensity to addictive behavior are considered. The directions of development of productive coping strategies in the behavior of adolescents are concretized.

Keywords: adolescent, coping strategy, addictive behavior, psychological and pedagogical prevention, the level of propensity to addictive behavior.

Аннотация: В статье рассмотрены психолого-педагогические условия развития эффективных стратегий совладающего поведения у подростков с разным уровнем склонности к аддиктивному поведению. Цель исследования: изучить специфику аддиктивного поведения подростков для обоснования комплекса профилактических и коррекционно-развивающих мероприятий по выработке продуктивных копинг-стратегий. Рассмотрены структурно-содержательные характеристики копинг-стратегий подростков с высоким и низким уровнем склонности к аддиктивному поведению. Конкретизированы направления развития продуктивных копинг-стратегий в поведении подростков.

Ключевые слова: подросток, копинг-стратегия, аддиктивное поведение, психолого-педагогическая профилактика, уровень склонности к аддиктивному поведению.

В современный исторический период социальная среда предъявляет ряд требований к компетенциям и личностным ресурсам подрастающего поколения, выдвигая среди наиболее востребованных, такие как: стрессоустойчивость, способности самостоятельно справляться с проблемами, конструктивно решать конфликты и асертивно взаимодействовать в конфронтации с людьми. Все эти качества лежат в основе выбираемых форм совладающего поведения (копинг-стратегий). Их развитию способствует ряд факторов и средств социализации, в частности, влияние семьи, воспитание в образовательном учреждении, самовоспитание. В зависимости от психолого-педагогических условий, целенаправленного или стихийного характера развития личности, количества и специфики трудных, стрессогенных ситуаций у подростков формируются продуктивные или непродуктивные формы совладающего поведения. Актуальность развития продуктивных копинг-стратегий возрастает в подростковом возрасте, т.к. он является периодом кризиса, отчуждения от взрослых, поиска автономии и новых форм взаимодействия. В это время высока вероятность аддиктивного поведения как некоего средства «ухода» от стрессов, конфликтов и удовлетворения определенных потребностей подростка.

Пытаясь уйти от контроля родителей, репрезентуя «чувство взрослости», но, не имея достаточных личностных ресурсов и социальных навыков решения проблем, подросток может выбирать неэффективные формы копинга: растерянность, избегание, агрессивность и т.д. Значимость проблемы развития продуктивных копинг-стратегий возрастает в ситуации с подростками, оставленными без попечения родителей и воспитывающихся в замещающих семьях. В связи с недостаточной степенью социализации у такой группы детей отсутствует «модель и опыт эффективного совладания с трудными жизненными ситуациями». [2]

Поэтому, мы считаем важным изучение специфики копинг-стратегий у подростков из кровных семей в сравнении с подростками из замещающих семей (с разным уровнем склонности к аддиктивному поведению). Данное исследование позволяет выявить особенности совладающего поведения подростков в зависимости от условий социализации, выбираемые ими копинг-стратегии и степень их эффективности. Такие фактические данные помогут конкретизировать направления профилактической и психолого-педагогической работы с группами подростков с разным уровнем склонности к

аддикции.

В качестве теоретико-методологической базы исследования мы рассмотрели научные труды отечественных и зарубежных психологов по проблеме развития копинг-стратегий в зависимости от уровня склонности к аддиктивному поведению личности. В частности, среди основных направлений исследований нами выделены следующие:

1. Исследование сущности копинг-ресурсов личности, обеспечивающие успешность поведения, совладающего со стрессом (В.А. Абабков, О.С.Ахмедова, Л.И.Вассерман, Р.Лазарус, С.А.Хазова, Б.Д. Карвасарский, Н.Ф. Михайлова и другие).
2. Исследование копинг-стратегий в рамках теории деятельности, представленную в трудах отечественных ученых (В.И. Абабков, Л.И. Анцыферова, А.В. Кибальник, Леонтьев Д.А.) и, объединяющей психологическую защиту и совладающее поведение в единый феномен защитно-совладающего поведения.
3. Исследование закономерностей развития аддиктивного поведения личности (А.Ю. Акопов, Е.В. Змановская, И.С. Кон и другие).

Для того чтобы определиться с направлениями развития продуктивных стратегий совладающего поведения подростков, рассмотрим сущностные характеристики данного теоретического конструкта. Понятие «копинг-стратегий» используется в контексте проблем, описывающих стили реагирования личности, ее защитные механизмы и способы решения трудностей. В данном случае «копинг - это совладание с возникшим стрессом, адаптивный способ поведения для гомеостаза».[7] Изначально совладающее поведение рассматривалось как психологический защитный механизм, позволяющий человеку избавиться от тревоги и разочарований. В таблице 1 представлены критерии разграничения понятий «копинг» и «защита», которые показывают их существенные различия.

Таблица 1.

Сопоставление понятий «защита» и «копинг»

Психологическая защита	Копинг
Бессознательность осуществления защит	Сознательность использования стратегии поведения
Искажение реальности	Ориентированность на реальность
Ориентация на себя	Ориентация и на себя, и на социальное окружение
Регулирование с помощью подавления и ухода	Регулирование с помощью рефлексии, непосредственных действий
Цель: снижение тревоги путем вытеснения тревожащей информации, маскировка недееспособности	Цель: активное преобразование эмоциональных состояний в соответствии с актуальной ситуацией.

Исходя из данных таблицы, копинг-стратегии, являясь сознательно регулируемым поведением, требуют от личности использования всех ресурсов: эмоциональных, поведенческих и когнитивных, обеспечивая более пластичный подход в адаптации. В рамках нашего исследования, ключевую роль в определении методологических основ, представляет концепция Р. Лазаруса. (R.S. Lazarus), в соответствии с которой под «копингом» понимается «стремление к разрешению проблем, которое проявляется, когда индивид находится в ситуациях угрозы либо успеха для него, при имеющихся условиях для активизации его адаптивных возможностей целью которых является, сохранение физиологического, индивидуального и социального благополучия». [9] Ученым была разработана трехфакторная модель копинг-механизмов, к которым ученый относит 3 компонента: копинг-ресурсы, копинг-стратегии и копинг-поведение. В нашем исследовании, в качестве основного мы будем рассматривать определение копинг-поведения, представленное в трудах С.А. Хазовой, «социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных), аффективных, поведенческих, помогающих человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации через осознанные стратегии действий» [8, С. 60]. Теоретические положения копинг-поведения учитываются нами в исследовании проблем аддиктивного поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и имеют важное значение для разработки личностных копинг-ресурсов. В ряде проведенных нами исследований (в период с 2015- по 2019 г.) [4, 5] мы рассмотрели взаимосвязь выбираемых копинг-стратегий подростков с уровнем их склонности к аддиктивному поведению. Для проведения эксперимента мы сформировали три группы подростков: 1) экспериментальная – выборка испытуемых, воспитывающихся в замещающих семьях и имеющих высокий уровень склонности к аддиктивному поведению; 2) 1 контрольная – подростки, воспитывающиеся в замещающих семьях с низким уровнем склонности к аддикции; 3) 2 контрольная группа – подростки, воспитывающиеся в кровных семьях с низким уровнем склонности к аддикции. На рисунке 1 приведены показатели копинг-стратегий для исследуемых групп подростков, полученные на констатирующем этапе эксперимента с помощью методики диагностики копинг-стратегий Э. Хайма.

Данные диаграммы показывают нам, что чем выше склонность к аддиктивному поведению, тем ниже уровень социальной адаптированности, стрессоустойчивости и выше вероятность выбора неэффективных форм совладающего поведения. Следовательно, в экспериментальной группе мы видим преобладание непродуктивных форм копинг-стратегий, наряду с относительно продуктивными. Самые высокие показатели склонности к продуктивным формам совладания выявлены у под-

Качественно-содержательный анализ копинг-стратегий

Группа	Когнитивные стратегии(%)			Эмоциональные стратегии (%)			Поведенческие стратегии(%)		
	+*	+/-	-	+	+/-	-	+	+/-	-
Экспериментальная	-	58,3%	41,7%	-	11,4	88,9	-	69,4	36,6
1 контрольная	20,6	41,2	38,2	32,4	11,8	55,9	14,7	64,7	20,6
2 контрольная	8,6	60	31,1	37,1	34,4	28,6	86,6	71,4	20

*В таблице приняты сокращения: «+» - продуктивные копинг-стратегии, «+/-» - относительно продуктивные; «-» - непродуктивные.

ростков, воспитывающихся в кровных семьях. Для выбора направлений психокоррекционного воздействия мы провели качественно-содержательный анализ копинг-стратегий по содержащимся в них когнитивных, поведенческих, эмоциональных составляющих. Данные приведены в таблице 2.

Качественный анализ позволил выявить, что в экспериментальной группе выбирают в качестве преобладающих: 1) когнитивных стратегий: непродуктивные – растерянность и смирение; 2) эмоциональных: непродуктивные -подавление эмоций и агрессивность; 3) поведенческих: непродуктивные и относительно продуктивные - компенсация, активное избегание. При этом «растерянность» преобладает в качестве основной поведенческой копинг-стратегии у большинства подростков, что подтверждает факт их недостаточной компетентности в разрешении проблем, незнании собственных возможностей и личностных ресурсов в ситуации совладания. «Подавление эмоций» как стратегия также доминирует в эмоциональных формах совладания со стрессом. Путем ухода в себя подросток пытается отключиться от требований реальности, что способствует развитию мотивации избегания неудачи, недостаточной открытости и обращенности в мир. Это подтверждают и доминирующие поведенческие копинг-реакции: «Активное избегание» и «Компенсация». Эти формы совладающего поведения также подкрепляют разные виды зависимости в жизни подростка, как способа отвлечься, избегая трудных ситуаций и стресса.

Мы можем сделать вывод о том, что в эмоциональном плане подростки со склонностью к аддиктивному поведению (экспериментальная группа) предпочитают использовать непродуктивные копинг-стратегии, связанные с подавлением эмоций, либо неконструктивной эмоциональной разрядкой. [3] Такие дети не имеют развитых навыков открытого взаимодействия, конструктивной активности и сотрудничества для саморегуляции и преодоления сложных ситуаций более «экологичным» способом для себя и окружающих. Для подростков с низким уровнем склонности к аддиктивному поведению (1 и 2 экспериментальные группы) характерны: более стабильное эмоциональное состояние, копинг-стратегии с

преобладанием относительно продуктивных и продуктивных.

Данные исследования подтверждают научное предположение о том, что развитие продуктивных копинг-стратегий будет благоприятно влиять и на коррекцию аддиктивных форм поведения у подростков. Выявленные содержательные характеристики эмоциональных, когнитивных и поведенческих копинг-стратегий позволяют сформулировать направления развития продуктивных форм совладающего поведения в подростковом возрасте:

1. Развитие личностных копинг-ресурсов: повышение самооценки, уровня эмпатии, навыков эмоциональной регуляции (в том числе снижение уровня тревожности), развитие мотивации достижения успеха, коммуникативных навыков.
2. Формирование эффективных поведенческих стратегий, направленных на сотрудничество; эмоциональных: оптимизма, управления эмоциями, кооперации; когнитивных: связанных с навыками проблемного анализа ситуаций в противовес к растерянности, смирению и игнорированию.

В рамках профилактической работы с подростками нами была разработана и апробирована программа «Новый путь», в содержание которой были заложены целевые ориентиры обозначенных выше направлений. К основным задачам программы относятся: развитие рефлексивной позиции подростка и навыков эффективной коммуникации; становление комплекса умений саморегуляции, навыков планирования и реализации целей; повышение осведомленности подростков и родителей о действии и последствиях аддикции. В качестве основных форм коррекционно-развивающей работы мы выбрали: тренинги с элементами арт-, драма-, и сказкотерапии, а также дискуссии, лектории и беседы. Кратко охарактеризуем направления реализации программы по содержательным блокам:

1. Мотивационный блок (6 занятий), цель которого – формирование эффективного взаимодействия на основе норм групповой работы, эффективных коммуникативных навыков.

2. Личностный блок (6 занятий), направленный на формирование рефлексивной позиции подростка на основе расширения представлений о собственном внутреннем мире, эмоциональных переживаниях человека, ценностных основах мотивации и т.д.
3. Коммуникативный блок (10 занятий), нацеленный на ознакомление с миром межличностной коммуникации и взаимодействия, ролью доверительных контактов; на понимание значения дружеских отношений на основе толерантности. В рамках одного из важнейших направлений работы, подростки знакомятся со способами асертивного поведения, преодоления проблемных ситуаций посредством данных стратегий.
4. Блок саморегуляции (6 занятий), целью которого является формирования навыков эффективного преодоления стресса, расширение представлений о способах эмоциональной регуляции и личностных качествах стрессоустойчивости.
5. Блок целеполагания и планирования (3 занятия), реализующий себя через сформированные компетенции постановки целей, планинга, а также понимания эффективных взаимоотношений в семье.

Помимо комплекса занятий в рамках пяти представленных выше блоков, мы реализовали ряд куль-

турно-досуговых и социально-значимых мероприятий, ориентированных на развитие продуктивных стратегий поведения подростков, осознание роли позитивного общения и получения опыта деятельности, приносящей удовольствие (как альтернативы аддиктивному поведению). Участие в акциях волонтерской деятельности, спортивных соревнованиях и мастер-классах способствовало расширению ресурсного потенциала подростков. Особое внимание в рамках реализации профилактических мероприятий мы уделили работе с родителями в замещающей семье. С целью повышения их педагогической компетентности в воспитании детей-сирот, мы разработали подпрограмму «Шаг навстречу». Задачами работы явилось развитие рефлексивной позиции родителей, расширение системы знаний о подростке со склонностью к аддикции, становление ресурсов семьи и создание в ней развивающей среды.

В заключение отметим, что профилактическая и психокоррекционная работа с подростками, воспитываемыми в замещающих семьях и склонных к аддикциям, должна быть сконцентрирована на становлении адаптивных, активных и конструктивных копинг-стратегий, а основными задачами должны стать: развитие личностно-средовых копинг-ресурсов, функциональных копинг-стратегий и адаптивного, функционального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементий, Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. – 2004. – № 3. – С. 20–25.
2. Дружинина, Ю.А. Особенности совладающего поведения в подростковом возрасте // ОНВ. 2012. №5 (112). – С.172-175.
3. Кибальник, А.В. Психолого-педагогические особенности младших подростков, склонных к аддиктивному поведению / А.В. Кибальник, И.В. Федосова // Казанский педагогический журнал. – 2019. – №2, С. 87-91.
4. Маст, С.В. Личностные копинг-ресурсы подростков, проживающих в замещающих и кровных семьях // Сибирский педагогический журнал / ФГБОУ ВО Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск, –2018. – №3. –С. 99-107.
5. Маст, С.В. Аддиктивное поведение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как особая форма девиации // Специальное образование: научно-методический журнал / ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Ин-т спец. образования. – Екатеринбург, 2017. – №4 (48). – С.117-128.
6. Самойлина, Т.Г., Михайлюк Е.Б. Психокоррекция и психопрофилактика девиаций с учетом особенностей защитно-совладающего поведения подростков // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. №4.
7. Симатова, О.Б. Теория копинг-поведения как основа первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков // Вестник ЗабГУ. 2009. №6. – С. 95-98.
8. Хазова, С.А. Когнитивные ресурсы совладающего поведения: эмпирические исследования. М-во образования и науки Российской Федерации, Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома: КГУ, 2010. – 149 с.
9. Lasarus R.S. The Concept of Coping / R.S. Lasarus, S. Folkman // Stress and Coping: an anthology. N.Y.: Columbia University Press. – 1991. – P. 189-206.

© Маст Светлана Викторовна (Svetlanamast@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ И ФАКТОРОВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ¹

EMPIRICAL STUDY OF COMPONENTS AND FACTORS OF RESILIENCE OF SEVASTOPOL RESIDENTS

S. Nalichaeva
A. Tkachenko
Z. Borisenko
B. Terentyev
E. Lukina

Summary: Resilience is an individual ability to manage in the context of cultural norms, environmental conditions and society with its resources and includes a number of components: self-efficacy, persistence, coping and adaptation, locus of control, spirituality, family and social relationship. Resilience promotes burnout and stress resistance. Purpose of the study: to analyze the factors of the resilience of the inhabitants of Sevastopol. The article describes the results indicating that the indicators of the components of resilience differ depending on age, type of culture, marital status, profession. The features of the manifestation of burnout in representatives of different age groups are described. Such manifestations as unconstructive coping and low assertiveness hinder the development of resilience, and a low level of resilience can be a predictor of the development of burnout symptoms. Resilience determines the resistance to burnout. It was obtained that the factor space of 8 factors, explaining 87% of the variance and describing the structure of resilience: «Internal and external activity of the subject», «Activity in achieving the goal, as an indicator of resilience - passivity, as a manifestation of burnout», «Aspiration help others, the strength of the soul is the experience of traumatic circumstances», «Competition, confidence, «Burnout as non-constructive coping», «Constructive prosocial coping – non-constructive coping associated with the economy of emotions», «The desire to do good», «Courage and the desire to understand others - selective emotional response». The experience of traumatic circumstances manifests itself with insufficiently developed components of resilience, and is a key symptom of burnout of subjects with a low resilience index.

Keywords: resilience, mentality, components of resilience, factors of resilience, culture.

Наличаева София Александровна

К.псх.н., доцент, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
espritsn@yandex.ru

Ткаченко Анастасия Александровна

психолог, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
anastasiyaderzhavina93@mail.ru

Борисенко Зинаида Викторовна

старший преподаватель, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
bzvpost@gmail.com

Терентьев Богдан Игоревич

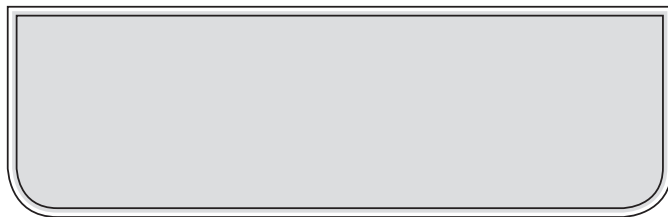
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
tbogdan@mail.ru

Лукина Екатерина Максимовна

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
lookinaketrin21@yandex.ru

Аннотация: Жизнеспособность является индивидуальной способностью к управлению своими ресурсами и включает в себя ряд компонентов: само-эффективность, настойчивость, совладание и адаптацию, локус контроля, духовность, семейные и социальные взаимоотношения. Жизнеспособность способствует резистентности к синдрому выгорания и стрессу. Цель исследования: проанализировать факторы жизнеспособности жителей Севастополя. В статье описаны результаты, указывающие на то, что показатели компонентов жизнеспособности различаются в зависимости от возраста, типа культуры, семейного положения, профессии. Описаны особенности проявления выгорания у представителей разных возрастных групп. Препятствуют развитию жизнеспособности такие проявления, как неконструктивный копинг и низкая асертивность, а низкий уровень жизнеспособности может быть предиктором развития симптомов выгорания. Жизнеспособность детерминирует устойчивость к выгоранию. Получено факторное пространство из 8 факторов, объясняющее 87 % дисперсии и описывающее структуру жизнеспособности: «Внутренняя и внешняя активность субъекта», «Активность в достижении цели, как показатель жизнеспособности – пассивность, как проявление выгорания», «Стремление помогать окружающим, сила души – переживание психотравмирующих обстоятельств», «Соревновательность, уверенность», «Выгорание, как неконструктивный копинг», «Конструктивный просоциальный копинг – неконструктивный копинг, связанный с экономией эмоций»; «Стремление делать добро», «Смелость и стремление понимать

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства города Севастополя. Проект «Ментальность как компонент жизнеспособности жителей Севастополя», № 20-413-920002 p_a

Введение

Актуальность проблемы определяется тем, что в современном мире, в условиях неопределенности, человек испытывает влияние стресс-факторов среды: физических, психологических, информационных, эпидемиологических. Анализ теоретических данных показал, что компоненты жизнеспособности рассмотрены в работах различных авторов (А.В. Махнач, Е.А. Рильская, А.А. Нестерова), проанализировано соотношение понятий жизнестойкости и жизнеспособности (показаны их различия) (А.В. Махнач, Л.Г. Дикая, А.И. Лактионова, Е.А. Рильская), рассмотрена связь жизнеспособности с совладанием и адаптацией (Л.Г. Дикая, И.А. Курапова), рассмотрены подходы к изучению ментальности в психологии (Г.В. Акопов, А.Ю. Горбенко, Е.В. Демина, Г.Ф. Иванова, Г.У. Солдатов, Е.В. Емельянова и др.), как компонента жизнеспособности и связи ментальности с жизнеспособностью (С.А. Хазова, Т.А. Нестик, А.В. Махнач). С опорой на исследования этих ученых в данной статье проанализированы компоненты и факторы жизнеспособности, описано факторное пространство показателей жизнеспособности, выгорания и ментальности. Полученные данные важны с практической точки зрения в аспекте формирования и развития жизнеспособности. Жизнеспособность является индивидуальной способностью к управлению в контексте культурных норм, условий среды и социума своими ресурсами [1], к компонентам жизнеспособности можно отнести ментальность и культуру человека (его созидательный, творческий потенциал) [2], [3], [4]. Основными факторами развития субъекта в процессе овладения созданным человечеством миром культуры являются активная предметно-практическая деятельность, общение и познание [5]. В данном исследовании компоненты жизнеспособности рассматриваются согласно авторской многокомпонентной модели жизнеспособности. В рамках данной модели одним из центральных компонентов жизнеспособности является ментальность, жизнеспособность базируется на индивидуальности, субъектности, личностном самоактуализационном потенциале (ЛСП). Индивидуальность включает в себя свойства на уровне организма, психические и социально-психологические свойства. Субъектность включает в себя активность, автономность, целостность. В состав ЛСП входят мотивы, ценности и смыслы. Культура, общество, личность и отношения влияют на жизнеспособность человека. Высокие

других – избирательное эмоциональное реагирование». Переживание психотравмирующих обстоятельств проявляется при недостаточно развитых компонентах жизнеспособности, и является ключевым симптомом выгорания испытуемых с низким показателем жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность, ментальность, компоненты жизнеспособности, факторы жизнеспособности, культура.

показатели жизнеспособности соотносятся с адаптацией, развитием и самоактуализацией, а низкие показатели жизнеспособности могут вести к стрессу, болезням и синдрому выгорания. А.В. Брушлинский развил представления о субъекте, закрепив за категорией субъекта системообразующую роль в психологической науке. Субъект – человек, люди на высшем (индивидуализированно для каждого) уровне активности, целостности (системности), автономности. Окружающий мир для субъекта не просто набор сигнальных раздражителей, а объект действия и познания, а другие люди представляются тоже как субъекты [6]. Любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности. В целом развитие субъектности характеризуется тенденцией выделения человеком себя из «фона» окружающей действительности, соотносимой с развивающейся способностью к рефлексии своей нерядоположенности с объектами среды, отражающей понимание собственной способности заявлять о себе и проявлять себя в этом мире. Уверенность в себе, самоконтроль, вера в свои силы, воля позволяют человеку сформировать активную жизненную позицию, при которой человек ощущает себя иницирующим началом. В профиле жизнеспособного человека ярко выражены такие качества, как выносливость, стабильная самооценка, альтруизм, самораскрытие, представление о себе как о личности, преодолевшей стресс. Семья выполняет важную функцию поддержки и защиты. Семья имеет в своей основе множество функций, отвечающих не только за моральное и эмоциональное состояние ее членов, но и за воспитание детей, сохранение и передачу культурных традиций, материальных благ. Индивидуально-динамические характеристики темперамента являются фактором развития семейного самоопределения юношей и девушек [7]. А.С. Миловановой получено, что юноши более склонны проявлять притязания на семейную жизнь, чем девушки, важными для них сферами реализации семейных отношений является социальная активность, эмоциональная поддержка, которую они также ожидают получать от своего партнера. Выявлено множество характеристик семейных отношений, способствующих преодолению неблагоприятных ситуаций: положительные методы воспитания, связь с родителями, низкий уровень конфликтности между родителями, родительский контроль, ясные модели семейного общения, последовательность в заботе и дисциплина, эмоциональная близость между членами семьи и умение под-

держивать отношения с родителями на протяжении всей жизни. Жизнеспособность является одним из важнейших ресурсов развития человека, условием социальной адаптации, саморегуляции, самоактуализации [8]. Кроме этого, составляющими жизнеспособности человека являются нравственность, духовность, ментальность и культура. Под ментальностью в данной работе понимается относительно устойчивая совокупность установок индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом. Жизнеспособность выступает как потенциал сохранения целостности человека [9]. Жизнеспособность связана с понятием индивидуальности человека [10].

Материалы и методы

Цель: проанализировать факторы жизнеспособности жителей Севастополя. В исследовании использованы психодиагностические тестовые методики, направленные на диагностику жизнеспособности, проявлений дезадаптации (синдрома выгорания): Тест жизнеспособности человека (А.В. Махнач, 2016); Диагностика эмоционального выгорания личности (В.В. Бойко, 2002); Тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд, Л.Г. Почебут, 2004); Опросник для создания индивидуального культурного профиля (Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, А.В. Макачук, 2009).

Изучение ментальности в психологии предполагает использование комплекса методов и методик в рамках номотетического и идеографического подхода. Исключительно номотетический подход предполагает установление закономерности в формировании и проявлении ментальности у групп людей, количественный анализ ее показателей, тогда как охватить спектр индивидуальных различий в проявлении ментальности при помощи тестового метода не представляется возможным. Разработать психодиагностический тест для оценки ментальности крайне сложно, так как он задает определенную схему в описании ментальности, основанную на субъективном понимании автора. В связи с этим, использование качественного анализа при исследовании индивидуальных особенностей ментальности человека является более информативным. Реализовать идеографический подход при диагностике и описании ментальности возможно, используя метод анкетирования. Для диагностики ментальности была разработана анкета, позволяющая описать особенности ментальности, как сложного психологического феномена с заявленных теоретических позиций. В авторскую анкету вошли вопросы о социально-демографических характеристиках, особенностях отношения к своему городу, жителям города и себе, особенностях межличностного восприятия, ценностях, смысле, отношении ко времени и деятельности, своему прошлому, настоящему и будущему. Полученные данные обработаны с использованием методов матема-

тической статистики с применением анализа средних значений, частот и факторного анализа. Всего в исследовании приняло участи 320 человек (126 мужчин и 194 женщины, в возрасте от 18 до 61 года).

Результаты

В результате исследования получено, что в профиле жизнеспособности жителей Севастополя преобладают настойчивость и семейные взаимосвязи, наименее характерны – духовность и вера, что может говорить о том, что им свойственны желание и способность к борьбе за баланс, вопреки неблагоприятным воздействиям, упорство и поиск социальной поддержки в кругу семьи и друзей. Респонденты не склонны обращаться к «высшей силе» в трудных жизненных обстоятельствах, полученные данные соотносятся с достаточно высокими уровнями внутреннего локуса контроля. Высокие показатели локуса контроля говорят о способности испытуемых нести ответственность за свои действия, осознавать свою активность и ответственность за события жизни, свое состояние, отношения, и результаты своей деятельности, видеть и осознавать причинно-следственные связи, не рассчитывая на внешние или высшие силы в решение жизненных задач.

Исследование, проведенное при помощи авторской анкеты, позволило описать некоторые особенности ментальности жителей Севастополя. По мнению респондентов, севастопольцев характеризует неторопливость, общительность, равнодушие, спокойствие, размеренность, оптимизм, отзывчивость, патриотизм, воспитанность, активность, гордость, легкость, доброжелательность, воспитанность, уважение друг к другу. В молодом возрасте наиболее выражены качества: стремление к достижению успеха, в возрасте от 23 до 35 лет наименее выражены такие качества, как умение ограничивать себя, замкнутость, настойчивость, предприимчивость. Для испытуемых в возрасте от 36 до 49 лет наиболее характерны общительность, оптимизм, уверенность в себе, добросовестность, умение сочувствовать, сострадать, потребность делать добро, трудолюбие. В наиболее старшей подгруппе выборки испытуемыми получены высокие оценки таких качеств, как: порядочность, готовность прийти на помощь, добросовестность, доброжелательность, целеустремленность, стремление быть с родными, осуществление смысла жизни. Не выявлено различий у мужчин и женщин в оценивании качеств.

Возрастные особенности жизнеспособности

В результате диагностики компонентов жизнеспособности у испытуемых разных возрастных групп получено, что наиболее выражены у всех испытуемых такие компоненты, как самоэффективность, настойчивость, локус контроля, совладание и адаптация, семейные взаимоотно-

ношения. Наименьшие показатели компонентов жизнеспособности получены в группе молодежи (от 18 до 22 лет). Более выражены компоненты жизнеспособности в старшей группе (от 50 до 61 года). Наиболее выражены компоненты жизнеспособности у испытуемых в возрасте от 23 до 35 лет и в возрасте от 36 до 49 лет. Не выявлено различий в компонентах жизнеспособности между подгруппами от 23 до 35 лет и в возрасте от 36 до 49 лет. Выявлены статистически значимые различия между младшей подгруппой и остальными подгруппами во всех компонентах жизнеспособности ($p < 0,01$). В профиле жизнеспособности в группе испытуемых в возрасте от 18 до 22 лет преобладают самоэффективность, совладание и адаптация, а менее выражены настойчивость, локус контроля, семейные взаимоотношения, наименее выражен компонент духовности. Полученные данные подтверждаются установленной корреляционной связью между возрастным и жизнеспособностью ($r = 0,4$, при $p < 0,01$), то есть чем старше респонденты, тем выше у них показатель жизнеспособность, по результатам данной выборки.

Профессия и жизнеспособность

В исследовании приняли участие представители разных профессий: преподаватели вуза, учителя, психологи, инженеры, предприниматели, экономисты, программисты, юристы, военнослужащие, врачи, художники, участвовали в исследовании студенты и безработные. Профессиональная деятельность является важной для развития личности человека, личное и профессиональное самоопределение связаны между собой. Профессия обогащает личность и формирует у человека много положительных качеств, однако могут развиваться и негативные явления под влиянием профессии, такие как профессиональные деструкции и деформации, в том числе и синдром выгорания. Анализ показателей компонентов жизнеспособности у представителей разных профессий показал, что у преподавателей вуза, врачей, художников наиболее выражены показатели жизнеспособности, у всех профессиональных групп наиболее выражены семейные взаимоотношения и самоэффективность, локус контроля, наименее выражена у всех профессиональных групп духовность и вера.

Семейное положение и жизнеспособность

Анализ средних значений компонентов жизнеспособности у представителей подгрупп, выделенных по семейному положению, показал, что наибольшие показатели по всем компонентам жизнеспособности выявлены у подгруппы «женат/замужем», показатели компонентов жизнеспособности значимо ниже у подгруппы «не женат/не замужем», самые низкие показатели по компонентам жизнеспособности выявлены у молодежи, живущей с родителями. Семейное положение является

значимой детерминантой психологического состояния человека, так было показано в данном исследовании, что семейное положение связано с уровнем выгорания, у семейных испытуемых уровень тревожного напряжения ниже, чем у тех, кто живет отдельно от родителей и не имеет своей семьи или пары.

Пол и жизнеспособность

У мужчин и женщин в целом, все показатели жизнеспособности представлены на одном уровне, кроме показателя духовности. Не выявлено различий в проявлении компонентов жизнеспособности у женщин и мужчин. Интересно, что переменная пола не выступила дифференцирующей, но по симптомам и фазам выгорания, ни по компонентам жизнеспособности.

Время проживания в Севастополе

Анализировались средние показатели компонентов жизнеспособности в подгруппах, выделенных по времени проживания в Севастополе: от 1 до 5 лет; от 6 до 10 лет; от 11 до 15 лет; от 16 до 20 лет; более 21 года.

Между подгруппами не выявлено различий по компонентам жизнеспособности кроме показателей подгруппы проживающих в Севастополе более 21 года, показатели данной подгруппы несколько выше показателей других подгрупп.

Культурный профиль и жизнеспособность

На основе диагностики при помощи теста культурно-ценностных ориентаций получено пять подгрупп испытуемых:

1 подгруппа – традиционная культура (ТК): характеризуется ориентацией на прошлое, традиции, интерес к истории, зависимостью от социального окружения, семейных связей, родственных ролевых отношений, религиозных ориентаций;

2 подгруппа – современная культура (СК): характеризуется ориентацией людей на настоящее, на современные события, ценности этой культуры сосредоточены на человеке, его правах, призвании;

3 подгруппа – традиционная и современная культуры (ТК-СК): сочетание ориентаций традиционной и современной культуры;

4 подгруппа – динамически развивающаяся культура (ДРК): характеризуется ориентацией людей на будущее, на достижение быстрых значительных результатов, люди строят краткосрочные планы и стараются реализовать их как можно более энергично, признается значимость

индивидуальных интересов и ценностей;

5 подгруппа – современная культура и динамически развивающаяся культура (СК-ДРК) сочетает в себе ориентации современной и динамически-развивающейся культуры.

Получено, что самооффективность наиболее выражена у подгруппы с традиционной культурой, современной культурой, наименьший показатель самооффективности выявлен у подгруппы с динамически-развивающейся культурой. По показателю настойчивости нет различий между подгруппами, кроме подгруппы с динамически-развивающейся культурой, у которой показатель настойчивости ниже, чем в других подгруппах. По показателям локуса-контроля и семейных взаимоотношений не выявлено различий.

Показатель совладания и адаптации наиболее выражен у подгруппы с традиционной культурой, а показатель духовности у подгруппы с динамически-развивающейся культурой.

Результаты факторного анализа показателей жизнеспособности, представленные в литературе, продемонстрировали сложность и многомерность феномена жизнеспособности. После Varimax-вращения Е.А. Рыльской было выделено 5 базовых факторов, которые охватывают 61,48 % совокупной дисперсии, что свидетельствует об их достаточной, хотя и сравнительно невысокой информативности. Ни у одного из факторов не был выражен отрицательный полюс, что заметно затруднило интерпретацию. Относительно невысокими оказались и факторные нагрузки [11]. Согласно полученным автором данным, в структуре жизнеспособности выделены следующие факторы: «осознанное жизнелюбие», «самоактуализационный», «адаптация», «реализующий жизненную программу», «коммуникабельность».

В отличие от результатов, полученных Е.А. Рыльской, выделено, в результате факторизации показателей ментальности, жизнеспособности, синдрома выгорания, пространство из 8 факторов, объясняющее 87 % дисперсии.

В первый фактор «Внутренняя и внешняя активность субъекта» (21% дисперсии) вошли: духовность (0,60), осуществление смысла в жизни (стремление к пониманию смысла) (0,82), религиозность (0,59), вера (0,81), привычка жить сегодняшним днем (-0,55), азарт (-0,53), разграничение личного и профессионального (0,91), деловитость (-0,85), замкнутость (0,88), настойчивость (-0,90), предприимчивость (0,78), смелость (0,91), коммуникативный стиль (- 0,73), отношения между партнерами (- 0,73). На одном полюсе фактора расположились духовные качества человека, замкнутость, а на противо-

положном – активные проявления, деловитость, смелость, настойчивость, то есть человек может черпать ресурсы жизнеспособности из своего духовного мира или в большей степени за счет коммуникаций, смелости, предприимчивости и настойчивости. С одной стороны, обращение к своим внутренним ресурсам и их актуализация представляет важный фактор жизнеспособности, а с другой стороны, смелость с реализации своего потенциала также играет важную роль в формировании жизнеспособности. При анализе компонентов жизнеспособности стоит учитывать эти особенности (биполярный фактор, определяющий внутреннюю и внешнюю активность человека в жизни и деятельности при реализации планов и достижении поставленных целей).

Во второй фактор «Активность в достижении цели, как показатель жизнеспособности – пассивность, как проявление выгорания» (18% дисперсии) вошли: самооффективность (0,71), настойчивость (0,57), локус контроля (0,47), добросовестность (0,51), скромность (-0,56), потребность в чуде (0,89), жажда приключений (0,79), любовь к праздникам (0,82), стремление к достижению успеха (0,66), решительность (0,56), трудолюбие (0,53), «загнанность в клетку» (-0,80), тревога и депрессия (-0,75), фаза «Тревожное напряжение» (-0,82), эмоциональная отстраненность (-0,55), дистанция власти (0,78), отношение к коллективу (0,77), избегание неопределенности (0,62), ориентация во времени (0,52). Данный фактор отражает противоположность выгорания и жизнеспособности, так на одном полюсе фактора расположились самооффективность, проявления ассертивности и стремление к достижению успеха, а на противоположном полюсе – проявления синдрома выгорания. Важным компонентом жизнеспособности является активность в достижении цели (что соотносится с настойчивостью), так активность, направленная на достижение цели, обычно подкрепляется позитивными эмоциями и пиковыми переживаниями в результате достижения значимой цели. При интерпретации данного фактора интересным является, то, что выгорание является противоположным активности явлением, что соотносится с представлением К. Маслач о биполярном факторе выгорания, где на одном полюсе – выгорание, а на другом – вовлеченность.

В третий фактор «Стремление помогать окружающим, сила души – переживание психотравмирующих обстоятельств» (13 % дисперсии) вошли готовность прийти на помощь (0,56), порядочность (0,87), доброжелательность (0,70), любовь к переменам (0,56), переживание психотравмирующих обстоятельств (-0,66). В данном факторе выделились два полюса: на одном полюсе – стремление помогать, как проявление силы души и жизнеспособности, а на противоположном – симптом выгорания, отражающий упадок сил, тяжелые переживания и проявление дезадаптации. Стремление помогать, про-

явление доброты, эмпатичности, наивысших душевных качеств – значимый фактор жизнеспособности. Симптом выгорания, связанный с переживанием психотравмирующих обстоятельств, отражает тревожность и недоверие к миру, рассмотрение широкого спектра ситуаций и раздражителей, как угрожающих и ведущих к стрессу, пугающих, подкрепляющих недоверие.

В четвертый фактор «Соревновательность, уверенность в себе» (9% дисперсии) вошли уверенность в себе (0,62), стремление рисковать (0,66), надежда на удачу (0,66), соревновательность (0,65). В пятый фактор «Выгорание, как неконструктивный копинг» (8% дисперсии) вошли: эмоционально-нравственная дезориентация (-0,74), редукция профессиональных обязанностей (-0,89), фаза «Резистенция» (-0,93), личностная отстраненность (деперсонализация) (-0,56), психосоматические и психовегетативные нарушения (-0,69), фаза «Истощение» (-0,84). Данный фактор отражает неконструктивный копинг и проявление дезадаптации: снижение ответственности, профессиональная стагнация, отношение к другому человеку, как к объекту, а не субъекту, наделенному индивидуальностью, изменения в эмоциональной сфере, ухудшение здоровья и психического состояния.

В шестой фактор «Конструктивный просоциальный копинг – неконструктивный копинг, связанный с экономией эмоций» (7% дисперсии) вошли: совладание и адаптация (0,60), семейные и социальные взаимоотношения (0,54), оптимизм (0,83), общительность (0,56), целеустремленность (0,71), стремление быть с родными людьми (0,84), неудовлетворенность собой (-0,48), расширение сферы экономии эмоций (-0,64), эмоциональный дефицит (-0,56). Интересным представляется то, что выделены два фактора, отражающие конструктивный и неконструктивный копинг.

В седьмой фактор «Стремление делать добро» (5% дисперсии) вошли: умение сочувствовать, сострадать (0,57), потребность делать добро (0,44). В структуре жизнеспособности выделяется стремление делать добро, как проявление жизнеспособности.

В восьмой фактор «Смелость и стремление понимать других – избирательное эмоциональное реагирование» (4% дисперсии) вошли: достижения блага для окружающих (0,65), стремление понимать других (0,54), смелость (0,62), неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (-0,61). Выделился фактор, отражающий на одном полюсе смелость и стремление понимать других, активность в социальных контактах, просоциальные тенденции, а на другом – избирательное эмоциональное реагирование (эмоциональная скованность, эмоциональное реагирование на все меньший спектр ситуаций и взаимодействий). Таким образом, препятствуют развитию жизнеспособности такие проявления, как некон-

структивный копинг и низкая асертивность, а низкий уровень жизнеспособности может быть предиктором развития симптомов выгорания, например, переживания психотравмирующих обстоятельств и расширения сферы экономии эмоций.

Для человека, обладающего развитой жизнеспособностью, характерны развитые внутренние ресурсы, духовные качества и активные проявления, связанные с их реализацией, активность, субъектность, стремление к цели и ее достижение, доброта, стремление помогать, смелость в установлении контактов, отзывчивость, доброжелательность, умение отстоять себя, свои взгляды, умение побеждать, уверенность в себе, оптимизм, стремление к семейным и социальным контактам, поиск социальной поддержки, умение сочувствовать, стремление понимать других, их чувства и эмоции.

Для человека с низкой жизнеспособностью характерны следующие особенности: проявления синдрома выгорания, стресса, неконструктивный копинг, связанный с экономией эмоций и изменениями в эмоциональной и коммуникативной сферах личности, избегание, обесценивание окружающих, своей профессиональной деятельности, пассивность, переживание психотравмирующих обстоятельств, психосоматические и психовегетативные проявления, безразличие к людям, отсутствие стремления делать добро и понимать других.

Выводы

Показатели компонентов жизнеспособности различаются в зависимости от возраста, типа культуры, семейного положения, профессии. Получено, факторное пространство, описывающее структуру жизнеспособности: «Внутренняя и внешняя активность субъекта», «Активность в достижении цели, как показатель жизнеспособности – пассивность, как проявление выгорания», «Стремление помогать окружающим, сила души – переживание психотравмирующих обстоятельств», «Соревновательность, уверенность», «Выгорание, как неконструктивный копинг», «Конструктивный просоциальный копинг – неконструктивный копинг, связанный с экономией эмоций»; «Стремление делать добро», «Смелость и стремление понимать других – избирательное эмоциональное реагирование». Высокий уровень жизнеспособности и личностного самоактуализационного потенциала способствуют резистентности к выгоранию. Ментальность является основополагающим компонентом жизнеспособности. Жизнеспособность человека соотносится с его самоактуализационным потенциалом, в который входят ценности, смыслы и мотивы. Личностный самоактуализационный потенциал выступает основой резистентности к выгоранию и способствует жизнеспособности, определяя ценностное отношение к жизни и профессии, к окружающим, к общению и познанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махнач А.В. Исследование жизнеспособности человека: основные подходы и модели // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 46–70.
2. Наличаева С.А., Борисенко З.В., Лукина Е.М., Терентьев Б.И., Ткаченко А.А. Анализ компонентов жизнеспособности у молодежи города Севастополя // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 2020. – № 17. – С. 87–94
3. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: «Институт психологии РАН», 2016. – С.135–204.
4. Lazarus R.S., Folkman S. The concept of coping // *Stress and Coping: An anthology* / A. Monat, R.S. Lazarus (Eds). New York: Columbia University Press, 1991. – P. 189–206.
5. Сайко Э.В. Субъект действия в реализации «сознательного существования бытия» и формировании исторического содержания социальной эволюции / Э.В. Сайко // *Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты*. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – С. 8.
6. Брушлинский А.В. О критериях субъекта. Психология индивидуального и группового субъекта / А.В. Брушлинский. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 368 с.
7. Наличаева С.А., Ткаченко А.А., Милованова А.С. Стиль семейного воспитания как фактор развития личности // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 2018. – №11. – С. 63–70.
8. Рильская Е.А. Жизнеспособность как потенциал целостности человека и его бытия: интегративный подход // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 111–128.
9. Акопов Г.В., Давыдкина Л.В., Семенова Т.В. Ментальность как групповое сознание: учебное пособие по курсу «Психология ментальности»: для магистратуры по психологическим направлениям. – Самара: ПГСГА, 2015. – 76 с.
10. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.
11. Рильская Е.А. Психология жизнеспособности человека: Автореф. дис. ...докт. психол. наук. – Ярославль, 2014. 446 с.

© Наличаева София Александровна (espritsn@yandex.ru), Ткаченко Анастасия Александровна (anastasiyaderzhavina93@mail.ru), Борисенко Зинаида Викторовна (bzvpost@gmail.com), Терентьев Богдан Игоревич (tbogdan@mail.ru), Лукина Екатерина Максимовна (lookinaketrin21@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе

СВЯЗЬ КОНКОРДАНТНЫХ ЦЕЛЕЙ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

THE RELATIONSHIP BETWEEN CONCORDANT GOALS AND SUBJECTIVE WELL-BEING IN EARLY ADULTHOOD

**E. Potapova
K. Kalinovskaya
A. Moiseenko
V. Kembel**

Summary: The article presents the results of a study that analyzes the relationship of concordant goals (corresponding to the deep self), and the achievement of which is accompanied by an increase in psychological well-being and other positive effects. The study was conducted among respondents in the period of early adulthood, one of the main tasks of which is to rethink the life path and expand the life perspective, based on the implementation of their own life plan. The practical significance of this research consists in a combination of coaching and psychological support with an in-depth study of personal needs for the most satisfactory life planning.

Keywords: concordance of goals, subjective well-being, causal orientation, early adulthood.

Потапова Екатерина Вадимовна

*К.псих.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
Красноярск
potapova.catia2011@yandex.ru*

Калиновская Ксения Сергеевна

*К.псих.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
Красноярск
kartashovaks@mail.ru*

Моисеенко Анна Николаевна

*профессиональный коуч, Международный Эриксоновский
университет коучинга по стандартам Международной
Федерации коучинга (ICF)
partaveitsister@gmail.com*

Кембель Вера Радионовна

*К.псих.н., доцент, Красноярский Государственный
Медицинский Университет
vera_kembel@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, в котором анализируется связь конкордантных целей (соответствующими глубинному Я), и достижение которых сопровождается ростом психологического благополучия и другими позитивными эффектами. Исследование проводилось среди респондентов, в период ранней взрослости, одной из основных задач которого является переосмысление жизненного пути и расширение жизненной перспективы, на основе реализации собственного жизненного замысла. Практическая значимость данного исследования, состоит в сочетании коучингового и психологического сопровождения с углубленным исследованием личностных потребностей для наиболее удовлетворительного жизненного планирования.

Ключевые слова: конкордантность целей, субъективное благополучие, каузальная ориентация, ранняя взрослость.

В современном мире становятся очень популярными практики краткосрочного консультирования, направленные на планирование и достижение целей (например, практики коучинга). В ряде современных исследований показано влияние целей, которые ставит перед собой человек, на уровень субъективного благополучия. Работа с заявленными клиентом целями может строиться на основе четкой структуры – например, формулировка цели по SMART или использование методики GROW [6]. Однако перекокс в сторону формального планирования без учета мотивационной направленности и личностных потребностей ведет к саботажу реализации цели, фрустрации и росту неудовлетворенности, а также способствует снижению доверия к консультативным практикам в принципе.

Отечественная психологическая наука и зарубежные исследователи сходятся в видении целеполагания

как личностно детерминированного процесса. Современная теория, поставившая во главу угла способность автономного осуществления выбора целей, была разработана американскими психологами Эдвардом Деси и Ричардом Райаном [10; 11; 12]. Теория самодетерминации (Self-Determination Theory — SDT) признана и популярна на Западе как современный подход к мотивации и регуляции действия. В отечественной науке развивается интерес к данной теории как к основе исследований связи личностной автономии и благополучия [1; 3; 7].

В контексте данного подхода самодетерминация, или автономия, рассматривается как ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов.

В СДТ виды целей различаются с точки зрения источников их порождения:

1. Цели внутренней мотивации. Не обязательно приносят удовольствие.
2. Цели, заданные извне. Могут быть интернализированы.

К повышению субъективного благополучия приводит достижение внутренних целей, достижение заданных извне целей, даже очень успешное, лишь в малой степени отражается на ощущении счастья и благополучия.

Самой молодой теорией из данного кластера является теория содержания целей (Goal Contents Theory, GCT). К. Шелдоном была разработана модель конкордантности целей, которая обосновывается им, исходя из положений о трех базовых психологических потребностях. Как показал Шелдон, мера осознанности личной цели играет критическую роль в процессе ее постановки, способствуя выбору наиболее благоприятной для человека цели. Коонкордатные цели исходят из «ядра» личности, они связаны с базовой мотивацией, их достижение сопровождается ростом психологического благополучия и другими позитивными эффектами; это естественный механизм развития личности[9].

В данном исследовании мы работали с респондентами возрастом от 20 до 40 лет, что, согласно классификации американского психолога Г. Крайга, относится к периоду ранней взрослости. Данный возрастной период включает в себя кризис 30 лет или кризис эмансипации, проявляющийся в виде ощущения монотонности, заданности, предопределенности, также кризис может быть связан с переосмыслением жизненного пути. Выход из кризиса – в расширении жизненной перспективы, в переоценке ценностей, в серьезном изменении протекания психических процессов и межличностных коммуникаций. Успешное прохождение данного возрастного периода влияет на уровень субъективного благополучия [5].

По мнению Шамионова Р.М., психологическое благополучие - это отношение человека к себе, к своей жизни, к жизненным процессам, значимым для человека с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде, которое определяется чувством удовлетворенности [8].

Каузальная ориентация - тип мотивационной подсистемы в сочетании с соответствующими когнитивными, аффективными и другими психологическими характеристиками [4]. Существует три типа каузальных ориентаций – внутренний, внешний и безличный. Каждый из трех типов присутствует в системе мотивации человека, но лишь один из них преобладает и является ведущим.

Автономный тип определяет ориентацию на внутреннюю мотивационную подсистему, или «самодетерминацию». Базовые потребности находятся на высоком уровне осознанности и всегда учитываются. Характерна высокая гибкость поведения и особая чувствительность к переменам в среде. Отмечается способность преобразовывать автоматические действия в автономно регулируемые.

Эмпирическое исследование влияния конкордантных целей на уровень субъективного благополучия проводилось в Красноярске в период 2020-2021 годов. Была сформирована группа респондентов из числа обратившихся к психологу с запросом на работу с целеполаганием. Количество респондентов - 12 человек, в возрасте от 25 до 37 лет.

Объект исследования: конкордантные цели, субъективное благополучие.

Предмет исследования: связь конкордантных целей и субъективного благополучия

Нами была выдвинута гипотеза о том, что при работе с целями, направленной на осознание конкордантных целей, повышается уровень субъективного благополучия и внутренней каузальной ориентации, а уровень внешней и безличной каузальной ориентации будут снижаться.

Анализ и интерпретация полученных данных исследования

На первом этапе была проведена первичная диагностика респондентов по методикам в качестве отправной точки для сравнения. Были получены следующие результаты. По опроснику Индекс жизненной удовлетворенности выявлены средние показатели (табл. 1):

Таблица 1.

Результаты опросника «Индекс жизненной удовлетворенности»

Наименование шкалы	Средний показатель
Индекс жизненной удовлетворенности	28,2
Интерес к жизни	6
Последовательность в достижении целей	5,9
Согласованность целей	4,6
Положительная оценка себя	6
Общий фон настроения	5,5

На первом этапе диагностика с помощью русскоязычного опросника каузальных ориентаций показала, что у всех респондентов преобладающей является внутренняя каузальная ориентация, при этом соотношение с другими видами каузальной ориентации различается.

Согласно теории самоидентификации, у каждого человека присутствуют все три вида каузальной ориентации, но тип преобладающей мотивации будет определять индивидуальную мотивационную подсистему. Средний показатель внутренней каузальной ориентации составил 146, внешней - 88, безличной – 83.

Показатели субъективного благополучия на первом этапе исследования выражены в следующих средних значениях (табл. 2):

Таблица 2.

Показатели субъективного благополучия на первом этапе

Наименование шкалы	Среднее
Психологическое благополучие	348
Позитивные отношения	51
Автономия	57
Управление средой	53
Личностный рост	68
Цель в жизни	60
Самопринятие	57
Баланс аффекта	111
Осмысленность жизни	95
Человек как открытая система	63

Полученные данные послужили отправной точкой для дальнейшей работы и оценки эффективности той работы с целями, которая была проведена с респондентами на этапах 2 и 3.

Этап 2. Проведение психологического сопровождения с использованием методики формулирования целей (SMART) и методики коучинговых вопросов Д. Клаттербэка.

Была организована групповая встреча с участниками исследования на тему формулировки цели. Встреча состояла из следующих этапов:

1. Лекционная часть. Знакомство с методикой формулировки цели SMART. Расшифровка и комментариев к каждому параметру формулировки. Цель должна быть сформулирована по следующим параметрам: конкретная, измеримая, достижимая, актуальная, с четкими сроками.
2. Самостоятельная работа участников встречи по формулировке собственной цели с использованием методики SMART.
3. Обсуждение с участниками выполненной методики. Ответы на вопросы, комментарии. Сопровождение участников при помощи методики коучинговых вопросов Д. Клаттербэка.
4. Повторная диагностика.

Результаты повторной диагностики выявили повышение по следующим показателям. В таблице собраны шкалы, по которым произошло повышение и процент участников, у которых это повышение произошло (табл. 3):

Таблица 3.

Результаты диагностики на втором этапе

Показатель	%
Индекс жизненной удовлетворенности	50
Последовательность в достижении целей	50
Субъективное благополучие	83
Управление средой	75
Осмысленность жизни	83
Внутренняя каузальная ориентация	75
Внешняя каузальная ориентация	58

Из данной таблицы видно, что после проведения методики формулирования цели SMART у наибольшего количества участников исследования увеличились показатели по шкалам «позитивные отношения», «управление средой», «осмысленность жизни» и «психологическое благополучие». Также отмечено повышение по показателю «индекс жизненной удовлетворенности». Эти результаты не подтверждают наше первоначальное предположение о том, что работа с целями по формальным показателям не даст значимого повышения субъективного благополучия. Можно предположить, что структурирование и формулировка цели помогает конкретизировать цель, увидеть ее более ясно – это подтверждают и комментарии участниц исследования: «*появилось больше конкретики*», «*расписала цель на более мелкие шаги*», «*прояснилось понимание, чего именно я хочу достичь*».

Оценивая по десятибалльной шкале пользу от выполнения данной методики, 33% респондентов поставили 10 из 10, средняя оценка пользы от выполнения данной методики – 7 баллов из 10.

После проведения методики формулирования целей SMART участники отметили следующие эмоциональные состояния: интерес, уверенность, «силу», «что все могу». При этом некоторые участники отметили возникшее сопротивление и нежелание отвечать на некоторые вопросы по методике, которые показались «неудобными». Также несколько участников отметили, что упустили некоторые элементы методики – например, в блоке о ресурсах учли только временные ресурсы и не учли свои физические и психологические ресурсы для достижения цели.

Важно, что вырос показатель внешней каузальной ориентации. Можем предположить, что это связано с

четко заданными извне параметрами по формулированию цели.

В следующей гистограмме можем видеть рост среднего показателя по шкалам индекса жизненной удовлетворенности относительно первого этапа исследования (рис. 1):

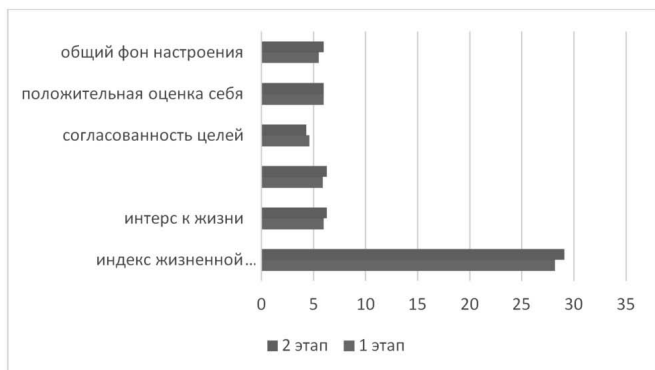

Рис. 1. Индекс жизненной удовлетворенности

По методике Шкала субъективного благополучия произошли следующие изменения средних показателей (рис. 2):

Рис. 2. Шкала психологического благополучия

Методика Русскоязычный опросник каузальных ориентаций показала следующие изменения в каузальных ориентациях участников исследования после проведения методики формулировки цели SMART (рис. 3):

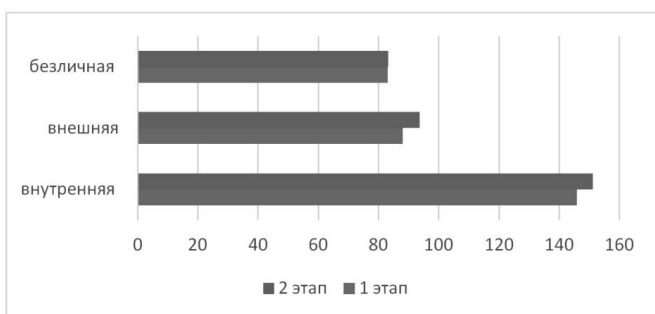

Рис. 3. Каузальные ориентации

Таким образом, по итогам проведения второго этапа эмпирического исследования можем сделать следующие выводы. Работа с целями с применением методики SMART, дополненная коучинговыми вопросами, позволила повысить показатели удовлетворенности и субъективного благополучия у респондентов.

Этап 3. Проведение методики М.Казанцева «Жизненный сценарий на линии времени» для осознания конкордантных целей.

На третьем этапе была организована групповая встреча с участниками исследования на тему работы с целями. Встреча состояла из следующих этапов:

1. Лекционная часть. Знакомство с методикой «Жизненный сценарий на линии времени».
2. Самостоятельная работа участников встречи по методике «Жизненный сценарий на линии времени».
3. Обсуждение с участниками выполненной методики. Ответы на вопросы, комментарии. Сопровождение участников при помощи методики коучинговых вопросов Д. Клаттербэка.
4. Повторная диагностика.

После проведения с респондентами методики М. Казанцева «Жизненный сценарий на линии времени» произошло повышение по следующим показателям (табл. 4):

Таблица 4. Результаты диагностики на третьем этапе

Показатель	%
Индекс жизненной удовлетворенности	66
Субъективное благополучие	83
Цель в жизни	66
Управление средой	80
Осмысленность жизни	66
Внутренняя каузальная ориентация	58

После работы по методике «Жизненный сценарий на линии времени» у наибольшего количества участников исследования увеличились показатели по шкалам «управление средой», «цель в жизни», «баланс аффекта», «осмысленность жизни», «человек как открытая система» и «психологическое благополучие». И понижение по шкалам внешней и безличной каузальной ориентации.

Оценивая по десятибалльной шкале пользу от выполнения данной методики, 50% респондентов поставили 10 из 10, средняя оценка пользы от выполнения данной методики – 8 баллов из 10.

Значимым показателем эффективности данной работы также можно считать то, что 90% респондентов нача-

ли осуществлять действия по движению к своей цели на момент итогового анкетирования.

В следующей гистограмме можем видеть рост среднего показателя по шкалам индекса жизненной удовлетворенности относительно первого этапа и второго этапов исследования (рис. 4):

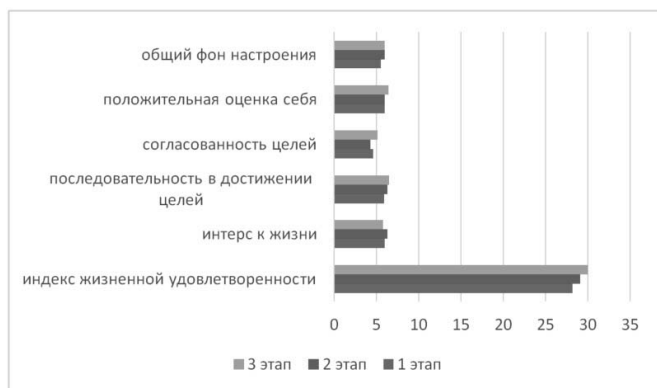

Рис. 4. Индекс жизненной удовлетворенности 2

В представленной выше гистограмме видно, что общий показатель Индекса жизненной удовлетворенности вырос и после второго, и после третьего этапа работы. Таким же образом выросли показатели по отдельным шкалам: положительная оценка себя, согласованность целей и последовательность в достижении целей. Можем предположить, что рост данных показателей связан с осуществленным спровождением в работе с целями, которое было направлено на осознание собственных конкордантных целей.

По методике Шкала субъективного благополучия произошли следующие изменения средних показателей (рис. 5):

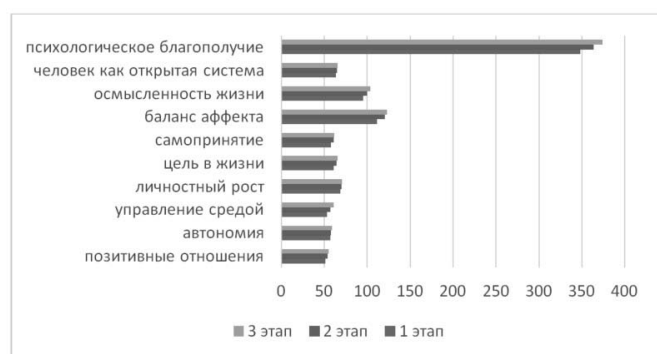

Рис. 5. Шкала субъективного благополучия 2

В представленной выше гистограмме видно, что общий показатель Субъективного благополучия вырос и после второго, и после третьего этапа работы. Таким же образом выросли показатели по всем остальным шкалам, в наибольшей мере рост произошел по шкалам: цель в жизни, управление средой, осмысленность жизни.

Можем предположить, что рост данных показателей связан с осуществленным спровождением в работе с целями, которое было направлено на осознание собственных конкордантных целей.

Методика «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» показала следующие изменения в каузальных ориентациях участников исследования после проведения методики формулировки цели SMART (рис. 6):

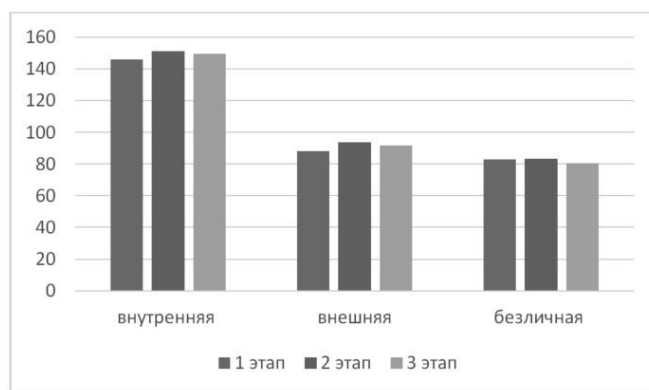

Рис. 6. Каузальные ориентации 2

Показатели внутренней каузальной ориентации выросли, а внешней и безличной стали меньше, как мы и предполагали. Можем предположить, что рост данных показателей связан с осуществленным спровождением в работе с целями, которое было направлено на осознание собственных конкордантных целей.

Данные результаты были статистически подтверждены с использованием критерия χ^2 Пирсона. Наше предположение можно считать достоверным: различия между полученными показателями субъективного благополучия и теоретическим распределением статистически значимы.

Выводы

Предположения, выдвинутые в начале исследования, частично подтвердились. Так, подтвердилась гипотеза о том, что при работе с целями, направленной на осознание конкордантных целей, повышается уровень субъективного благополучия и внутренней каузальной ориентации, а уровень внешней и безличной каузальной ориентации будут снижаться. Полученные данные были обработаны и доказана их статистическая достоверность.

Целью нашего исследования было выявить влияние конкордантных целей на уровень субъективного благополучия.

На основании полученных статистически достоверных данных можно сделать вывод, что работа с целями,

направленная на осознание конкордантных целей, повышает уровень субъективного благополучия и жизнен-

ной удовлетворенности, а также уровень внутренней каузальной ориентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. Москва: Смысл, 2006. 336 с.
2. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12> (дата обращения: 05.08.2021)
3. Дергачева О.Е. Теория самодетерминации // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2003. С. 483 – 484.
4. Дергачева О.Е., Дорфман Л.Е., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. №3. С. 91 – 106.
5. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. Москва: Питер. 2012. 939 с.
6. Костенкова О.М. Коучинг, его зарождение, развитие и внедрение // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2018/02/85953> (дата обращения: 06.08.2021)
7. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. С. 15-25.
8. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1602-shamionov60.html> (дата обращения: 06.08.2021)
9. Шелдон К. Введение в теорию самодетерминации и новые подходы к мотивации роста // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 7-11.
10. Deci E.L. Intrinsic motivation. New York, NY: Plenum, 1975. 324 p.
11. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality. Journal of Research in Personality, 1985. № 19(2). P. 109–134.
12. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. Psychological Inquiry, 2000. № 11(4). P. 227–268.
13. Kasser, T., & Ryan, R.M. Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals. Personality and Social Psychology Bulletin, 1996. № 22(3). P. 280–287. URL: <https://doi.org/10.1177/0146167296223006> (дата обращения: 04.08.2021)

© Потапова Екатерина Вадимовна (potapova.catia2011@yandex.ru), Калиновская Ксения Сергеевна (kartashovaks@mail.ru), Моисеенко Анна Николаевна (partaveitsister@gmail.com), Кембель Вера Радионовна (vera_kembel@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский федеральный университет

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

CHANGES IN THE COMMUNICATIVE TOLERANCE OF PSYCHOLOGY STUDENTS DURING THE PERIOD OF STUDY AT THE UNIVERSITY

**E. Stoyanova
Yu. Zhivaeva
T. Kazakova
V. Kembel**

Summary: The article presents the results of a study of the communicative tolerance of psychology students at different stages of study at a university during the transition from course to course. Communicative tolerance is considered as a key characteristic of the professional competence of a psychologist. As a result, no dynamic indicators of communicative tolerance were found during the transition from course to course. Minor changes in communicative tolerance were recorded from the first to the fourth year.

Keywords: communicative tolerance, training, psychologists, professionally important qualities.

Стоянова Екатерина Иннокентьевна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
Katya-chernova@yandex.ru

Живаева Юлия Валерьяновна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
yul-zhivaeva@yandex.ru

Казакова Татьяна Вячеславовна

Д.м.н., профессор, ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
kazak-tv@mail.ru

Кембель Вера Радионовна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
vera.kembel@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования коммуникативной толерантности студентов психологов на разных этапах обучения в вузе при переходе от курса к курсу. Коммуникативная толерантность рассматривается как ключевая характеристика профессиональной компетентности психолога. В результате при переходе от курса к курсу динамических показателей коммуникативной толерантности не обнаружено. Зафиксированы незначительные изменения в коммуникативной толерантности от первого к четвертому курсу.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, обучение, психологи, профессионально важные качества.

Введение

В настоящее время проблема изучения профессионально важных качеств психологов актуальна, так как государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования предъявляет достаточно высокие квалификационные требования к выпускнику вуза по специальности «Клиническая психология».

В теории вопроса, несмотря на различные подходы к решению проблемы развития профессионально важных качеств в процессе обучения психологов, существует ряд нерешенных проблем, наиболее актуальной из них является отсутствие четкой системы критериев отбора профессионально важных качеств психолога. Потребность в наличии четкой определенной классификации профессионально важных качеств очевидна как для соз-

дания стройной и непротиворечивой концепции, так и построения модели консультирования по развитию профессионально важных качеств.

Отсутствие в научной литературе единого (полного) перечня профессионально важных качеств, вероятно, можно объяснить трудностями, связанными с разграничением личностных и профессионально важных качеств будущего психолога.

Следует также отметить, что профессионально важные качества являются основными качествами в профессиональной деятельности: их наличие и развитие определяют успешность или неуспешность педагога-психолога в дальнейшей работе.

Не менее важной является и проблема прикладного характера: в современной практике вузовской под-

готовки педагогов-психологов не уделяется должного внимания формированию и развитию профессионально важных качеств (в частности, эмпатии, эмоциональной устойчивости, толерантности) у студентов специальности «Клиническая психология» как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Этим и продиктована актуальность нашего исследования.

Формулировка цели и задач. Цель исследования – определить изменения коммуникативной толерантности студентов специальности «Клиническая психология»

Гипотеза: мы предполагаем, что могут существовать различия в коммуникативной толерантности у студентов 1, 2, 3, 4, 5 курсов специальности «Клиническая психология».

Практическая значимость исследования заключается в определении уровня развития профессионально важных качеств у студентов специальности «Педагогика и психология», а также в разработке модели социально-психологического тренинга по развитию профессионально важных качеств (эмпатии, эмоциональной устойчивости, толерантности) и в возможности ее применения в профессиональной деятельности педагога-психолога.

База исследования: ФГБОУ ВО КрасГМУ им проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого 1, 2, 3, 4, 5 курсы специальности «Клиническая психология».

В отечественной и зарубежной психологии существует множество подходов к исследованию личности, но в последние годы возрос интерес к прикладному аспекту этого психологического направления - исследованию профессиональных и личностных качеств психологов (Г.С. Абрамова, Н.А. Аминов, Р.В. Овчарова, Н.И. Обозов, М.В. Молоканов, В.Ю. Моховиков и др.) [1, с. 240]. Во многих исследовательских работах отмечается определенная зависимость между личностными качествами психолога и эффективностью в профессиональной деятельности (М.В. Молоканов, И.Г. Сизова, Е.В. Юдина и др.) [3, с.145]. Более подробно мы рассмотрим концепции профессионально важных качеств Е.А. Климова, Р. Кочюнаса, а также клиент-центрированный подход К. Роджерса [7, с.31].

С точки зрения клиентов, личные качества психолога выходят на первый план по отношению к профессиональным. И, соответственно, отсутствие участия, открытости, способности внушать доверие могут в большей степени оказать негативное влияние на процесс взаимо-

действия между клиентом и психологом [6, с.140].

Существует множество точек зрения относительно понятия толерантность. В культурологии под толерантностью понимается терпимость, снисходительность к чужим мнениям, верованиям, поведению, обычаям, культуре, чувствам, идеям, один из основных демократических принципов [9, с.544].

В педагогике это одно из важнейших качеств педагога. В основе толерантности лежит способность учителя адекватно оценивать реальную ситуацию, с одной стороны, и возможность предвидеть выход из ситуации, с другой стороны. Формирование толерантности – одна из важнейших задач профессионального воспитания учителя.

В психологии одним из определений термина можно считать следующее: «Толерантность (от латинского «tolerantia» - терпение) - отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию [5, с.388].

Однако в психологических исследованиях последних лет авторы уточняют, структурируют понятие толерантности.

Л. И. Иванова определяет толерантность как личностное свойство, которое показывает отношение человека к другим людям (например, положительное или отрицательное) [4, с.55].

Толерантность приводит к повышению устойчивости («терпимости») к некоторому неблагоприятному фактору. Социально-психологическое понимание толерантности предполагает терпимость к различным мнениям, непредубежденность в оценке людей и событий. В одном случае социально-психологическая терпимость может быть обусловлена низкой социально-психологической чувствительностью личности («черствый», «холодный»). По существу, именно в таком варианте терпимость определяется толерантностью и связана с повышением порога социально-психологической чувствительности партнеров к различным воздействиям. Другой путь обеспечения социально-психологической терпимости личности - это специфика ее установок («Все люди могут ошибаться», «Чем больше точек зрения, тем лучше», «Каждый имеет право на свое мнение»). В данном случае проявление терпимости связано с формированием соответствующих установок личности.

Таким образом, в структуре общего феномена терпимости можно выделить два вида: 1) сенсуальная терпимость личности и 2) диспозиционная терпимость личности [8, с.149].

Сенсуальная терпимость связана с устойчивостью личности к воздействиям среды, с ослаблением реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор за счет снижения чувствительности.

Таким образом, сенсуальная терпимость связана с классической толерантностью, с повышением порога чувствительности к различным условиям среды, в том числе воздействиям субъектов межличностного взаимодействия. Образно говоря, сенсуальная терпимость есть терпимость-черствость, терпимость-стена.

В основе диспозиционной терпимости лежит принципиально иной механизм, обеспечивающий терпимость личности при взаимодействиях со средой. В данном случае речь идет о предрасположенности, готовности личности к определенной (в данном случае - терпимой) реакции на среду. За диспозиционной терпимостью стоят определенные установки личности, совокупность её отношений к действительности: к другим людям, к их поведению, к себе, к воздействию других людей на себя, к жизни вообще. Примерами установок, обеспечивающими диспозиционную терпимость личности, являются такие, как: «Все люди когда-нибудь ошибаются», «Чем больше точек зрения, тем лучше», «Агрессия и раздражительность очень часто провоцируются ситуацией, а не является внутренней сущностью человека». Образно говоря, диспозиционная терпимость есть терпимость-позиция, терпимость-установка, терпимость-мироощущение.

Вышеописанные феномены раскрывают явления терпимости как бы «изнутри личности». Также можно выделить три фактора, обуславливающих терпимость: социогенетический, микросредовой (психогенетический) и биогенетический.

Для осуществления эффективной деятельности психолога наиболее актуальной является коммуникативная толерантность. Под коммуникативной толерантностью понимается уважительное, безоценочное принятие информации, исходящей от клиента к психологу.

Современным психологом В.В. Бойко [2] дано подробное описание подструктур личности, обуславливающих коммуникативную толерантность, среди которых можно назвать следующие:

1. Интеллектуальная – передает парадигму (образец, тип, стиль) мыслительной деятельности конкретного человека, т. е. принципы его понимания действительности, привычные для него стереотипы осмысления проблем, идей, принятия решений.
2. Ценностно-ориентационная – вбирает в себя основные мировоззренческие идеалы конкретного человека, его жизненные ближайшие и отдален-

ные цели, интересы, оценки происходящего.

3. Этическая – выражает нравственные нормы, которых придерживается человек. При этом проявляется та или иная степень включения совести в его мысли, оценки и действия: сказывается ориентация на добро и зло, справедливость или несправедливость, склонность руководствоваться чувством долга или привычка вести себя безответственно.
4. Эстетическая – охватывает область предпочтений, вкусов и чувств, особенности восприятия человеком красивого и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического.
5. Эмоциональная – демонстрирует преобладающий спектр, в котором чаще всего пребывает данный человек: радость или печаль, оптимизм или пессимизм, возбужденность или спокойствие, подъем или подавленность, беззаботность или тревожность, миролюбие или агрессивность.
6. Сенсорная (чувственная) – включает особенности чувственного восприятия мира на уровне зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, кожного и двигательного ощущений.
7. Энерго-динамическая – отражает энергетические свойства человека – качество и силу его энергетического поля. Качество излучаемой и распространяемой индивидом энергии зависит, как отмечалось, от ее знака – положительного, нейтрального или отрицательного.
8. Алгоритмическая – данная подструктура личности объединяет очень разные личностные качества, у которых тем не менее есть нечто общее – однообразие воспроизводимости.
9. Характерологическая – сосредотачивает устойчивые, типобразующие черты личности, которые врожденны или приобретены под влиянием окружения в результате воспитания, примеров, подражания.
10. Функциональная – закрепляет различные системы жизнеобеспечения и поддержания комфорта личности – это прежде всего потребности, и возникающие на их основе предпочтения и желания.

Таким образом, толерантность даёт возможность приспособиться к неблагоприятным факторам, то есть носит адаптивный характер. Например, толерантность к тревоге, толерантность к чужой вере.

Понятие толерантности определяется также границами: человеку безразлично происходящее, пока оно не касается его самого. Таким образом, при толерантности снижен порог чувствительности личности как эмоциональное нереагирование на события, т.е. толерантность выступает как пассивная форма реагирования. Расширение сознания от сдержанности-выдержанности до принятия «другого», «иного», чем «я», делает мировос-

приятие более многомерным, энергоемким, целостным, а значит, более адекватным реальности.

В исследовании приняли участие студенты 1, 2, 3, 4, 5 курсов медико-психолого-фармацевтического факультета, специальность «Клиническая психология». Выборку составили 59 человек в возрасте от 17 до 23 лет.

Исследование проходило в 5 этапов: Подбор психодиагностических методов и методик; Сбор данных; Обработка данных: первичная обработка данных заключалась в составлении сводных таблиц эмпирического исследования. Вторичная обработка данных включала в себя их количественный и качественный анализ, определение уровня развития эмпатии, эмоциональной устойчивости, толерантности у студентов 1, 2, 3, 4, 5, курсов с помощью критерия Крускала-Уоллиса (H). Интерпретация результатов исследования. Формулировка выводов.

В процессе эмпирического исследования были использованы следующие психодиагностические методики: «Коммуникативная толерантность».

Целью методики «Коммуникативная толерантность» является выявление уровня толерантности у испытуемых.

Испытуемым выдается бланк, на котором предложены 9 ситуаций, в которых проявляются их особенности поведения. К данным ситуациям предлагается 5 вариантов суждений, с каждым из которых нужно либо согласиться, не высказать точного отношения, либо полностью не согласиться.

Целью критерия Крускала-Уоллиса является оценка различий одновременно между тремя, четырьмя и т.д. выборками по уровню какого-либо признака. Полученные результаты при применении критерия были подсчитаны с помощью формулы:

$$H = \left[\frac{12}{N(N+1)} \cdot \sum \frac{T_j^2}{n} \right] - 3(N+1)$$

где N –общее количество испытуемых в объединенной выборке;

n-количество испытуемых в каждой группе;

T-сумма рангов по каждой группе;

С помощью описанных выше методик на данном этапе исследования нами были получены эмпирические данные, анализ и интерпретация которых содержится в следующем параграфе.

По методике «Коммуникативная толерантность»

(были получены данные, которые отражены в табл.1).

Таблица 1.

Результаты исследования коммуникативной толерантности студентов (в %)

Курс	Уровни коммуникативной толерантности		
	Высокий	Средний	Низкий
1	50	44	6
2	28	72	-
3	60	30	10
4	75	25	-
5	36	64	-

Как видно из табл. 1, из общего количества студентов первого курса высокий уровень коммуникативной толерантности наблюдается у 50 % студентов, средний уровень – у 44 % студентов, низкий уровень коммуникативной толерантности – у 6% студентов. Это можно объяснить тем, что на первом курсе студенты находятся на стадии адаптации к новой социальной ситуации и новой социальной роли. Поэтому еще не знают, как вести себя в данной ситуации, и, возможно, поэтому коммуникативно терпимы и сдержаны. Возможно, у них существует определенный образ психолога, которому нужно соответствовать. Данные результаты говорят о достаточно благоприятной ситуации, так как это качество находится на достаточно высоком уровне развития.

На втором курсе у 28 % студентов наблюдается высокий уровень коммуникативной толерантности, у 72 % студентов - средний уровень, низкого уровня коммуникативной толерантности выявлено не было. Результаты говорят о том, что на втором курсе они уже более коммуникативно раскрепощены. Данный этап является накопительным этапом знаний, т.е. они еще у них только еще формируется определенная модель поведения психолога.

На третьем курсе у 60 % студентов зафиксирован высокий уровень коммуникативной толерантности, у 30 % студентов – средний уровень и у 10 % студентов наблюдается низкий уровень коммуникативной толерантности.

На четвертом курсе высокий уровень коммуникативной толерантности наблюдается у 75 % студентов, у 25 % - средний уровень, низкого уровня коммуникативной толерантности выявлено не было.

На четвертом и пятом курсах низкого уровня коммуникативной толерантности выявлено не было. В то же время результаты исследования пятого курса говорят о снижении высокого уровня коммуникативной толерантности (36%) в сторону среднего уровня (64%). Вероятно, у части студентов уменьшается желание изменить себя в соответствии с какими-то идеальными представлениями.

ми, этот факт подтверждается в психологических исследованиях ПВК студентов-психологов [22, с.10].

Таким образом, результаты на всех курсах свидетельствуют о преобладании высокого уровня коммуникативной толерантности студентов специальности «Педагогика и психология». Это говорит о том, что они могут достаточно легко строить взаимоотношения с другими людьми, входить с ними в контакт и взаимодействовать. В целом изменения в показателях по уровню коммуникативной толерантности находятся в неустойчивом состоянии при переходе от курса к курсу, хотя и имеет место преобладание высокого уровня данного качества у студентов.

Результаты проведенного исследования, в ходе которого был применен критерий (H), показали, что коммуникативная толерантность ($H_{\text{эмп}} = 1,98$ при $H_{\text{кр}} = 9,488^{**}$, $n_1=16$, $n_2=18$, $n_3=10$, $n_4=4$, $n_5=11$) при переходе от курса к курсу не изменяется.

Таким образом, различий в показателях по проведенному исследованию с применением критерия Крускала-Уоллиса (H) не было обнаружено. Это свидетельствует о том, что при переходе от курса к курсу у студентов специальности «Педагогика и психология» исследуемые качества не изменяются.

Выводы

Не обнаруживается изменений коммуникативной то-

лерантности и эмоциональной устойчивости, что может говорить еще о недостаточной личностной зрелости студентов, но также, возможно, у некоторых студентов идет формирование этих качеств, в результате чего очень трудно проследить их развитие. Опираясь на результаты психологических исследований, можно сделать вывод о том, что студенты становятся более консервативными и ригидными, с сомнением относятся к новым идеям, противятся переменам. Следовательно, необходимо развивать в них коммуникативную толерантность. Вероятно, наиболее целесообразным является включение в теорию и практику профессиональной подготовки психологов систематических мероприятий по развитию базовых профессионально важных качеств. Теория и практика в своей совокупности, по-видимому, дадут возможность построить модель идеального психолога с присущими ему профессиональными знаниями, умениями и навыками и возможностью эффективно пользоваться ими в своей работе.

Проведенное исследование по выявлению аспектов развития профессионально важных качеств показало: по результатам методики «Коммуникативная толерантность» наблюдается достаточно высокий уровень коммуникативной толерантности у студентов 1-4 курсов специальности «Клиническая психология» и снижении данного показателя у студентов 5 курса.

Отсутствие изменения толерантности у студентов всех курсов специальности «Клиническая психология».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. - Екатеринбург: Деловая книга, 1998. - 368 с.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. - М., 1996.
3. Ежова Н.Н. Рабочая книга практического психолога. - Ростов н/Д.: Феникс, 2004. - 320 с.
4. Иванова Н.Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов. // *Вопр. психол.* – 2004. – № 6 - С.54-60.
5. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь /Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 512 с.
6. Кованов А.Ю. Личное и профессиональное Я в практике психосоциального консультирования. // *Мир психологии.* – 2002 - №2 - С.135-142.
7. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования – СПб.: Питер, 2000. - 464 с.
8. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб.: Питер, 1999. - 416 с.
9. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. - Ростов н/Д.: Феникс, 1997. - 640 с.

© Стоянова Екатерина Иннокентьевна (katya-chernova@yandex.ru), Живаева Юлия Валерьяновна (yul-zhivaeva@yandex.ru), Казакова Татьяна Вячеславовна (kazak-tv@mail.ru), Кембель Вера Радионовна (vera.kembel@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕНИЯ В СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОМ РАЗДЕЛЕНИИ БЫТИЙСТВЕННОСТИ И ЕЕ АКТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТРУДОВ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФЛОРЕНСКОГО И КАРЛА ЯСПЕРСА)

Багаева Ольга Николаевна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»
olga_bagaeva1@yahoo.com*

THE CONCEPT OF COMMUNICATION IN THE SUBJECT-OBJECT DIVISION OF BEINGNESS AND ITS RELEVANCE IN MODERN COMMUNICATIVE REALITY (BASED ON THE WORKS OF PAVEL ALEXANDROVICH FLORENSKY AND KARL JASPERS)

O. Bagaeva

Summary: The subject of this research is the process of communication, communication in a situation of dividing beingness into an object and a subject in the context of a transforming communicative reality. The object of the work is the reflections of Karl Jaspers and P.A. Florensky on the problem of communicative studies in a social and humanistic orientation, in a strong belief in the spiritual development of each person. In the writings of thinkers, the theme of loneliness and phenomena that can overcome it arise. The antagonism of loneliness and friendship, loneliness and love, loneliness and deep communication sometimes plays a significant role in the reflections of Jaspers and P.A. Florensky, perhaps because the problem of interaction between man and the world, the subject and the outside world is one of the cornerstones of modernity.

Object: The aim of this analysis of the philosophical views of Karl Jaspers and P.A. Florensky is to study the views of thinkers about the essence of communication, its importance in the context of modern communicative transformation. It seems relevant, it is necessary to understand the meaning of the teachings of K. Jaspers and P.A. Florensky about communication in the present period, when there is an urgent need for the formation of new methods of communication.

Methods: The methods of this research are the historical-philosophical approach, presented by the methods of analysis in the form of comparison, comparison, generalization of research data and drawing conclusions. Also methods of reconstruction, concrete historical, hermeneutic and comparative methods were used.

Findings: Reflections of Karl Jaspers and P.A. Florensky about communication are of value not only for a philosophical analysis of the spiritual state of a person, especially those who are experiencing an essential crisis, but also for the real formation of those forms of communication in social interaction that are characteristic of individuals, remain faithful to their distinctive cultural and essential heritage in alienated, technocratic and consumer times.

Conclusions: The main conclusion of the study is the statement of Karl

Аннотация: Предметом данного исследования является процесс общения, коммуникации в ситуации разделения бытийственности на объекта и субъекта в условиях трансформирующейся коммуникативной реальности. В качестве объекта работы выступает размышления Карла Ясперса и П.А. Флоренского над проблемой коммуникативистики в социальной и гуманистической ориентации, в крепкой вере в духовное развитие каждого человека. В трудах мыслителей возникает тема одиночества и явлений, которые могут преодолеть его. Антагонизм одиночества и дружбы, одиночества и любви, одиночества и глубокого общения подчас занимает весомую роль в размышлениях Ясперса и П.А. Флоренского, может быть, потому что, проблема взаимодействия человека и мира, субъекта и внешнего мира является одной из краеугольных тем современности.

Цель (Object): Целью данного анализа философских взглядов Карла Ясперса и П.А. Флоренского является изучение взглядов мыслителей о сущности коммуникации, ее важности в условиях современной коммуникативной трансформации. Представляется актуальным, необходимым понимать смысл учения К. Ясперса и П.А. Флоренского о коммуникации именно в настоящий период, когда наблюдается острая необходимость в формировании новых способов коммуницирования.

Методы (Methods): Методами данного исследования служит историко-философский подход, представленный приемами анализа в форме сопоставления, сравнения, обобщения исследовательских данных и построения выводов. Также использованы методы реконструкции, конкретно-исторический, герменевтический и компаративистский методы.

Результаты (Findings): Размышления Карла Ясперса и П.А. Флоренского о коммуникации представляют ценность не только для философского анализа духовного состояния человека, в особенности — переживающего сущностный кризис, но и для реального формирования тех форм общения в социальном взаимодействии, которые свойственны личностям, сохраняющих верность самобытному культурному сущностному наследию в отчуждённые, технократические и потребительские времена.

Выводы (Conclusions): Основным выводом проведенного исследования является утверждение Карла Ясперса и П.А. Флоренского о том, что предпосылкой существования сегодняшнего миропорядка, взятого в глубине, является характер бытия человеческой личности и его способность вступать в глубокие коммуникативные отношения с «Другим», что может быть сложностью в условиях изменения характера коммуникативной ситуации в настоящем. Вкладом автора в исследование темы является анализ рассматриваемого вопроса в переложении его на современные коммуникативные особенности. Новизна исследования заключается в подробном анализе философских раз-

Jaspers and P.A. Florensky that the precondition for the existence of today's world order, taken in depth, is the nature of the human personality and its ability to enter into deep communicative relations with the «Other», which can be difficult in the face of changes in the nature of the communicative situation in the present. The author's contribution to the study of the topic is the analysis of the issue in question in its transposition into modern communicative features. The novelty of the research lies in a detailed analysis of the philosophical reflections of Karl Jaspers and P.A. Florensky regarding this topic and the identification of the importance of the problem of dialogicity as the most important human property in the era of communication transformation.

Keywords: alienation, dialogue, brotherhood, dialogism, unity, communication, Florensky, Jaspers, philosophy of communication, loneliness, individualization.

Введение

Глубокая трансформация социальной реальности в современной России вызывает коренные изменения в коммуникативной сфере. Человек современности ищет новые социокультурные, философские, сущностные основания, способные обеспечить коммуникацию новой формации. Новая коммуникативная среда активно формируется, предлагается через СМИ и СМК. Стремясь утвердить собственные жизненные ценности, смыслы индивид воспринимает мультикультурный, полисемантический код как неподлинную (несобственную) коммуникацию и пытается противостоять унификации, устанавливая коммуникацию подлинную, самостную. Этот процесс, характерный для ситуации мировоззренческого, смыслового плюрализма, приводит к формированию специфической коммуникационной среды, чье изучение становится сверхактуальной целью.

Материалы и методы: В данном исследовании использовались труды Павла Александровича Флоренского и Карла Ясперса, а так же работы современных исследователей философского творчества указанных мыслителей (Власова О.А., Водолагин А.В., Золотухина-Аболина Е.В., Марков, Б.В.). Методами данного исследования служит историко-философский подход, представленный приемами анализа в форме сопоставления, сравнения, обобщения исследовательских данных и построения выводов. Также использованы методы реконструкции, конкретно-исторический, герменевтический и компаративистский методы.

Литературный обзор: В данном исследовании использовались труды Павла Александровича Флоренского (и Карла Ясперса, а так же работы современных исследователей философского творчества указанных

мыслителей Карла Ясперса и П.А. Флоренского относительно данной тематики и выявлении важности проблемы диалогичности как важнейшего свойства человека в эпоху коммуникационной трансформации.

Ключевые слова: отчуждение, диалог, братство, диалогичность, единение, коммуникация, Флоренский, Ясперс, философия общения, одиночество, индивидуализация.

мыслителей (Власова О.А., Водолагин А.В., Золотухина-Аболина Е.В., Марков, Б.В.).

Обсуждение

В трудах многих философов возникает тема одиночества и явлений, которые могут преодолеть его. Антагонизм одиночества и дружбы, одиночества и любви, одиночества и братства подчас занимает весомую роль в размышлениях многих мыслителей, может быть, потому что, проблема взаимодействия человека и мира, субъекта и внешнего мира является одной из краеугольных тем жизнедеятельности человечества, которая не имеет временных характеристик.

Предпосылкой существования сегодняшнего миропорядка, взятого в глубине, по мнению Карла Ясперса, является характер бытия человеческой личности. Если индивид отсутствует в качестве экзистенциально наполненного субъекта, а является, по словам И.Н. Сидорова, «декоративно небрежной представленностью» [9, с.77], то на первый план выступает по большому счету бесполезность пребывания человека в этом мире. Задача, стоящая перед любой личностью, заключается в том, чтобы не погрязнуть в естественном желании механически продолжать, иначе говоря, влачить свое существование, постоянно ощущая «дескриптивно конечный характер объективности» [14, с.299].

Но в настоящее время метафизический меч, висящий над головой человечества, имеет совершенно иной характер, уверено провозглашает немецкий философ. Суть опасности, подстерегающей индивида, находится в том мире, который он искусственно создал сам для себя, но там же он себя, свою сущность и потерял. Немецкий мыслитель задается вопросом: «Что необходимо челове-

ку, чтобы попытаться обрести самое себя? Одного лишь желания (хотя это уже много), но явно недостаточно». Немаловажное значение для Ясперса играет ощущение радости, получаемое от процесса жизнедеятельности. Но это – всего лишь островок, к которому можно приплыть в минуты боли и разочарования. Но такое прибежище имеет временный, ограниченный характер. Вечно жить в нем, спасаясь от невзгод, не представляется возможным, утверждает философ. Рано или поздно жесткая реальность накроет своим покрывалом.

В условиях современной действительности, как замечает Б.В. Марков, большую надежду Ясперс возлагает «на духовно-дружеские связи, на укорененность в почве, на дом и семью, как опоры нового порядка» [6, с.180]. Семейные отношения, по мнению Карла Ясперса, строятся на любви, взаимоуважении и верности. Именно семья связывает индивида с другими индивидами на продолжительный период времени. Это обуславливается повседневным общением, «которое способно осуществиться полностью в своей открытости только в повседневной трудности будней» [15, с.325]. В семейных отношениях, согласно Карлу Ясперсу, «истинное самобытие» приоткрывает свой лик в большей степени, так как общение осуществляется между близкими людьми, каждый день и на основе доверия, теплоты и человечности. Искренность, симпатия, тепло в людской массе рассеяны, не имеют конкретного адресата. В то время как все вышеперечисленные качества аккумулируются вокруг ограниченного количества людей, в семье, в доме, как прибежище любви и истинной дружбы. Все члены семьи для каждого конкретного индивида должны представлять только в качестве субъекта, наполненного внутренним содержанием и имеющим глубоко личностную, индивидуальную суть, иметь только ему присущий, «неотъемлемый элемент духовно-душевного» [11, с.153]. Каждый служит для другого опорой и поддержкой, между членами семьи царит солидарность и доверительные отношения.

Как утверждает Павел Флоренский, существует четыре глагола-отражения понятия «любовь». Первое понимание связано с чувственной стороной жизнедеятельности человека, когда возникает желание «направлять на предмет всецелостное чувство, отдавать предмету, для него чувствовать и воспринимать» [12, с. 396]. Это ощущение связано с миром страсти, чувственного желания, ревностное вождление физического удовольствия. Второе толкование любви имеет широкое значение, как правило, противопоставляется страсти. Павел Флоренский полагает, что данное явление есть «внутренняя склонность к лицу, выросшая из задушевной общности и близости» [12, с. 396], выражает внутренние близкие отношения между людьми. В этом случае любящие индивиды находят удовлетворение в общении друг с другом, самонасы-

щаются друг другом, это единение имеет «органический характер» [3, с. 241].

Третье отражение понятия «любовь» - это не страстное желание по отношению к другому объекту, не чувственный позыв к нему, а спокойное, непрерывное во времени чувство, что может быть показателем «вырастания личности» [8, с. 115]. Индивиды в этом случае ощущают себя тесно связанными, принадлежащими друг другу вне каких-либо условий и обстоятельств. Люди имеют единое понимание мироздания и других явлений, обретают органическую связь, понимаемую как родовую, нерасторжимую. В качестве примеров можно привести любовь родителей к детям, гражданина к отечеству. Четвёртое толкование понятия любви связано с рассудочным оцениванием индивида как субъекта, этом процессе превалирует разумное начало. Более всего возможно в данном случае употребить такие синонимы, как «уважение», способность ценить. Там, где есть потенция рассудочной оценки, чувство может быть слабовыраженным, неявным. Так как, по мнению Павла Флоренского, оценивание предполагает сравнение, то этот процесс может включать в себя акт свободной воли, избирательности.

Но, как отмечает немецкий философ, в настоящее время существует угроза разрушения брачно-семейных уз, более того «тенденции его разрушения растут с абсолютизацией универсального порядка существования» [5, с. 395]. Устрашающе холодный лик объективации проглядывает тогда, когда дом перестает быть оплотом любви и дружбы, залогом настоящего общения, а превращается лишь в место для ночлега. Это объясняется все большей занятостью человека на работе, недостатке свободного времени, а также растущей тенденцией технизации, что «...превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость» В большинстве случаев система, выступающая в качестве насилующей внешней силы, способствует разрыву или ослаблению семейных отношений, как между супругами, так между родителями и детьми, что представляет собой, по словам Р. Сафранского, опасную угрозу «заслонить собой бездну бытия» [8, с. 58]. Роль системы двояка. С одной стороны, она как будто бы поддерживает стремление индивидов к совместному проживанию и тесному общению. С другой, ее наличие обуславливает вероятность восстания, конфликтов, разрывов и ссор внутри семьи, даже уход из нее некоторых членов. По-сути, это обусловлено одним фактором, как считает Карл Ясперс. Действие системы таково, что в ее задачи входит не дать личности почувствовать свою великую силу над насилующей действительностью, что может найти свое проявление либо в ощущении крайнего, остро переживаемого одиночества, либо, наоборот, в чувстве сильнейшего и глубочайшего единения с другой личностью, когда человек «...выходит из темноты,...из состояния потерянности, в котором он безнадежно смотрит в пустоту, из состоя-

ния самозабвения...» [9, с. 123]. В обществе создаются детские сады, школы и прочие социальные институты, где домашнее воспитание заменяется на публичное, где основной целью становится не воспитание единичной, единственной в своем роде, неповторимой и ни с чем несравнимой экзистенциальной личности, а механическое взращивание несметного царства себеподобных. К. Ясперс в данном контексте негативно оценивает роль государства. Вместо того чтобы запретить, а в противоположном случае строго карать за развод, полигамные отношения, аборт, гомосексуализм (все вышеперечисленное философ называет «выходом за пределы исторического существования человека»), роль государства сводится к их явному или скрытому поощрению.

Скрепам двойного толкования объединяется человеческое общество, и с точки зрения Павла Флоренского. Первая ипостась такого объединения – это личная связь, идущая от одной человеческой личности к другой, стремление уделить другому «от полноты своей» [10, с. 238]. Эта связь опирается на ощущение друг друга как самобытных единиц, «монад» [7, с. 410]. Вторая составляющая – чувство любви, симпатии по отношению к одному человеку проецируется на все общество в целом. Мыслитель отмечает, что связующими элементами античного общества были личное и родовое начало в индивидуе. Обе силы с течением времени одухотворяются, превращаясь в приятельство и дружбу между членами данной общности. Существует две стороны общественной жизни, понимаемой с религиозной точки зрения: агапическая и «филическая» [4, с. 411]. Братство и дружба, по Флоренскому, находятся в параллельных друг другу областях. Может показаться, что эти два явления, как два потока, могут слиться в одно семантическое целое. Сочетание этих двух понятий являет собой двуединство, но не смешение, не отождествление.

С точки зрения Павла Флоренского, каждый человек приходится другому человеку ближним, но не всякий является другом. Неприятель, ненавистник, обидчик, клеветник ни смотря ни на что является ближним, а вот человек даже симпатизирующий, любящий не всегда есть друг в глубоком понимании Флоренского, так как отношения дружбы являются глубоко личными, индивидуальными. Наличие братьев не устраняет возможности наличия друга. В некоторых случаях наличие братьев делает еще острее необходимость друга. «Чтобы жить в среде братьев, надо иметь Друга, хотя бы далёкого; чтобы иметь Друга, надо жить в среде братьев», – пишет Павел Флоренский [10, с. 412]. Соблюдая «золотое правило морали» и относиться к другим как к самому себе, следует хотя бы в одном человеке «разглядеть», почувствовать, признать, «осознать» самого себя. В этом случае данный индивид и является другом, характер отношения к которому может иметь агапическое, жертвенное начало. Но чтобы потенция любви к ближнему

не переродилась в самолюбование, самолюбие, чтобы индивиды не стали друг для друга просто условиями комфортного сосуществования, необходимо «развертывание» человеческой личности, ее способность к лишению эгоистических проявлений в себе, потенция агапической любви.

В том случае, если «субстанция целого» Ясперса подвергается возможности распада, раскалывания, ее существование становится зыбким и сомнительным, сути воспитательного процесса тоже угрожает раздробление и распад на составные, не связанные друг с другом, хрупкие элементы, что приводит к появлению «изолированных индивидов» [5, с. 110]. При таких обстоятельствах воспитание как метафизически-глубокое явление не в состоянии привести становящегося индивида к постижению, всеохвату «субстанции целого», к пониманию его величия и красоты. Вместо ожидаемого появления уникального, неповторимого экзистенциального субъекта получаются многочисленные, повторяемые, малоотличимые друг от друга объекты, неспособные к установлению глубины связи между собой. Через суть посредственности механически существующего объекта происходит то, что «субстанция целого» теряет яркую палитру красочности, метафизическую глубину сама по себе, что, по К. Ясперсу, является «симптомом обеспокоенности нашего времени» [5, с. 110]. Существующий миропорядок все более и более охватывает сомнение, разложение, распад. Создаются такие условия жизни, когда «человек может прийти к иному сознанию бытия и самого себя» [13, с. 377], – замечает мыслитель. Перед ним как будто бы разверзается зияющая черная бездна, в которую он вот-вот сползет, захватив с собой всех людей. Мыслящие и чувствующие индивидуумы предчувствуют приближение мертвящих шагов безжалостной бездны, способной поглотить величие и красоту «истинного самобытия». Немецкий философ уверенно утверждает, что решение данной проблемы ложится на плечи воспитания грядущих поколений. Он пишет следующее: «... воспитание определяет будущее человеческое бытие; упадок воспитания был бы упадком человека» [5, с. 353].

«Для того, чтобы быть самим собой, – пишет Карл Ясперс, – человек нуждается в позитивно наполненном мире» [14, с. 399]. Если мир не таков, то человек прячется от него до тех пор, пока не обретет положительно окрашенную мысль или идею. Сначала изменения, пусть даже весьма несущественные, происходят в глубине человеческой личности, а лишь за тем переносятся на существующий миропорядок. Если вдруг явленное бытие предстанет перед лицом индивида в неприглядном, отталкивающем виде, в этом случае цель его – сохранить в себе то положительное, что успел накопить. Некоторые сегодня с отчаянием задают вопрос: что же осталось теперь в мире, чем стоит дорожить, на что надеяться, ради чего быть? Ответ философ дает следующий: самое драгоценное, кла-

дезь неисчерпаемых возможностей – это человек, взятый в «подлинном самобытии» или, по словам И.Н. Сидорова, «необъективируемость, ... неэмпирическую целостность, представленную душой человека» [9, с. 78]. «Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни», – пишет Карл Ясперс.

Заключение

Ощущение единства между людьми Павла Флоренского и Карла Ясперса проникает во все сферы жизнедеятельности, в том числе, в повседневную жизнь, «озолачивает каждодневное» [12, с. 413]. Понятие друга становится чем-то большим, «ценной величиной» в условиях со-работничества, со-товарищества.

Карл Ясперс и Павел Флоренский в рамках идеи единения большое внимание уделяют процессу воспитания личности. По их мнению, воспитание – это «глубокий процесс, порождающий бытие человека» [6, с. 393]. Посредством воспитания происходит становление человека. Здесь имеется в виду не только генетическое

наследование, но передача в первую очередь социально-исторического опыта предшествующих поколений. Под воспитанием философ понимает не только непосредственное воздействие на индивида родителей или школы, а то, что он слышит, видит, узнает в течение своей жизнедеятельности, и это в последствии становится как бы его второй натурой. Таким образом, понимаемое воспитание делает конкретную человеческую личность соучастником бытия, или посредством его существования – «соучастником в знании целого» [6, с. 353]. Вместо того, чтобы неподвижно пребывать, человек привходит в мир, становится его участником и соучастником. В данном случае, не смотря на ограниченную узость бытия индивида по сравнению с неохватной шириной бытия в целом, первое может быть воодушевлено и обогащено до предела вторым. Человек тем решительнее может стать самим собой, чем ярче, красочнее, наполненнее миропорядок, с которым его собственная суть вступает в контакт и составляет определенное единство. Главная цель осуществления воспитательного процесса, согласно взглядам Ясперса и Флоренского, заключается в том, чтобы новое поколение каждый раз втягивалось в дух целого. Задача воспитателя, учителя – служение «... потоку становления человеком, который протекает в равномерности уверенного континуума» [10, с. 400].

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгин, В.П. Лица и сюжеты русской мысли: сборник научных трудов / В.П. Визгин. – Москва: Языки славянской культуры: Фонд Развития Фундаментальных лингвистических исследований, 2016. – 360 с.
2. Власова, О.А. Теория и терапия кризиса: от критики культуры к практике саморазвития. Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. № 4.
3. Водолагин, А.В. Философия и психопатология: творчество Карла Ясперса // Вопросы философии. № 4. 2006.
4. Звейрде, ван дер Э.. Взгляд со стороны на историю русской и советской философии / Звейрде, ван дер Э.; науч. ред. П.В. Аракчеева, А.Л. Доброхотов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. – 556 с.
5. Золотухина-Аболина, Е.В. Бытие человека: ключевые экзистенциалы / Е.В. Золотухина-Аболина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 220 с.
6. Марков, Б.В. Коммуникация, феноменология и экзистенция: К. Ясперс и М. Хайдеггер. История современной зарубежной философии: компаративистский подход / [А.С. Колесников, М.Я. Корнеев, Б.В. Марков и др.] – СПб.: ЛАНЬ, 1997.
7. Павлюченков, Н.Н. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского: антропологический аспект / Н.Н. Павлюченков; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. – 288 с.
8. Сафрански, Р. «Вольные вариации на тему свободы». Позиции современной философии. Альманах кафедры современной зарубежной философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Проблемного совета по современной зарубежной философии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004.
9. Сидоров, И.В. К. Ясперс: предэкзистенциализм и экзистенциализм. История современной зарубежной философии: компаративистский подход / [А.С. Колесников, М.Я. Корнеев, Б.В. Марков и др.] – СПб.: ЛАНЬ, 1997.
10. Флоренский, П.А. Том 1. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – Москва: Комсомольская правда, 1990. – Ч. I. – 496 с.
11. Ясперс, К. Введение в философию / Пер. с нем. Под ред. А.А. Михайлова. – Мн.: Пропилеи, 2000.
12. Ясперс, К. Введение в философию / Пер. с нем. Под ред. А.А. Михайлова. – Мн.: Пропилеи, 2000. Степанович, В.А. История философии: курс лекций: в 2 томах / В. А. Степанович. – Москва: Прометей, 2018. – Том 2. Неклассическая философия XIX—XX веков.
13. Ясперс, К. Введение в философию / Пер. с нем. Под ред. А.А. Михайлова. – Мн.: Пропилеи, 2000.
14. Ясперс, Карл Теодор. Духовная ситуация времени. Пер. с нем. – М.: АСТ, Neoclassic, 2013.
15. Ясперс, Карл. Ницше. Введение в понимание его философствования / К. Ясперс; пер. с нем. Ю. Медведева; под ред. М. Ермаковой. – СПб.: Владимир Даль: Фонд «Университет», 2004.

© Багаева Ольга Николаевна (olga_bagaeva1@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ

THE EXISTENTIAL DIMENSION OF SELF-FULFILLMENT

A. Grigoriev

Summary: The purpose of the study is to identify and determine the existential characteristics of a person's self-fulfillment. The ability of a person to self-fulfillment is the ability to realize his destiny, to self-realization in the ontological sense. Successful self-fulfillment requires the virtue of courage, which helps to minimize the risks of self-fulfillment. The article emphasizes that self-fulfillment is impossible without adequate self-knowledge.

Keywords: self-fulfillment, self-identification, self-knowledge, humility, risk.

Григорьев Александр Владимирович

старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

grigorev.83@mail.ru

Аннотация: Целью исследования является выявление и определение экзистенциальных характеристик самоосуществления человека. Способность человека к самоосуществлению это способность к реализации своего предназначения, к самореализации в онтологическом смысле. Для успешного самоосуществления требуется добродетель мужества, которая способствует минимизации рисков самоосуществления. В статье подчеркивается, что без адекватного самопознания невозможно самоосуществление.

Ключевые слова: самоосуществление, самоидентификация, самопознание, смирение, риск.

Понятие «самоосуществление» – одно из важнейших понятий в экзистенциализме. Осуществление себя это «опредмечивание» своей сущности в бытии и обретение нового способа бытия. Осуществить себя – значит обозначить свое присутствие в бытии. В самоосуществлении человек выступает существом свободным выбирать и проектировать себя. Способность человека к самоосуществлению — это способность к реализации своего предназначения, к самореализации в онтологическом смысле и целенаправленному развитию своих базовых идентичностей. Реализуя идеальные установки своей идентичности, человек, усваивает ее и создает пространство новой реальности на месте небытия или разрушенного прежнего иного бытия. Самоосуществление личности предполагает важность отвержения того, что является препятствием на пути подлинной самореализации, даже если необходимо отвергнуть то, что присуще собственной экзистенции.

Осуществление себя предполагает обращение к своей глубинной сущности, самопознание и осознание своих потенциальных возможностей [1, С.300], преодоление внутренних противоречий и сохранение согласия с самим собой. Сохранение внутреннего согласия требует наличия реальной осуществимой и адекватной личности цели, внутренней ответственности за выполнение целесообразного жизненного «задания», осмысленности и ценности своих действий для самого актора. Ошибки в выборе целей и способов самореализации приводят к опасности не обрести себя, а предать лучшее в себе.

Реализации талантов и укреплению внутреннего мира человека способствует целеполагание. Главный стимул целеполагания – неудовлетворенность налич-

ным бытием и желание лучшего. Лучшей и высшей формой неудовлетворенности наличным бытием является неудовлетворенность самим собой, неудовлетворенность тем, кем я являюсь. Если такая неудовлетворенность духовна и нравственна по своему характеру то она вполне может стать основой целеполагания в процессах осуществления личностью своего назначения [4, С. 53].

Человек в процессах целенаправленного самоосуществления обретает новые пространства своего бытия. Например, реализуя свое предназначение в семейной жизни, которая была для него целью, человек создает новое онтологическое пространство – мир семьи, новую реальность, которой прежде не было. По мере осуществления целей в социальной жизни возрастает связь личность с реальностью и изменяется реальность; усовершенствование реальности зависит от благости цели и средств ее достижения. К усовершенствованию реальности приводит самоутверждение основанное на добродетелях, противоположных болезням человеческой души, нравственным извращениям, которые могут восприниматься людьми как имманентные свойства человеческой природы и не идентифицироваться ими как нравственные патологии. Эти добродетели находятся во взаимовлиянии и взаимосвязи. Добродетели отрезвляют человека и утверждают его волю ко смирению. «Корнем» и «вершиной», «началом» и «концом» добродетелей является любовь. Согласно философам Нового времени Б. Спинозе и Ф. Ницше в добродетели заключается самоутверждение человека. По мысли Спинозы актуальная сущность человека есть добродетель и тождественна самоутверждению. Степень стремления и способности человека утверждать свое собственное бытие проявляется в степени развития добродетелей, которые являют-

ся действиями силы Божественного бытия в человеке. В философии Б. Спинозы самоутверждение понимается как высочайшее благо человека. Он говорит о том, что истинное самоутверждение индивида - это соучастие в божественном самоутверждении. Ф. Ницше осмысляет стремление человека к самосохранению с помощью своего понятия «воля к власти». Для Ницше самоутверждение предполагает самоотвержение, ради «власти». В понимании Ницше самоутверждающемуся Я противоположно трусливое Я.

Стремление к осуществлению себя предполагает тотальное целеполагание и оценку вариантов самореализации с позиции целесообразности. Нужно подчеркнуть, что в экзистенциальном аспекте самоосуществление не сводится ни к самосовершенствованию, ни к стремлению к достижению определенного общественного статуса. Самоосуществление в экзистенциальном аспекте предполагает движение к более глубокому пониманию себя, своего внутреннего мира и нахождению смысла своей жизни, а также ответственное отношение к миру и раскрытие своих способностей, возможностей и ресурсов, которые можно использовать для увеличения конструктивности и продуктивности своей жизни. Смысл жизни выступает как концепция, выражающая отношение человека к самоосуществлению, к своему назначению и его реализации. Осознанный поиск верного смысла жизни не только приводит к его нахождению, но и раскрывает внутренние силы души для изменения бытия в соответствии с этим открытым смыслом.

Для успешного самоосуществления требуется добродетель мужества. Добродетель мужества способствует минимизации рисков самоидентификации и осуществления себя. Согласно Ницше, мужественная жизнь проявляется в воле преодоления себя. По словам П. Тиллиха, в современной культуре мужество разделено на мужество быть собой и мужество быть частью. В качестве условия приобретения социальной идентичности Тиллих называет способность утверждения личного бытия посредством соучастия в жизни социальных групп, то есть мужество быть частью. Этот вид мужества означает способность к социальной самоидентификации и реализации себя как структурной единицы социальных групп. В этом аспекте самоутверждение и самораскрытие человека являет собой фрагмент самоутверждения сообществ. Мужество быть частью было преобладающей формой мужества в традиционном средневековом обществе. Согласно Тиллиху, в современном обществе преобладает мужество быть собой. Мужество быть собой выявляется из критики конформистской и коллективистской стратегии самоутверждения, которая базируется на факте содержания в них опасности индивидуальному Я [5]. Мужество быть – это способность подлинного самоосуществления вопреки всему навязанному в экзистенциальном опыте человека.

Современная западная цивилизация переживает кризис мужества и отваги. Современный мир становится антимужественным миром, миром с преобладанием женского начала, стремящимся изжить из себя любые начатки подвига. Предъявляя новые критерии политкорректности, современная западная цивилизация исполняется женским страхом перед риском и стремлением лишить человека обаяния отваги. В обществе потребления, в котором основные факторы риска для бытия человека усматриваются в природе и обществе, главным объектом самоопределения личности и заветной целью и ценностью становится социальный статус, который рассматривается в качестве способа минимизации социогенных рисков. Способом минимизации природогенных рисков в обществе потребления является разработка новых технологий. При этом сама этика общества потребления, в основе которой лежит ошибочная стратегия онтологического самоосуществления, является фактором экзистенциальных рисков. Ошибочность консюмеристской самореализации как стратегии минимизации экзистенциальных рисков показывает христианская культура. Согласно логике человека христианской культуры, у нас нет испытаний и угроз, которые мы не в силах перенести силой Божественного бытия, и тем самым утвердить себя во благе, несмотря на все риски. Возможно, в первую очередь, не социальные статусы, а именно энтелехийное развитие человека является способом повышения качества жизни и минимизации основных рисков.

Самоосуществление личности предполагает ее самоопределение. Под объектом самоопределения понимается то, по поводу чего осуществляется самоопределение. Можно увидеть хронологию появления различных форм самоопределения в процессе социализации. Но иерархию важных для личности отношений, смыслов, ценностей в любом случае выстраивает сама личность. Главный экзистенциальный риск самоопределения личности состоит в возможной утрате самоосуществления в случае ошибок самоопределения. Экзистенциальный риск коренится не в самих социальных статусах и ролях, а в возможности полностью «раствориться» в выполняемой социальной функции вплоть до полного отождествления с ней. Утрата самоосуществления приводит к нарушению целостности Я и неподлинной экзистенции. По словам К. Роджерса, в ситуации самоосуществления человек оказывается перед выбором «продолжать ли ему прятаться за маской или рискнуть стать самим собой» [3]. В процессе самоосуществления человек осознает цель быть собой как некое задание. Минимизация рисков отрицания бытия есть условие сохранения самотождественности в подлинном бытии личности и ее реализации.

Без адекватного самопознания невозможно самоосуществление. Ошибки в самопознании приводят к утрате адекватного восприятия жизни. Поэтому очень важно

осознание и понимание своих потребностей, желаний, возможностей, и того, что должен делать.

Очевидно, что причиной утраты самореализации часто является отсутствие правильной стратегии взаимодействия с миром. Принципы такой стратегии формулировались мыслителями с древних времен. Явным принципом минимизации рисков самоосуществления, по мнению Конфуция, является добродетель сдержанно-

сти благородного мужа» ритуалом [2, С. 254]. В ритуализованном пространстве степень добра и зла в действиях зависят от их уместности и своевременности. В чем же критерий уместности и своевременности действий? Действия уместны и своевременны когда они соответствуют должествованию. Следование долгу предполагает предпочтение долга своеволию. Условием предпочтения долга своеволию является наличие добродетели смирения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ», 2005. – 448с.
2. Иеромонах Симеон (Мазаев). Мужская философия. Быть настоящим мужчиной. – М.: Данилов мужской монастырь, 2017. – 320 с.
3. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. – М.: ЭКСМО, 2001. С. 206.
4. Прот. Владислав Свешников. Мироззрение. Структура, содержание, созерцание. – М.: Никея, 2015. – 704 с.
5. Тиллих П. Мужество быть // П. Тиллих Избранное: Теология культуры. – М.: «Юрист», 1995. С.86-87

© Григорьев Александр Владимирович (grigorev.83@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)

ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Скопа Виталий Александрович

*Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru*

THE PHENOMENON OF VIRTUAL REALITY IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. Skopa

Summary: The phenomenon of virtual reality is considered in a historical retrospective through the prism of philosophical views: the era of Antiquity, the Middle Ages, the New Age, the current state of the problem. This definition occupies a special place in modern philosophical and humanitarian discourse, in particular, in religious studies. Significant developments have expanded the etymological limits of «virtual reality» and turned this category into one of the central ones in modern philosophy. Based on the studies studied, it is possible to determine that virtual reality is a multidimensional, invariant, variable environment created with the help of computer technology, which has its own characteristics that can reorganize the existential world of a person. The objectified expression of a religious phenomenon in society is also experiencing a significant transformation under the influence of virtual reality.

Keywords: virtual reality, philosophy, virtualistics, ontology, space and time.

Аннотация: Рассматривается в исторической ретроспективе феномен виртуальной реальности через призму философских воззрений эпохи Античности, Средневековья, Нового времени, а также анализируется современное состояние проблемы. Данная дефиниция занимает особое место в современном философско-гуманитарном дискурсе, в частности, религиозноведческом. Значительные наработки расширили этимологические пределы «виртуальной реальности» и превратили эту категорию в одну из центральных в современной философии. На основе изученных работ возможно определить, что виртуальная реальность – многомерная, инвариантная, переменная среда, созданная с помощью компьютерной техники, которая имеет свои характеристики, способные реорганизовать бытийный мир человека. Значительную трансформацию под влиянием виртуальной реальности испытывает и обьективированное выражение религиозного феномена в обществе.

Ключевые слова: виртуальная реальность, философия, виртуалистика, онтология, пространство и время.

Появление нового технокультурного явления – виртуальной реальности является очередным этапом технологического прогресса и новой коммуникативной средой, созданной благодаря инновационным технологиям и трансформациям существующих социальных институтов. От появления термина «виртуальная реальность» в научном дискурсе, в различных трактовках и пониманиях этого феномена, прошло уже более полувека, однако постмодернистский взгляд лишь усложнил процесс определения (дефинизации) этого понятия и обусловил необходимость поиска новых подходов к его пониманию [3, 5, 8].

Феномен виртуальной реальности занимает особое место в современном философско-гуманитарном дискурсе, в частности, религиозноведческом, поскольку требуют исследования механизмов взаимосвязи и взаимодействия новой реальности с различными сферами общественной и индивидуальной жизни, что приводит к формированию новых познавательных проблем, требующих должной оценки, а также их переосмысления [2, 4, 10].

Явление виртуальной реальности занимает ведущее место среди научных разработок таких исследователей как Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, С. Жижек, М. Кагельс. На-

ряду с этим, следует отметить исследования в области виртуалистики российских ученых М. Эпштейна, А. Иванова, М. Кунафина [8, 10, 15]. В последние годы существенно возрос интерес к изучению данного феномена, что нашло отражение в научных статьях, монографиях и диссертационных работах и объясняется это во многом идущим процессом глобализации, быстрым изменением и трансформацией устоявшихся систем. Так, можно отметить исследования Ф. Власенко, А. Карина, А. Сотниковой. В целом, исходя из этого можно определить возрастающий научный интерес к данному феномену, а вместе с тем вычлнить формирование множественных подходов к определению сущностного понимания виртуальной реальности.

Основной целью данной статьи является теоретический анализ подходов к пониманию феномена виртуальной реальности в философско-религиоведческом дискурсе.

В последней четверти XX-начале XXI вв. в различных областях научного знания стали применять понятие «виртуальность», чтобы обозначить особые условия возникновения и функционирования определенных объектов, в частности, виртуальная коммуникация, виртуаль-

ный музей, виртуальные частицы, Высшая Виртуальная магия. В этот же период появляется много научно-теоретических исследований, где понятие «виртуальность» становится если не центральным, то одним из таких. Уже в первых работах, посвященных онтологии виртуальной реальности, постулируется утверждение, что «гуманитарная теория не может отвергать идею виртуальной реальности» [11]. Именно поэтому возникает необходимость исследовать это понятие, корни которого восходят к периоду античности. Так, уже в трудах древнегреческих философов можно проследить кардинально противоположные подходы к истокам понимания данного понятия. Исследователи О. Немыкина, А. Карина находят идею виртуальности в трудах Платона и Аристотеля. В частности, О. Немыкина утверждает, что идея виртуальности раскрывается в философских трудах Аристотеля в таких категориях как «*dynamis*» (возможность, потенция), «*energeia*» (энергия, деятельность), «*entelecheia*» (существование) [12]. Важно заметить, что речь идет именно о единичной интерпретации идеи виртуальности в древнегреческой философии, а не о самом понятии, ведь как таковое оно отсутствовало в трудах мыслителей этой эпохи. Исследователь П. Богачевский убежден, что первые интерпретации понятия «виртуальной реальности» следует искать в трудах римского оратора Цицерона и схоластической философии [2]. Он, как и большинство ученых обращаются к фундаментальным исследованиям Н. Носова, который, в свою очередь, апеллирует к трудам Цицерона и средневековым схоластам [3, 13]. Исследователь считает, что древнегреческая философия не может найти механизм энергетической связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов потому что это выходит за пределы предметного поля исследования философов этого времени [3, с. 74]. В тоже время в трудах римского оратора Цицерона понятие «*virtus*» употребляется для обозначения качеств характера воинов, таких как доблесть, мужество, добродетель. Такое понимание понятия «*virtus*» противоречит всем последующим трактовкам. Продолжая, Н. Носов сводит это к проблеме перевода и отсутствия надлежащих комментариев для понимание древних текстов [3, с. 124].

Для средневекового человека является определяющим существование определенной силы (*virtus*), что переводит объект из состояния небытия в состояние бытия [6]. Только в схоластической философии для обозначения актуальной действующей силы использовали понятие «*virtus*», то есть «объект получает возможность действия» [3, с. 70]. Его применили для решения определенных схоластических проблем, а именно «формирование сложных явлений из простых, соотношение потенциального и актуального, как энергетическую составляющую акта действия» [7, с. 184]. Например, католический теолог Фома Аквинский через категорию «виртуальности» объяснял конституирование разумной (мыслящей) души, содержащей в себе виртуально веге-

тативную душу и душу сенситивную [1].

Гипотезу о том, что определенная реальность может производить другую реальность выдвинул еще в IV в. один из Отцов Церкви – Василий Великий. Он утверждал: «Ум есть паттерн, получаемый умом. Это довольно тавтологично, но не порочно и не парадоксально» [7, с. 183].

В работах еще одного средневекового философа Н. Кузанского можно выделить иную трактовку понятия «виртуального». В работе «О видении Бога» категория «*virtus*» используется для объяснения дуальности – потенциального и актуального, когда при определенных условиях потенция реализуется в действительность [9]. Для объяснения этого процесса философ использует метафору с ореховым деревом. Актуальное состояние хорошего дерева с пышной кроной человек способен созерцать «телесными глазами». В случае, если мы хотим увидеть, что лежит в основе развития этого дерева, тогда согласно концепции ученого, мы переходим на высокий уровень мироздания. На этом уровне каждая частица дерева виртуально содержит в себе конкретно-эмпирическое дерево, а также и все конкретно-эмпирические деревья. Третьим и самым высоким уровнем мироздания, согласно учению философа, будет основа первооснов – Бог, наполняет семена потенциальной силой развиться и прорасти. Бог рассматривается как абсолютная сила всех сил, где семантика потенциальности в совокупности с виртуальностью приобретает новый вид – первооснову [1, 6]. Таким образом, философ, чтобы объяснить некоторые явления, использует традиционную для средневековой схоластики методологию – рассматривает явление не с позиции их внутренней структуры, а через высшие силы, и применяет для этого категорию «*virtus*».

В эпоху Нового времени происходит становление монистической парадигмы, где постулировалась идея одной реальности – природной, а понятие «*virtus*» употребляется для обозначения всепроникающей силы, которая способна влиять на акт действия. Дальнейшее развитие науки позволяет проследить это в различных видах монизма (идеализм, физикализм, нейтральный монизм) [12].

Сформированный базис научного познания позволяет выделить более основательные теоретические исследования на тему виртуальной реальности, которые начали появляться в рамках постнеклассической философии в последней четверти XX в. Такие известные философы как Ж. Бодрийяр, Э. Кастельс, М. Маклюэн, М. Постер ставят вопросы о гиперреальности, статусе индивида в виртуальной реальности, формировании новой культурной идентичности и предпринимают попытки вообще оценить потенциал виртуальной реальности [2, 10].

Значительные наработки расширили этимологиче-

ские пределы «виртуальной реальности» и превратили эту категорию в одну из центральных в современной философии. Несмотря на достаточно проработанную теорию виртуалистики, на современном этапе научного развития человечество еще четко не определилось в трактовке «виртуальная реальность». На основе рассмотренных исследований, возможно предложить узкое определение: виртуальная реальность представляется как многомерная, инвариантная, переменная среда, созданная с помощью компьютерной техники, которая имеет свои характеристики, способные реорганизовать бытийный мир человека.

В современных словарных и энциклопедических определениях, в основном, отождествляют виртуальную реальность с компьютерными технологиями, интернетом, что не соответствует этимологическим корням, но в тоже время соответствует современной специфике данного понятия [11].

«Виртуальная реальность» как «мысленный мир» существует с началом творческой деятельности человека, его культов, ритуалов, религии, науки, то есть, мира культуры. Таким образом мы видим широкое и узкое понимание «виртуальной реальности». Современная виртуальная реальность воспринимается в широком смысле, но развитие технологий способствует корректировке данного понятия, а вместе с тем и его сущности. Для данного исследования актуально именно узкое понятие «виртуальной реальности», то есть то понятие, которое связано с компьютерными технологиями, которые влияют на все сферы жизни человека и задают новый вектор развития общества [8]. Однако, важно понимать, что «внутренняя виртуальная реальность» человека порождена технологиями виртуальной реальности в чем они имитируют друг друга, ведь имеют сходство по своему смыслу и логике. Так, в работе Л. Кондратенко отмечено «главное различие в понимании сущности виртуального мира коренится в нежелании увидеть принципиальное единство/противоположность явлений «внутренней виртуальной реальности», которая всегда была порождающей основой творчества и современной компьютерной «виртуальной реальности», которая является попыткой переноса внутренней реальности наружу» [16].

Однако отличие новой виртуальной действительности заключается в ее технической специфике, которая обеспечивает неограниченную вседоступность для любого человека, потому что выходит за пределы индивидуального и превращается в глобальную среду. Если рассматривать более широкое определение (виртуальная реальность как мир культуры, духовного творчества человека), тогда это явление будет иметь более индивидуальный характер, поскольку мы не можем проникнуть в «виртуальность» человека, который что-то создал, следовательно, его виртуальность для нас недоступна, она

не эксплицируется полностью. Тогда как компьютерная виртуальная реальность делает ставку на трансляцию, экспликацию. В ней важно лишь то, что показано извне, она вся во внешней среде.

В пространстве глобальных медиаторов особое мнение или отдельные изобретения теряются. Для человека будущего, который будет вынужден адаптироваться к вызовам времени, поскольку выступать в роли связного между элементами различных систем, важным будет сохранить свои духовные основы, чтобы не потеряться в бездорожье виртуальной реальности [12]. Виртуальная реальность, как компьютерный интерфейс, требует, чтобы человек использовал свои физические свойства, зрение, слух, а еще чувственное восприятие, что необходимо в процессе обработки звуковой информации. Весьма интересным является рассуждение М. Эпштейна, который отмечал, что «с увеличением реальностей и миров, могут приобрести особое влияние «негативные религии», призванные, освободить человека от страданий и путешествий по нелепой бесконечности миров» [15].

Несмотря на предостережения ученых, Интернет сегодня незаменимый ресурс, коммуникационное пространство, источник развития популярных культурно-социальных тенденций, место зарождения новых религий. В одной из последних статей итальянского философа У. Эко отчетливо прослеживается утверждение, что «прогресс сети остановить невозможно», поэтому нужно научиться правильно использовать ресурс, который способен принести большую пользу человечеству [14].

Значительную трансформацию под влиянием виртуальной реальности испытывает и объективированное выражение религиозного феномена в обществе, а именно религиозность. В смысловых ориентирах верующего человека религиозность играет чрезвычайно важную роль – влияет на его мировоззренческо-ценностные ориентиры [10].

Новая социокультурная реальность обуславливает новые формы функционирования религиозности. Поэтому, дифференцируя феномен религиозности, ученые выделяют такое понятие, как «современная религиозность, обусловленная наличием и проявлениями виртуального отношения современного человека к сверхъестественному: Богу, Высшей силы, Космическому разуму» [6, с. 204]. Современная религиозность заключается в том, что она стремится осмыслить и интерпретировать события современной общественной жизни, достижения в сфере науки и техники, технологий, исходя из явлений и процессов действительности. Так, в понимании В. Еленского, «постмодерн религиозности означает конструирование и реконструкцию внецерковных «диффузных» проявлений религии, где причудливо сочетаются наборы ценностей, символов, обычаев и поведенческих норм» [7,

с. 312]. Таким образом можно отметить, что религиозность является динамичной составляющей, поэтому может изменяться в соответствии с индивидуальными особенностями человека и общей культурно-общественной парадигмой. Исследование проявлений постмодернистской религиозности было бы не полным, если не учитывать процессы виртуализации, которые своей глобальностью влияют на индивида, а затем приводят к трансформации форм религиозности последнего.

Адаптировавшись в виртуальной реальности, лицо использует ее во многих своих потребностях, в частности в необходимости религиозного опыта. Например, с помощью Интернет человек реализует свои молитвенные нужды. Это происходит либо через обычное чтение молитвы с экрана своего гаджета, или же из-за записи просьбы о молитве Господа на специально созданном для этого сайте. На религиозных или светских форумах человек может четко выражать свои вероисповедальные принципы [6].

В виртуальном пространстве можно найти множество публикаций, посвященных религиозной деятельности. Это могут быть различные научно-исследовательские статьи, новости о жизни той или иной религиозной организации. Кроме того, на веб-сайтах размещено мно-

жество библиотек с большим количеством богословских и академических текстов на религиозную тематику, которые открыты для чтения. Учитывая высокий уровень виртуализации современной культуры новые коммуникационные возможности стали доступны благодаря функционированию Интернет, их начали использовать многочисленные религиозные организации для сохранения и развития своих верований.

Итак, если подвести итог, то можно отметить, что явление виртуальной реальности - «ребенок постмодерна». Проблемы, связанные с виртуальной реальностью, стали чрезвычайно актуальными в современном обществе. Процессами информатизации и виртуализации пропитаны все сферы жизни человека, начиная от науки, культуры, технологий и сейчас находят свое продолжение в религиозной сфере. Понятие «виртуальный» в философском дискурсе появляется еще во времена античности. Современные исследования в основном направлены на осмысление онтологии виртуальной реальности и сопоставление двух реальностей – субстанционной и виртуальной. Необратимость процессов виртуализации побуждают к дальнейшим детальным исследованиям в этой сфере, чтобы использовать потенциал виртуальной реальности на благо человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аквинский Ф. Сумма теологи // Антология мировой философии. М., 1969. Т. II. Ч. 2. С. 810-823.
2. Богачевский П.С. Концепт виртуальности в предметном поле современной философии науки // Вестник Житомирского государственного университета. 2012. Вып. 65. Философские науки. С. 19-24.
3. Виртуальная реальность: Философские и психологические проблемы / под ред. док. психолог. наук Н.А. Носова. М., 1997. 183 с.
4. Готт В.С. О философских вопросах теории виртуальных частиц и процессов // Философские науки. 1965. № 4. С. 10-20.
5. Грязнова Е.В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия // Философские науки. 2005. № 2. С. 125-143.
6. Докаш В., Моргоч И. Религия как фактор идентификации личности: социокультурный аспект // Религия и социум. 2014. № 1-2. С. 199-208.
7. Еленский В. Великое возвращение: религия в глобальной политике и международных отношениях конца XX - начала XXI века. Львов, 2013. 504 с.
8. Иванов А.Е. Виртуальная реальность // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 183-186.
9. Кузанский Н.О видении Бога [Пер. В.В. Бибихин] // Сочинения в 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 40-50.
10. Кунафин М.С. Виртуальное бытие // XXI век: будущее России в философском измерении : матер. II Российского философского конгресса. Т. 1, Ч. 2. Онтология, гносеология и методология науки, логика. Екатеринбург, 1999. С. 73-74.
11. Микешина Л.А. Новые образы познания и реальности. М., 1997. 240 с.
12. Немькина О.И. Понятие виртуальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 53-62.
13. Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. М., 2000. 69 с.
14. Эко У. Прогресс сети остановить нельзя // Частный Корреспондент [Электронный ресурс]. - Режим доступа к ресурсу: http://www.chaskor.ru/article/umberto_eko_progress_seti_ostanovit_nelzya_36583.
15. Эпштейн М. Протеизм. Манифест начала века [Электронный ресурс]. - Режим доступа к ресурсу: http://www.topos.ru/veer/07/v7_proteism1.html.
16. Кондратенко Л.А. Влияние информационно-компьютерных технологий на когнитивное развитие детей (между двумя реальностью) // Технологии развития интеллекта. № 4. 2013. С. 173-193.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИНДИВИДА

Фетисова Евгения Николаевна

*К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
evseneya@mail.ru*

THE INFLUENCE OF MUSIC ON THE EXISTENTIAL EXPERIENCE OF THE INDIVIDUAL

E. Fetisova

Summary: This article presents a philosophical analysis of music as a subjective art capable of making the subtle emotional states of an individual person sound. Art is born from purely intimate, existential experiences that can resonate with the inner world of the Other. This is the phenomenon of music as an art for all time. Music is in many ways capable of "speaking" with an individual being the same language, bringing to the surface those existential problems that are of concern to the individual here and now. Thus, through music, it is possible to put a part of one's existence in front of oneself, to objectify it, to make it more understandable. Music is able to resonate with the «I», it is a kind of existential dialogue that has a therapeutic effect. It is this effect that is most valuable for a person and so totally attracts music to all spheres of human life.

Keywords: existence, philosophy of music, existential experience, universal language, cultural codes, value norms.

Аннотация: В настоящей статье представлен философский анализ музыки как субъективного искусства, способного заставить звучать тонкие эмоциональные состояния отдельного человека. Из сугубо интимных, экзистенциальных переживаний рождается искусство, способное резонировать с внутренним миром Другого. В этом феномен музыки как искусства на все времена. Музыка способна «говорить» с индивидуальным бытием на одном языке, вытягивая на поверхность экзистенциальные проблемы, которые здесь и сейчас волнуют индивида. Таким образом, через музыку возможно поставить частичку своей экзистенции перед собой, объективировать ее, сделать более понятной. Музыка способна резонировать с «Я», это своеобразный экзистенциальный диалог, который несет терапевтический эффект. Именно этот эффект является наиболее ценным для человека и так тотально привлекает музыку во все сферы человеческого бытия.

Ключевые слова: экзистенция, философия музыки, экзистенциальный опыт, универсальный язык, коды культуры, ценностные нормы.

Экзистенциализм одно из немногих философских направлений, которое так ярко проявилось в литературе и искусстве XX века. Человеческие эмоции, чувства и состояния, которые в традиционном западном мышлении рассматривались как негативные, здесь приобрели положительный акцент. К примеру, в текстах различных жанров, включая тексты песен, проговаривались экзистенциальные проблемы, когда автор передавал личную боль, страдания, субъективные реакции на жизненные ситуации. Экзистенциализм во многом можно считать философской базой искусства постмодернистской волны. Философы экзистенциалисты в своих работах не дают рецепта, как человеку смириться с бременем существования, каким образом избегать ошибок и не страдать. Рецепта не может быть в принципе, поскольку человеку не дано постичь смысл своей жизни. Но возможно приблизиться к пониманию страдания, страха, одиночества. И в этом помогает творчество, способное если не полностью избавить человека от бессмысленности и отчаяния, царящих в мире, то хотя бы их максимально приглушить. Творчество способно распахнуть дверь в мир подлинной свободы.

В настоящей статье представлен философский анализ музыки как субъективного искусства, способного

заставить звучать тонкие эмоциональные состояния отдельного человека. Из сугубо интимных, экзистенциальных переживаний рождается искусство, способное резонировать с внутренним миром Другого. В этом феномен музыки как искусства на все времена.

Можно сказать, что музыка является универсальным языком, поскольку он понятен всем без перевода. Не обязательно, чтобы универсальный язык состоял из слов. Его основой может служить число или нота. Великий античный философ и математик Пифагор в свое время размышлял о гармонии чисел и Природы. Одним из первых Пифагор отошел от традиции связывать природные явления с волей многочисленных мифологических богов. Мыслитель видел четкую закономерность мира, и что эту закономерность возможно объяснить языком математики. В основу мироздания философ поставил число и не ошибся. Не ошибся в том смысле, что Природу можно объяснять с помощью математических формул. Это с успехом демонстрируют современные фундаментальные науки.

Пифагор с помощью чисел исследовал гармонию музыки и сделал открытие, что музыка подчиняется простым числовым отношениям. Каким образом мыслитель

пришел к этому гениальному открытию доподлинно не известно. К примеру, существует рассказ ученого IV века Ямвлиха, который утверждает, что Пифагора натолкнула на эту мысль работа кузнецов, вернее услышанная им гармония звуков от ударов молотков о железо. Современные же историки склоняются к версии Гаудеция, который в своей работе «Введение в грамматику» пишет, что Пифагор экспериментировал инструментом монохорд. Он зажимал струну монохорда в разных точках и получал различные тона, пока не фиксировал точки, где тон получался наиболее гармоничным. В результате философ впервые провел научный эксперимент и привел математические доказательства своим выводам. Так впервые человечество узнало кварты, квинты, октавы. Все эти гармоничные интервалы есть числовые пропорции. Музыкальное произведение по Пифагору, есть звучание гармонично оформленных чисел. Философ осознал влияние музыки не только на чувства и эмоции, но и на тело и ум. Это воздействие он красиво именовал «музыкальная медицина». Пифагор считал, что музыка способна менять плохие нравы и образ жизни, совершенствовать душу. Именно с легкой руки Пифагора музыка приобретает статус философской науки, стоящей в одном ряду с астрономией, арифметикой, геометрией.

Аристотель так же считал музыку необходимым условием внутренней гармонии человека. Однако он, в противовес своему учителю Платону, не считал музыку философской наукой. Хотя и не отрицал, что музыка необходима не только для отдыха, развлечения души, но и для развития ума. Главная же ценность музыки – это ее способность изменять душу и нрав, поскольку она объединяет в себе удовольствие и красоту, помогает обрести счастье, в ней находятся «зародыши» нравственных состояний. Ученик Аристотеля Аристоксен написал множество произведений о музыке, где продолжал именовать ее наукой. Со слов А.Ф. Лосева, Аристоксена по праву можно назвать теоретиком музыки и основоположником философии музыки. Секс Эмпирик, Плутарх, Теон Смирнский и другие философы начала нашей эры считали, что именно музыка открывает путь к философии. Латинский писатель и логик Марциан Капелла включал музыку в число семи свободных искусств – спасительниц человеческой души. Немецкий натурфилософ XVIII века Новалис под музыкой понимал «уравнение мира в целом».

Гегель мыслил музыку субъективным искусством. Он был уверен, что одухотворенность музыки способствует воспроизводству всего самого сокровенного в душе человека, заставляет его чувствовать. Музыка – это душа, звучащая для себя, что дает ей полное удовлетворение. Как отдельное метафизическое понятие, включенное в онтологическую картину мира, впервые выделяет музыку Шопенгауэр. Философ считает, что сущность мироздания возможно постичь через сущность музыки. Ме-

тафизическая воля по Шопенгауэру способна оставлять слепок в виде музыки.

Австрийский профессор теории, истории и эстетики музыки Эдуард Ганслик в своих трудах вводит метафизическое понятие Духа, который обладает силой оформлять. Дух он разделяет на потенциальный (звуки) и актуальный (композиторская идея). Их взаимодействие порождает музыкальную красоту – духовную форму (смысл музыки). Музыка – это особая духовная форма, противостоящая другим видам искусства. Ганслик вводит в понятийный аппарат философии музыки такое понятие как «эстетика чувства числа» [4].

Карл Дальхауз, представитель западной школы философии музыки XX века развивает идею «абсолютной музыки», разрабатывает аналитические критерии, с помощью которых важно дать эстетическую оценку музыки. Причем Дальхауз к анализу музыки применяет не только теоретический и эстетический подходы, но и исторический [8].

Еще одному видному представителю западной школы философии музыки Теодору Адорно принадлежит высказывание, ставшее устойчивым выражением: «Не мы слушаем музыку, а музыка слушает нас». Философ понимает под музыкой особую сферу искусства, где наиболее сильно проявляется свобода индивидуального творчества [1].

Выдающийся советский ученый А.Ф. Лосев в своем творчестве уделял философии музыки особое значение. Исследуя сущность музыки, Лосев очень необычно и лаконично определил ее как «жизнь числа во времени». Согласно философским взглядам ученого, музыка, как и число, автономно от любых психофизиологических и физических явлений [5]. Советского музыковеда и социолога Б.В. Астафьева интересовала тема циркуляции социальных кодов в музыке. Ученый пришел к выводу, что музыкальная форма детерминирована [3].

Все исследователи музыки сходятся во мнении, что последняя влияет на качество жизни человека. Она может как наполнить его существование позитивным смыслом, так и сподвигнуть на необдуманные поступки, меняющие личностные позиции и установки в сторону разрушения. Но личностные позиции человека по отношению к основным экзистенциальным вопросам существования тотально сказываются на качестве жизни. Человек с самого рождения помимо эмпирического опыта получает и опыт экзистенциальный, формирование которого уникально. Все мы проходим свой неповторимый путь, высвечивая ответы на вопросы о смысле жизни, смерти, свободе, ответственности. Список подобных вопросов объемён. Каждая культура на определенном отрезке времени предлагает определенный набор

ценностных ориентиров, готовых знаний и ответов на мировоззренческие вопросы. Однако уникальность отдельного человека не позволяет уместить все в рамки общих правил и норм.

На этом фоне есть нечто постоянное, незыблемое, любимое, привычное, что помогает и поддерживает во все времена даже в таких состояниях, которые мы называем пограничными. Это искусство, которое способно преодолевать языковой барьер, сбрасывать коды культуры. Современному человеку с высоты XXI века могут быть не понятны определенные древние обряды и верования, но музыка, скульптура, живопись, архитектура вне времени и пространства.

Музыка является особым видом искусства звуков. Данное определение является ограниченным. Анализ многочисленных высказываний о музыке философов, музыкантов, ученых, обычных людей, делает это определение невероятно красивым и обширным. Подведя эти высказывания под общий знаменатель, можно сказать, что музыка – волшебство, она рисует картину мироздания, вытаскивает на поверхность коды души, является духовным языком мира материального (а это позволяет музыке осмыслять, анализировать).

Музыка – это возможность донести до Другого свою тайну, это вид общения, вид понимания. Музыка является одним из самых сильных катализаторов человеческих эмоций. Воздействуя на психику и чувства, мечты и поступки, музыка во многом формирует личность, мировоззренческие принципы и идеалы. Это искусство во все времена пронизывало бытие человека. В современное время информационных технологий музыка еще сильнее влияет на формирование нашей экзистенции, более «навязчиво» сопровождает индивидуально-личностный опыт.

Философы – экзистенциалисты впервые высветили темы, которые прежде не рассматривались, считались второстепенными. В частности, проблема экзистенциальной тревоги, которая связана с индивидуально-личностным опытом перед лицом таких данностей бытия как свобода, ответственность, любовь, одиночество, смерть, выбор и другие. Всякий человек индивидуален и интимно переживает свое становление в качестве неповторимой личности. Экзистенцию сложно свести к определенным объективациям и дать ей точное определение. Благодаря экзистенциалистам, мы принимаем, что наше человеческое бытие глубоко интимно, оно нами

управляет в большей степени, чем мы им. В том смысле, что мы его не можем отменить, заменить.

Мартин Хайдеггер в свое время пришел к выводу, что бытие не подвластно ни познавательной манипуляции, ни практической. Экзистенция не может быть объективирована. К примеру, в случае с физическим экспериментом ученый обязательно задает условия его проведения и контролирует ход опыта. В случае с опытом экзистенциальным этого сделать практически невозможно. Опять же, Хайдеггер здесь говорит, что можно сделать только так, чтобы «бытие само заговорило с нами». Само бытие и является истоком экзистенциального опыта [2].

Музыка во многом способна «говорить» с индивидуальным бытием на одном языке, вытягивая на поверхность те экзистенциальные проблемы, которые здесь и сейчас волнуют индивида. Таким образом, через музыку возможно поставить частичку своей экзистенции перед собой, объективировать ее, сделать более понятной. Музыка способна резонировать с «Я», это своеобразный экзистенциальный диалог, который несет терапевтический эффект. Именно этот эффект является наиболее ценным для человека и так тотально привлекает музыку во все сферы человеческого бытия [7].

Уникальность человека формируется в сложном процессе поиска жизненных смыслов, ценностных норм. Музыка простым языком способна дать совет, поддержать в момент экзистенциальных метаний, высветить лучшее и быстрое решение. Если музыка не носит выраженный коммерческий характер, а создана на основе личных переживаний автора, если в нее вплетены авторские экзистенциальные поиски и прозрения, тогда такая музыка становится ценностью. Можно сказать, что всякое музыкальное произведение, в которое вложена частичка вселенной отдельного человека, является экзистенциальной ценностью, способной резонировать с миром Другого.

С момента рождения для человека начинается сложный путь развития его экзистенции через осуществляемые им выборы, через самоопределение, осознание себя и места своего «Я» в мире. Таким образом, индивид приходит к своей экзистенциальной идентичности. На этом пути практически в каждом моменте человека сопровождает музыка – уникальное искусство, способное отражать, обогащать, врачевать внутренний мир человека, корректировать его экзистенцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Теодор Избранное : Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
2. Артеменко Н.А. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера и проблема субъективности // Гуманитарная студия. 2008. № 4. С. 9-12.
3. Астафьев Б.В. Музыка в кружках русских интеллигентов 20-40-х годов // В сб. «Музыказнание». М., 1990.

4. Ганслик Эдуард О музыкально-прекрасном. – Опыт проверки музыкальной эстетики / Музыка: искусство, наука, мастерство. Либроком, 2021.
5. Лосев А.Ф. Основной вопрос философии музыки. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
6. Пичко Н.С. Духовно-нравственный контент музыкально-философского пространства // Контекст и рефлексия : философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 225-231.
7. Фетисова Е.Н. Экзистенциальная терапия рок-музыки (на примере «русского рока») / Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 105-108.
8. Чередниченко Т.В. Карл Дальхауз: философско-методологическая рефлексия истории музыки // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 121-138.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

АРГУМЕНТ ПОСЛЕДСТВИЙ КАК МОДИФИКАЦИЯ ЛЕНИВОГО СОФИЗМА

Юрасов Андрей Александрович

К.ф.н., президент, Благотворительный фонд

«Чувство дома»

yurasov@chuvstvo-doma.ru

THE CONSEQUENCE ARGUMENT AS A MODIFICATION OF THE LAZY REASON

A. Yurasov

Summary: The consequence argument in defense of incompatibilism has a sophistic nature, namely, it is a modification of the so-called lazy reason. The connection of the consequence argument with lazy reason is mediated by the rule β . Even if the relation “up to us” is understood as not determined unambiguously by external causes, the consequences of phenomena that are not up to us may be up to us. The fact that the consequence argument is considered in analytical philosophy as the main incompatibilist argument indicates a crisis in modern studies of free will.

Keywords: consequence argument, free will, incompatibilism, lazy reason, determinism, rule β .

Аннотация: Аргумент последствий в защиту инкомпатибилизма имеет софистическую природу, а именно представляет собой модификацию так называемого ленивого софизма. Связь аргумента последствий с ленивым софизмом опосредована правилом β . Даже если отношение «зависит от нас» понимается как не определенное однозначно внешними причинами, последствия не зависящих от нас феноменов могут зависеть от нас. Тот факт, что аргумент последствий рассматривается в аналитической философии в качестве главного инкомпатибилистского аргумента, свидетельствует о кризисе в современных исследованиях свободы воли.

Ключевые слова: аргумент последствий, свобода воли, инкомпатибилизм, ленивый софизм, детерминизм, правило β .

Введение

Инкомпатибилизм — теоретическая позиция, в соответствии с которой свобода воли несовместима с детерминизмом (как правило, подразумевается *каузальный детерминизм*). Самым известным инкомпатибилистским аргументом является аргумент последствий, сформулированный Карлом Жине [6, с. 87–104], Дэвидом Виггинсом [10, с. 31–62] и Питером ван Инвагеном [9, с. 185–199; 8]. «Версия ван Инвагена получила наибольшее распространение. Обычно, говоря об аргументе последствий, имеют в виду именно ее. В общем виде аргумент звучит следующим образом: “Если детерминизм истинен, то наши действия являются последствиями законов природы и событий в отдаленном прошлом. Однако от нас не зависит то, что происходило до нашего рождения, и также не зависит, каковы законы природы. Следовательно, их последствия (включая наши действия в настоящем) от нас не зависят”» [3, с. 88]. Данный аргумент представляет собой видоизменение древнего софизма, известного под названием *ленивый софизм*.

Ложность аргумента

Так называемое *правило β* , которое берется в качестве одной из посылок аргумента, заключается в том, что от нас не зависят последствия того, что от нас не зависит. Ложность этого правила очевидна, ибо если некоторый не зависящий от нас фактор обуславливает нашу волю, то результат наших действий зависит как от этого фактора, так и от нас. Если же под словами «зависеть от»

подразумевается отношение, которое однозначно не обусловлено никакими предшествующими событиями и законами природы, то такое отношение несовместимо с каузальным детерминизмом просто потому, что он предполагает, что некоторые события (в том числе внешние по отношению к нам, нашим ценностям) в совокупности с законами природы однозначно определяют нашу волю. В. В. Васильев справедливо говорит об аргументе последствий, что он «вызвал много дискуссий, но едва ли заслуженно» [1, с. 28], а также, что «если наши действия причиняются нашими желаниями, то они зависят от этих желаний и от нас, их субъектов. И зависимость этих действий от желаний не противоречит тому, что сами желания детерминируются отдаленными причинами. Из того, что причина события имеет причину, не следует, что она из-за этого перестает быть причиной. Подобные утверждения кажутся просто нелепостью. Единственная трактовка аргумента ван Инвагена, при которой он не выглядит абсурдным, состоит в том, что при детерминизме события предопределены и в этом смысле не зависят от нас. Но это вытекает из дефиниции детерминизма, так что тут не нужно дополнительной аргументации» [1, с. 30].

Стоит отметить, что если понимать термин «последствие» в обычном смысле, то аргумент последствий не работает даже в том случае, если под отношением «зависит от» подразумевается ничем однозначно не обусловленная зависимость. Если некоторое событие X, не зависящее от меня, вызывает событие Y лишь при условии, что я этому не помешаю, то Y является последствием X,

когда я этому не мешаю. Даже если мое вмешательство или невмешательство не детерминировано ничем внешним и зависит только от меня, Y будет последствием X , если я этому не помешаю. Поэтому последствие события, которое от меня не зависит, может от меня зависеть. Конечно, можно сказать, что Y является последствием того, что имеют место и событие X , и мое решение о невмешательстве. Однако это не противоречит тому, что Y является и последствием одного только X : можно обратить внимание на то, что если событие X сочетается с моим решением о невмешательстве, то это не является достаточным условием возникновения Y , как не является таковым и событие X , рассмотренное само по себе.

Чтобы это рассуждение легче воспринималось, проиллюстрируем его примером. Я наблюдаю медленное движение желтого шара по направлению к красному. У меня есть возможность, протянув руку, зафиксировать положение красного шара так, что, когда произойдет его столкновение с желтым, красный шар не сдвинется с места. Но если я этого не сделаю, то красный шар будет сбит желтым. Предположим также, что у меня нет возможности повлиять на движение желтого шара вплоть до момента его столкновения с красным и что я принимаю решение не фиксировать положение красного шара. Тогда движение желтого шара (событие X) не зависит от меня, но его последствие — изменение положения красного шара (событие Y) — от меня зависит, ведь у меня была возможность предотвратить это событие. Причем это верно, даже если мое решение не прикасаться к красному шару однозначно не определено внешними факторами. Странно было бы не называть в рассматриваемой ситуации изменение положения красного шара последствием движения желтого шара. Но изменение положения красного шара очевидно зависит от моего решения, несмотря на то, что движение желтого шара от меня не зависит.

Бесполезная формализация

Аргументу последствий посвящена большая литература, и прежде всего в связи с тем, что ван Инваген представил его в формализованном виде (в различных версиях, из которых наиболее известна та, в которой применяется модальная логика). Сходную структуру имеет и *прямой аргумент*, также сформулированный ван Инвагеном и направленный на обоснование инкомпатибилизма напрямую, без апеллирования к невозможности поступать иначе. Эти формализмы не только бесполезны, но и способствуют путанице. Имеет смысл продемонстрировать это на примере ошибки, допущенной ван Инвагеном именно в связи с формализацией доказательства. Версия аргумента последствий, названная *основным аргументом*, изложена применительно к случаю некоего судьи J , который на судебном разбирательстве в момент T имел возможность поднять руку,

проголосовав тем самым за помилование преступника, однако этого не сделал, и тот был казнен. Обозначения: T_0 — момент времени до рождения J , P_0 — пропозиция, выражающая состояние мира в момент T_0 , P — пропозиция, выражающая состояние мира в момент T , L — конъюнкция всех законов физики. Основной аргумент:

- «(1) Если детерминизм истинен, то из конъюнкции L и P_0 следует P .
- (2) Если бы J поднял руку в момент T , то P была бы ложной.
- (3) Если (2) верно, то если J мог поднять руку в T , то J мог бы сделать P ложной.
- (4) Если J мог сделать P ложной и если из конъюнкции L и P_0 следует P , то J мог сделать конъюнкцию L и P_0 ложной.
- (5) Если J мог сделать конъюнкцию L и P_0 ложной, то J мог сделать L ложной.
- (6) J не мог сделать L ложной.
- (7) Если детерминизм истинен, то J не мог поднять руку в T » [9, с. 191].

Ван Инваген утверждает, что этот аргумент верен и в случае условного анализа («мог сделать» означает «сделал бы, если бы выбрал так сделать»), и поясняет это на примере шестого пункта: если J выбрал бы сделать L ложной, то не смог бы этого сделать (ведь не во власти человека изменять законы природы). Ошибка ван Инвагена состоит, во-первых, в том, что он рассматривает действие «сделать L ложной» как объект выбора, во-вторых, в игнорировании того, что если бы J захотел поднять руку, то конъюнкция L и P_0 была бы ложной. Таким образом, очевидные вещи стали трудными для понимания в результате ненужной формализации, что привело к софистическим выводам.

Ложность аргумента последствий легко устанавливается без обращения к его формализованным версиям. Но если ошибочна сама идея аргумента, то никакая ее формализация не в состоянии этого исправить. Напротив, она лишь неоправданно усложняет аргумент и создает видимость научного подхода.

Ленивый софизм

Аргумент последствий представляет собой модификацию *ленивого софизма*: «...если будущее необходимо, то произойдет то, что должно произойти, как бы я ни поступал» [2, с. 54]. Родственность аргумента последствий ленивому софизму почему-то упускают из виду, несмотря на обилие литературы, посвященной этому аргументу. В его основе лежит правило β , которое заключается в том, что от нас не зависят последствия того, что от нас не зависит. Разумеется, это правило полностью обесценивает аргумент.

Ленивый софизм был опровергнут еще в древности.

«Это умозаключение опровергается Хрисиппом. Среди [высказываний о] событиях, говорит он, одни простые [необусловленные] (*simplicia*), а другие — связанные [обусловленные]. Простое событие [выражено в высказывании] “Сократ умрет в такой-то день”: день смерти для него определен и не зависит от того, сделает он что-нибудь или не сделает. А вот если предсказано: “У Лая родится Эдип”, то тут уже нельзя добавить: “Сойдет ли Лай с женой или не сойдется”, — ведь это события связанные и потому соопределенные. А называет он их так, поскольку было назначено, что Лай должен был сойтись с женой и от этого предстояло родиться Эдипу» [4, с. 157, 158].

Если законы природы и факты определенного момента в далеком прошлом однозначно определяют все последующие события, то это не означает, что мои действия от меня не зависят. Напротив, мои решения

вливают на мои действия.

Заключение

В Стэнфордской философской энциклопедии указано, что аргумент последствий наряду с идеями Питера Стросона и Гарри Франкфурта радикально изменил дискуссию о свободе воли [5]. Настораживает тот факт, что в современных дискуссиях по этой великой проблеме одной из ключевых тем является аргумент, софистическая природа которого очевидна. Представление о том, что он является весомым, широко распространено: «С момента своего первого появления аргумент последствий был единственным наиболее влиятельным соображением в пользу тезиса о том, что свобода воли, понимаемая в терминах свободы выбора, несовместима с детерминизмом» [7, с. 72]. Это не может не свидетельствовать о кризисе современной философии свободной воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма. Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017. — 200 с.
2. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. — 554 с.
3. Мишура А.С. Аргумент последствий в дискуссии о свободе воли. // Мысль. Выпуск 21 (2016). — 186 с.
4. Цицерон М.Т. О судьбе // Фрагменты ранних стоиков. Т. 2, ч. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. — 272 с.
5. Compatibilism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/compatibilism/> (дата обращения: 28.07.2021).
6. Ginet C. Might We Have No Choice? // Freedom and Determinism. New York: Random House, 1966. — 207 p.
7. McKenna M., Pereboom D. Free Will. A Contemporary Introduction. New York and London: Routledge, 2016. — 329 p.
8. Van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford: Clarendon Press, 1983. — 248 p.
9. Van Inwagen P. The Incompatibility of Free Will and Determinism // Philosophical Studies. Vol. 27, №3, Mar. 1975. — 220 p.
10. Wiggins D. Towards a Reasonable Libertarianism // Essays on Freedom of Action. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. — 215 p.

© Юрасов Андрей Александрович (yurasov@chuvstvo-doma.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alawadi Maryam Neamah Joudah – postgraduate student, Moscow State Pedagogical University, Moscow

Atamanov A. – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Federal State budgetary educational institution of higher Education "South Ural State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Bagaeva O. – PhD in Philosophy, assistant professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubova

Bakaeva E. – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Borisenko Z. – Senior lecturer, Branch of the Lomonosov Moscow State University in Sevastopol

Chibisova M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Fetisova E. – Ph.D., Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University", Khabarovsk

Gezenko D. – Senior lecturer, Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences

Grigoriev A. – Senior Lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Kalendarishvili Z. – Candidate of Law, candidate of pedagogical sciences, professor, Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences

Kalinovskaya K. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Kazakova T. – Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Our authors

Kemmel V. – Associate Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Kemmel V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, KrasSMU

Kim E Sun – Applicant, Pacific National University (Khabarovsk city)

Kovalenko M. – Director, National Academy of the Humanities

Lukina E. – Branch of the Lomonosov Moscow State University in the city of Sevastopol

Markman E. – graduate student, Russian Christian Humanitarian Academy

Mast S. – Clinical psychologist, post-graduate student of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region "Leningrad State University named after A.S. Pushkin", St. Petersburg

Moiseenko A. – professional coach of the International Erickson University of coaching according to the standards of the International Coaching Federation (ICF)

Mokina Ya. – Head of the department, psychiatrist, Chelyabinsk Regional Clinical Specialized Neuropsychiatric Hospital No. 1, Chelyabinsk

Nalichaeva S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Branch of the Lomonosov Moscow State University in Sevastopol

Pilishvili T. – PhD in Psychology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Potapova E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Raitina M. – PhD, Associate professor, TUSUR

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Stoyanova E. – associate professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk)

Terentyev B. – Branch of the Lomonosov Moscow State University in the city of Sevastopol

Tkachenko A. – psychologist, Branch of the Lomonosov Moscow State University in the city of Sevastopol

Yurasov A. – Candidate of philosophy, President of the Charity Foundation "Feeling of Home"

Zhakupova Ya. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State budgetary educational institution of higher Education "South Ural State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Zhivaeva Yu. – associate professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).